

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

С.В. Ворошилова, Е.П. Татарина — Женское избирательное право в Российской империи 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Ярыгин — Джеймс Блейн 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

З.Э. Джиоева — Этимология и структурные особенности антропонимов монголов Чингис-хана 38

СООБЩЕНИЯ

Я.В. Карпенкина — Советские граждане в Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. 48

С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина — Северная оконечность Казанской улицы Санкт-Петербурга в исследовательской практике 57

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Е.Б. Барина — Этнополитические отношения в Средней Азии в домонгольское время	75
--	----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.С. Ищенко — Миф о Владимире Мономахе в зеркале украинской исторической памяти	93
--	----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.Э. Котов — Михаил Юзефович — идеолог русского политического предмодерна	105
--	-----

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Вторая мировая война в современном контексте	122
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Ю.С. Никифоров — Попытка Ярославля потеснить Иваново в управлении Верхневолжским совнархозом	137
---	-----

В.А. Поляков — К вопросу о количестве рабочих-двадцатипяти тысячников на Нижней Волге в 1930 г.	145
---	-----

Р.С. Абдулмажидов, Ш.М. Хапизов — Взаимоотношения Джарской республики и Кахетинского царства в конце XVII — первой четверти XVIII в.	148
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.М. Игнатова — Историография принудительных миграций	159
--	-----

М.Ц. Арзаканян — И.А. Хормач. СССР в Лиге наций 1934—1939 гг.	169
---	-----

С.А. Кислицын — А.Л. Худобородов, М.А. Яшина. Российское казачество на чужбине. 1920—1940-е гг.	173
---	-----

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)

Аннотация. Документы, представленные в настоящей подборке, охватывают ключевые события июня-июля 1941 г.: выступление по радио председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 г., а также первые сводки Совинформбюро. Кроме того, публикуется хранящееся в Архиве Министерства обороны Российской Федерации донесение Командующего Южным фронтом генерала И.В. Тюленева об итогах двухнедельных боев на фронте от 8 июля 1941 года.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, вторая мировая война, И.В. Сталин, Совинформбюро, Государственный комитет обороны, Совет народных комиссаров, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. Presented documents are related to the Great Patriotic war events of June-July 1941. They include radio-address of President of State Defense Committee of the Soviet Union Joseph Stalin as well as first Soviet Information Bureau daily reports. The report of Commander of Red Army's Southern Front general Ivan Tyulenev dated July 8 1941 about the results of two-weeks battles on that Front is of special interest in this context. The document is presented by Russian Ministry of Defense.

Key words: USSR, Great Patriotic War, World War II, Joseph Stalin, Soviet Information Bureau, State Defense Committee, Council of People's Commissars, Ministry of Defense of Russian Federation.

Среди событий первых недель Великой Отечественной войны важнейшая политическая роль принадлежала выступлению по радио председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 года. Оно было опубликовано в тот же день в органе Центрального Комитета и Московского Комитета ВКП(б) газете «Правда» и стало первым обращением лидера СССР к советскому народу после начала войны:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается.

Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и

нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилёв, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и наконец была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориаль-

ной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военноморской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины поднимается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы

советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые

условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

СТАЛИН И. О Великой Отечественной войне Советского Союза.
М. 1947, с. 9—17.

Выступление И.В. Сталина по радио прозвучало на фоне ухудшавшейся ситуации на советско-германском фронте, о которой можно было составить представление даже из лаконичных и предельно сдержанных сводок Совинформбюро, образованного при Совете народных комиссаров СССР 24 июня 1941 года. Его сводки публиковались ежедневно или несколько раз в день. В частности, дневное сообщение от 30 июня 1941 г. гласило:

«В течение ночи на 30 июня наши войска продолжали вести упорные бои на Мурманском, Двинском, Минском и Луцком направлениях.

На остальных направлениях и участках фронта происходили ночные поиски разведчиков, частные перегруппировки войск и артиллерийская перестрелка.

29 июня противник настойчиво и неоднократно пытался перейти нашу госграницу на Карельском перешейке, но каждый раз огнем и контратаками наших войск с большими потерями отбрасывался в исходное положение.

На КЕКСГОЛЬМСКОМ направлении противник силой до двух пехотных батальонов германских войск три раза переходил в атаку против позиций, занимаемых нашими войсками. Оставив 300 убитых на поле боя, противник отошел за госграницу.

В тот же день на ВЫБОРГСКОМ направлении противник пытался высадить морской десант. Решительными действиями наших войск десант противника уничтожен при высадке и на берегу.

В боях за 29 июня наша авиация уничтожила 53 самолета противника, потеряв 21 самолет».

Вечером того же дня Совинформбюро выпустило новую сводку, в которой говорилось:

«В течение 30 июня на всем протяжении советско-финляндской госграницы противник, наступавший накануне, отброшен нашими войсками.

На МУРМАНСКОМ направлении идут ожесточенные бои с немецкими войсками, в ходе которых противник несет значительные потери.

На ВИЛЬНЕНСКО-ДВИНСКОМ направлении наши войска ведут ожесточенные бои с мотомехчастями противника, которые пытаются прорваться в северо-восточном направлении. Численно превосходящему противнику на этом направлении наши войска противопоставляют упорство и быстроту маневра.

На МИНСКОМ и БАРАНОВИЧСКОМ направлениях наши войска ведут упорные бои с превосходящими силами подвижных войск противника, задерживая их продвижение на промежуточных рубежах.

В районе РОВНО продолжаются крупные бои танковых соединений. Все попытки противника прорваться на восток отбиты с большими для него потерями. Бои на этом направлении носили характер ожесточенных схваток танковых частей, в результате которых значительное количество немецких танков уничтожено.

На БЕССАРАБСКОМ участке фронта противник вновь пытался форсировать р. Прут, но быстрыми и решительными действиями наших войск эти попытки были отбиты с большими для него потерями.

За истекший день кораблями Военно-Морского Флота потоплены две подводные лодки противника в Балтийском море и одна — в Черном море».

Итоги двухнедельных боев на Южном фронте его командующий генерал И.В. Тюленев подвел в донесении И.В. Сталину, Народному комиссару обороны С.К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Красной армии, заместителю Народного комиссара обороны Г.К. Жукову от 8 июля 1941 года. Ниже приводятся выдержки из этого документа:

«1. В результате двухнедельных боев Армии Южного фронта продолжают удерживать в своих руках рубеж р. ПРУТ и р. ДУНАЙ, за исключением участка СНЯТЫН, ПТАКЕШТЫ, где правофланговые части 18А, отходят на новый оборонительный рубеж в связи с отходом левого крыла ЮЗФ [Юго-Западного Фронта].

Противнику к исходу 4.7. удалось форсировать р. ПРУТ [и] перебросить на восточный берег до шести ПД [пехотных дивизий] и одной КД [кавалерийской дивизии], что вынудило наши части отойти на 20—25 клм. Противник создал себе достаточный плацдарм (шириной свыше 100 клм. и глубиной до 25 клм.) для развертывания дальнейших наступательных действий в общем направлении ВИННИЦА...

3. Общая численность войск противника перед Южным фронтом (до 40 ПД [пехотных дивизий], до 3-х ТД [танковых дивизий], до 10 МД [моторизованных дивизий]) дает ему общее превосходство в живой силе в 3—4 раза, в технике — в 2—2¹/₂ раза, при имеющейся средней оперативной плотности наших войск — одна СД [стрелковая дивизия] на 70—80 клм.

В направлении возможного главного удара (в ВИННИЦКОМ) противник имеет возможность создать еще большую плотность».

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации,
ф. 228, оп. 701, д. 58, л. 10—14.

Отмеченная генералом Тюленевым недостаточная численная личного состава и боевой техники частей Красной армии на Южном фронте объективно не позволяла удерживать оборонительные рубежи и тем более проводить наступательные операции в первые недели войны. Однако Ставку верховного главнокомандования объяснения командующего Южным фронтом не удовлетворили. В директиве от 12 августа 1941 г., направленной Военному совету Юго-Западного направления, Сталин указывал главнокомандующему войсками Юго-Западного направления С.М. Будённому:

«Комфронта Тюленев оказался несостоятельным. Он не умеет наступать, но не умеет также отводить войска. Он потерял две армии таким способом, каким не теряют даже и полки. Предлагаю Вам выехать немедленно к Тюленеву, разобраться лично в обстановке и доложить незамедлительно о плане обороны. Николаев сдавать нельзя. Нужно принять все меры к эвакуации Николаева и, в случае необходимости, организовать взрыв верфей и заводов.

Ни авиацией, ни стрелковыми дивизиями Ставка в настоящий момент помочь не может. Если обяжет обстановка, можете взять сами на себя дело отвода частей и организации обороны.

Обязательно координируйте действия фронта с действиями Черноморского флота и держите связь с Октябрьским. Мне кажется, что Тюленев деморализован и не способен руководить фронтом».

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации,
ф. 148а, оп. 3763, д. 107, л. 32.

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941–1945)

Among the events of the first weeks of the Great Patriotic War radio-address of President of State Defense Committee of the Soviet Union Joseph Stalin on July 3 1941 had particular political importance. It was published the same day in “Pravda” newspaper of the Central Committee and Moscow Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks). That was the first address of USSR leader to the Soviet people since the outbreak of war:

“Comrades! Citizenry! Brothers and sisters! Soldiers of our Army and Navy!
I am addressing you, my friends!

The perfidious military attack by Hitlerite Germany on our Motherland, begun on June 22, continues.

Despite the heroic resistance of the Red Army, despite the fact that the best divisions of the enemy, and the best part of his aviation is already defeated and found his own grave on the battlefield, the enemy continues to push forward, throwing new force to the front. Hitler’s troops managed to capture Lithuania, a significant part of Latvia, the Western part of Belarus, part of Western Ukraine. Fascist aircrafts expand the areas of its bombers, bombing Murmansk, Orsha, Mogilev, Smolensk, Kiev, Odessa, Sevastopol. Our country is in imminent danger.

How could it happen that our glorious Red Army surrendered a number of our cities and districts to fascist troops? Are the German fascist troops really invincible troops are as relentlessly trumpeted by the boastful fascist propagandists?

Of course not! History shows that there have been no invincible armies. Napoleon’s army was considered invincible, but it was broken alternately by Russian, English, German troops. The German army of Wilhelm during the first imperialist war was regarded as an invincible army too, but it several times tolerated a destruction from Russians and Anglo-French troops and finally was smashed by Anglo-French troops. The same must be said of Hitler’s current Nazi army. This army has not met yet serious resistance on the continent of Europe. Only on our territory it has met serious resistance. And if as a result of this resistance the best divisions of the German fascist army are broken by our Red Army, it means that Hitler’s fascist army can be defeated and will be defeated, defeated as the armies of Napoleon and Wilhelm.

As for what part of our territory was still occupied by German fascist troops, this is mainly due to the fact that the war of fascist Germany against the Soviet Union began under favorable conditions for German forces and unfavorable for Soviet forces. The fact is that the troops of Germany, as a country at war, were already completely mobilized, and the 170 divisions were thrown by Germany against the Soviet Union and moved to the borders of the USSR in a state of complete readiness, only awaiting the signal to speak, whereas Soviet troops had still to effect mobilization and move up to the borders. Of no small importance was the fact that Nazi Germany unexpectedly and treacherously violated the non-aggression Pact concluded in 1939 between herself and the USSR, regardless of the fact that it will be recognized by the whole world as the attacker. It is clear that our peace-loving country, not wishing to take the initiative of violating the Pact, could not take the path of treachery.

One may ask: how could it happen that the Soviet government went to the conclusion of the non-aggression Pact with such treacherous people and monsters as Hitler and Ribbentrop? Wasn't there a mistake on the part of the Soviet government? Of course not! The non-aggression Pact is a Pact of peace between the two States. It was this Pact that Germany offered us in 1939. Could the Soviet government refuse such a proposal? I think that no peace-loving state can renounce a peace agreement with a neighbouring power if even such fiends and cannibals as Hitler and Ribbentrop are at the head of that power. And this, of course, under one indispensable condition - if the peace agreement does not affect either directly or indirectly the territorial integrity, independence and honor of the peace-loving state. As you know, the non-aggression Pact between Germany and the USSR is just such a Pact.

What have we won by concluding a non-aggression Pact with Germany? We provided our country with peace for a year and a half and the possibility of preparing its forces to fight back, if fascist Germany would risk attacking our country contrary to the Pact. This is a definite gain for us and a loss for Nazi Germany.

What did Nazi Germany won and what did lost treacherously tearing up the Pact and attacking the Soviet Union? She achieved these some a winning position for their troops in for short term, but she lost politically, by exposing themselves in the eyes of around the world as bloody aggressor. There can be no doubt that this short-term military gain for Germany is only an episode, and the huge political gain for the USSR is a serious and long-term factor on the basis of which the decisive military successes of the Red Army in the war with fascist Germany should unfold.

That is why all our valiant Army, all our valiant Navy, all our pilots-falcons, all the people of our country, all the best people of Europe, America and Asia, finally, all the best people of Germany — brand the treacherous actions of the German fascists and sympathize with the Soviet government, approve of the behavior of the Soviet government and see that our cause is right, that the enemy will be defeated, that we must win.

As a result of the war imposed on our country, we has engaged in mortal combat with the bitter and treacherous enemy, German fascism. Our troops heroically fight the enemy, armed to the teeth with tanks and aircrafts. Red Army and Red Fleet, overcoming numerous difficulties, selflessly fight for every inch of Soviet land. Main forces of the Red Army armed with thousands of tanks and planes enter the battle, The bravery of the soldiers of the Red Army is unprecedented. Our resistance to the enemy grows stronger and stronger. Together with the Red Army the entire Soviet people rise to protect the Homeland.

What is required in order to eliminate the danger looming over our Homeland, and what measures need to be taken in order to defeat the enemy?

First of all, it is necessary for our people, the Soviet people, to understand the depth of the danger that threatens our country, and to renounce complacency, carelessness, the mood of peaceful construction, quite understandable in the pre-war period, but harmful at the present time, when the war radically changed the situation. The enemy is cruel and relentless. He aims to seize our lands, watered with our sweat, seize our grain and oil which have been obtained by our work. It aims to restore the power of landlords, restore tsarism, destroy the national culture and national statehood of Russians, Ukrainians, Belarusians, Lithuanians, Latvians, Estonians, Uzbeks, Tatars, Moldovans, Georgians, Armenians, Azerbaijanis and other free peoples of the Soviet Union, to germanize them, to

transform them into slaves of German princes and barons. It is thus about the life and death of the Soviet state, the life and death of the peoples of the USSR, whether to be the peoples of the Soviet Union free or fall into enslavement. The Soviet people should understand this and abandon all heedlessness, they must mobilize themselves and rebuilt their entire work on new, wartime, base with no mercy to the enemy.

It is necessary to eliminate from our ranks whiners and cowards, panic-mongers and deserters. Our people should not know fear in the struggle and go to our Patriotic War of liberation against the fascist enslavers with dedication. Great Lenin, who created our state, said that the main quality of the Soviet people should be bravery, courage, ignorance of fear in the fight, the willingness to fight together with the people against the enemies of our Homeland. It is necessary that this magnificent quality of the Bolshevik became property of millions and millions of Red Army, our Red Fleet and all people of the Soviet Union.

We must immediately rebuild all our work in a military fashion, subordinate everything to the interests of the front and the tasks of organizing the defeat of the enemy. The peoples of the Soviet Union now see that German fascism is indomitable in its furious anger and hatred towards our Homeland, which has provided all workers with free labor and welfare. The peoples of the Soviet Union must rise up to defend their rights, their land against the enemy.

The Red Army, the Red Navy and all citizens of the Soviet Union must defend every inch of Soviet soil, fight to the last drop of blood for our cities and villages, show courage, initiative and ingenuity peculiar to our people.

We must organize all-round assistance to the Red Army, provide enhanced replenishment of its ranks, ensure its supply with everything necessary, organize the rapid advancement of transports with troops and military cargo, wide assistance to wounded people.

We must strengthen the rear of the Red Army, subordinating all our work to the interests of this matter, ensure the enhanced work of all enterprises, produce more rifles, machine guns, guns, shells, aircrafts, organize the protection of factories, power plants, telephone and telegraph communications, and establish local air defense.

We must organize a ruthless struggle with all sorts of disrupters of the rear, deserters, panic-mongers, rumor-distributors, destroy the spies, saboteurs, enemy parachutists, rendering quick promotion for our extermination battalions. You need to keep in mind that the enemy is crafty, cunning, experienced in deception and spreading false rumors. It is necessary to consider all this and not to succumb to provocations. All those who, through their panic and cowardice, obstruct the cause of defense must be brought to Military Tribunal immediately regardless of their faces.

In the case of forced retreat of the Red Army it is necessary to steal the whole rail stock, not to leave the enemy a single engine, a single wagon, not to leave the enemy a single kilogram of bread or a gallon of fuel. Farmers must drive off all their cattle, grain to pass under the preservation of state authorities for transportation to the rear. All valuable property, including non-ferrous metals, bread and fuel, which cannot be removed, must certainly be destroyed.

In occupied enemy areas you need to create partisan detachments, horse and foot, to form a commando group to fight the part of the enemy army, to foment guerrilla warfare everywhere to blow up bridges, roads, damage telephone and telegraph, burning forests, stores, transports. In the occupied areas in is

necessary to create unbearable conditions for the enemy and all his accomplices, to pursue and destroy them at every turn, to disrupt all their activities.

The war with fascist Germany cannot be considered a conventional war. It is not only a war between two armies. It is, however, the great war of the Soviet people against Nazi troops. The aim of this national Patriotic war against the fascist oppressors is not only elimination of the danger hanging over our country, and all the nations of Europe, groaning under the yoke of German fascism. We will not be alone in this war of liberation. In this great war, we will have faithful allies in the face of the peoples of Europe and America, including the German people enslaved by Hitler's commandos. Our war for the freedom of our Fatherland will merge with the struggle of the peoples of Europe and America for their independence, for democratic freedoms. It will be a united front of the peoples standing for freedom, against enslavement and the threat of enslavement by Hitler's fascist armies. In this regard, the historic speech of the Prime Minister of Great Britain Mr. Churchill on assistance to the Soviet Union and the USA government's declaration of readiness to assist our country, which can only cause a feeling of gratitude in the hearts of the peoples of the Soviet Union, are quite understandable and revealing.

Comrades! Our forces are innumerable. The gawking enemy will soon have to make sure of this. Together with the Red Army, many thousands of workers, farmers, intellectuals rise to war against the attacking enemy. Millions of our people will rise. Workers of Moscow and Leningrad have already started to create thousands of people's militia to support the Red Army. In every city, which is threatened by the invasion of the enemy, we must create such a people's militia, to raise the struggle of all workers to defend their freedom, their honor, their Homeland in our Patriotic war against German fascism.

In order to quickly mobilize all the forces of the peoples of the USSR, to repel the enemy, treacherously attacked our Homeland the State Defense Committee was created, in whose hands the full power of the state is now concentrated. The State Defense Committee has begun its work and calls on all people to unite around the party of Lenin — Stalin, around the Soviet government for the selfless support of the Red Army and the Red Fleet, to defeat the enemy, to win.

All our forces — to support our heroic Red Army and our glorious Red Fleet!
All the power of the people — to defeat the enemy! Forward, for our victory!

STALIN I. O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz.
M. 1947, p. 9—17.

Stalin's radio address took place in the context of the aggravated situation in the Soviet-German Front. Daily reports of Soviet Information Bureau gave the only news about the war for the Soviet people. That Bureau was established by Council of People's Commissars (USSR government) on June 24 1941. Afternoon message of June 30 1941 informed:

“During the night of June 30, our troops continued to fight hard on Murmansk, Dvinsk, Minsk and Lutsk directions.

In other areas and parts of the front there were night reconnaissance operations, private regroup the troops and artillery firing.

On 29 June the enemy persistently and repeatedly tried to cross our state border on the Karelian isthmus, but every time fire and counterattack of our troops discarded it to its original position with heavy losses.

On KEKSHOLM direction up to two infantry battalions of German troops three times attacked the positions occupied by our troops, The enemy retreated behind the state border leaving 300 dead on the battlefield.

On the same day on VYBORG direction the enemy was trying to make a sea landing. Decisive actions of our troops destroyed enemy descent while landing and on the shore.

On 29 of June, our aviation destroyed 53 enemy aircrafts, losing 21 aircraft”.

In the evening of June 30 1941 Soviet Information Bureau published another daily report:

“On June 30 throughout the Soviet-Finnish border the enemy advanced the day before was driven back by our troops.

In MURMANSK area there are fierce fighting against German troops, and the enemy suffers considerable losses.

On WILNO-DVINSK direction our troops are engaged in fierce battles with the moto-mechanized units of the enemy, who are trying to break in North-East direction. On this direction our troops are opposed numerically superior enemy with the tenacity and speed of maneuver.

On MINSK and BARANOVICHI directions our troops are engaged in heavy fighting against the superior forces of the moving enemy, delaying their advance on intermediate lines.

In ROVNO area large armored formations are continuing fighting. All attempts of the enemy to break through to the East were repulsed with heavy losses. The fighting in this area was characterized by fierce fighting tank units, resulting in a significant number of German tanks destroyed.

On the BESSARABIAN front the enemy tried again to force the river of Prut, but these attempts were repulsed with heavy losses by quick and decisive action of our troops.

Over the past day the ships of the Navy sunk two enemy submarines in the Baltic Sea and one submarine in the Black Sea».

The results of two-weeks battles on Red Army’s Southern Front was summarized by Commander of that Front general Ivan Tyulenev in his report to Head of Supreme Command Rate Joseph Stalin, People’s Commissar for Defense of the Soviet Union Semyon Timoshenko and Chief of the General Staff, Deputy People’s Commissar for Defense Georgy Zhukov, dated July 8 1941. Here are some fragments of the document:

“1. As the result of two weeks of fighting, the armies of the Southern Front continue to hold in their hands the turn of the PRUT river and the DANUBE river, with the exception of plot SNIATYN, PTAKESTI, where the right-flank parts 18A depart on a new defensive mark in connection with the departure of the left wing of South-Western Front.

The enemy by the end of 4.7. succeeded in crossing the river [and] thrown on the Eastern coast of up to six infantry divisions and one cavalry division, which forced our troops to withdraw to 20—25 klm. The enemy has created a sufficient bridgehead (with more than 100 klm. and a depth of 25 klm.) for deployment of further offensive actions in the general direction of Vinnytsia...

3. The total number of enemy troops in front of the Southern Front (up to 40 infantry divisions, up to 3 tank divisions, up to 10 motorized divisions.) gives

him the general superiority in manpower in 3—4 times, in military equipment — in 2—2¹/₂ times, under the available average operational sparse of our troops — one rifle division for 70—80 klm.

In the direction of the main attack (in VINNYTSIA) the enemy has the ability to create even higher density”.

Central Archive of the Ministry of Defense of Russian Federation,
f. 228, op. 701, d. 58, l. 10—14.

Weakness of the personnel and military equipment of the Red Army on the Southern Front marked by Ivan Tyulenev objectively did not allow to hold defensive positions and moreover to conduct offensive operations in the first weeks of the war. However, Supreme Command was not satisfied by the report of Commander of the Southern Front. In the Directive of 12 August 1941 sent to Military Council of the Southwestern Direction, Stalin pointed out to the Commander-in-Chief of the Red Army forces of the Southwestern Direction (South-Western and Southern Fronts) Semyon Budyonny:

“Commander of the Front Tyulenev have failed. He does not know how to attack, but not able to withdraw. He lost two armies in such a way do not lose even a shelf. I suggest You go immediately to Tyulenev, to understand personally the situation and to report immediately on the defense plan. It is impossible to hand over Nikolaev. It is necessary to take all measures to evacuation of Nikolaev and, if necessary, to organize explosion of shipyards and plants.

Supreme Command Rate at the moment cannot help with aircrafts or infantry divisions. If the environment obliges You, You can take themselves the matter of allotment of units and the defense.

Be sure to coordinate the actions of the front with the actions of the Black Sea fleet and keep in touch with Oktyabrskoye. It seems to me that Tyulenev is demoralized and is not capable to direct the front”.

Central Archive of the Ministry of Defense of Russian Federation,
f. 148a, op. 3763, d. 107, l. 32.

* * *

Женское избирательное право в Российской империи

С.В. Ворошилова, Е.П. Татарина

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки формирования избирательных прав женщин в Российской империи в конце XIX — начале XX века. Анализируются законодательные предпосылки формирования избирательных прав женщин — от закрепления института поверенных женщин на выборах до возможности личного участия в избирательном процессе как в качестве избирателей, так и кандидатов. Рассмотрение политических предпосылок показало неэффективность в рассматриваемый период конкуренции партий по вопросу женского избирательного права. Только в 1917 г. женщины получили право участия в региональных и общероссийских выборах, но социальные факторы (сословные различия, религия) играли доминирующую роль и оказывали непосредственное влияние на политическую ориентацию женщин. Авторы приходят к выводу о том, что непродолжительный период демократических преобразований не смог существенно повлиять на содержание государственной политики, но предопределил социокультурный сдвиг во взглядах российского общества на сам факт участия женщин в выборах.

Ключевые слова: женские общественные организации, Государственная дума Российской империи, женское избирательное право, всеобщее избирательное право, политические права женщин.

Abstract. The article discusses the historical background of the formation of the electoral rights of women in the Russian Empire in the late XIX — early XX century. Is the analysis of the legal prerequisites for the formation of electoral rights of women from the docking Institute attorneys women in the elections to secure the possibility of personal participation in the electoral process both as voters and candidates. Consideration of preconditions has shown the inefficiency in the reporting period the competition of the parties on the issue of women's suffrage. Despite the fact that in 1917 women received the right to participate in regional and national elections, social factors such as class and religion have played a dominant role and had a direct influence on the political orientation of women. The authors come to the conclusion that the short period of democratic reforms was not able to significantly influence the content of public policy and the orientation of its main subjects, but predetermined social and cultural shift in the Russian society to the fact of women's participation in elections.

Key words: women's public organizations, of the State Duma of the Russian Empire, women's suffrage, universal suffrage, political rights of women.

Ворошилова Светлана Вячеславовна — кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии. E-mail: voroshilova-s-v@mail.ru; *Татарина Елена Павловна* — кандидат юридических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: ep_tatarinova@vyatsu.ru.

Voroshilova Svetlana V. — PhD (History), doctor of legal sciences, professor at the Saratov State Academy of law. E-mail: voroshilova-s-v@mail.ru; *Tatarinova Elena P.* — PhD of legal sciences, associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: ep_tatarinova@vyatsu.ru.

Исторические предпосылки, выявление которых способствует более детальному анализу процесса оформления женского избирательного права в дореволюционной России, представляют научный интерес и практическую значимость и на современном этапе, когда никто не отрицает необходимость участия женщин в работе органов представительной власти. Тем не менее, это участие сохраняется на довольно низком уровне. Целью данной публикации является анализ законодательных, политических и социальных предпосылок введения женского избирательного права.

В отечественной историографии проблема становления избирательных прав женщин начинает активно обсуждаться историками, философами, юристами и общественными деятелями только с середины XIX в., достигнув пика к началу XX столетия. Актуальность и злободневность рассматриваемого вопроса подчеркивает преобладание источников в виде периодических изданий и материалов избирательных кампаний. Анализируя отношение исследователей к необходимости допуска женской половины человечества к участию в политических процессах, можно выделить две противоборствующие группы.

Первая группа являлась противником предоставления женщинам равных с мужчинами политических прав, ссылаясь на природные предпосылки неполноценности женщин, заявляя что функция материнства серьезно ослабляет организм, а уровень способностей у мужчин выше, чем у женщин¹. Современные философы объясняют формирование данных взглядов влиянием популярных в России того времени философов — Фридриха Ницше, Артура Шопенгауэра, Отто Вейнингера. Представителем данной концепции был русский философ Н.А. Бердяев. По его мнению, творческая мощь индивидуальности умалается и распадается в деторождении². Интересным представляется обоснование вреда избирательных прав для самих женщин: это может привести к многочисленным семейным проблемам — покинутые дети, борьба с мужьями, всеобщее недовольство³. Русский историк права В.И. Сергеевич, размышляя о всеобщем избирательном праве, считал его активную форму преждевременной, а пассивную невозможной, поскольку присутствие женщин в ходе реализации мужчинами своих политических прав создает дополнительные трудности⁴.

Противоположных взглядов придерживались представители второй группы, к которой принадлежал русский публицист и политик М.Л. Михайлов, выступавший в защиту женщин и против их политической, социальной и экономической дискриминации⁵. Русский историк права, профессор Московского университета, преподаватель высших женских курсов В.М. Хвостов выступал за активное участие женщин в политической жизни страны. По его мнению, лучшая жена и мать должна быть в первую очередь сознательным гражданином своего государства⁶.

Идеи законодательного закрепления политических прав женщин поддерживали такие юристы как В.В. Водовозов, С.А. Котляревский, Л.И. Петражицкий, Н. Россов, отмечавшие особое отношение женщин к политическим вопросам⁷. Публицист-марксист В.Л. Львов-Рогачевский уже в 1917 г. обосновывал возможность участия женщин в выборах их самоотверженностью, которая необходима в общественной деятельности и не всегда присуща мужчинам⁸.

Современные исследователи также обращаются к процессу установления активного и пассивного избирательного права женщин (среди них О.А. Хасбулатова, С.Г. Айвазова, С.В. Поленина, С.В. Ворошилова), обращая внимание на различные этапы формирования данного института⁹. Однако необходимо отметить, что большинство авторов недостаточно внимания уделяют историческим предпосылкам данного процесса, сложившимся в обществе накануне революции 1917 года.

Для выявления этого основного фактора формирования женского избирательного права в России необходимо проанализировать входящие в него составляющие элементы — законодательные, политические и социальные.

Первым законодательным актом, принятым в ходе обсуждения проекта земской реформы по инициативе санкт-петербургского дворянства, стало «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., в котором впервые были названы женщины. По Положению 1864 г. женщины, отвечавшие требованиям имущественного ценза, имели возможность передоверить свое право участия в выборах не только родственникам, но и другим лицам по доверенности. Если родственники могли участвовать в выборах, даже в том случае, когда они лично не соответствовали требуемым законом имущественным условиям, то доверенные лица должны были обязательно подходить под имущественные условия, установленные законом в отношении избирателей¹⁰.

По Городовому положению 1870 г., женщины не только лично не могли подойти к избирательным урнам, но и перечень лиц, которым они могли передавать свои голоса, был ограничен, даже несмотря на то, что в тот момент высказывались предложения не только допустить женщин к избирательному процессу, но и разрешить им занимать должности в органах городского самоуправления.

Специально для женщин были разработаны особые бланки для составления доверенностей, которые подлежали оплате гербовым сбором в размере 1 руб. и должны были заверяться начальством, полицией, мировым судьей или нотариусом¹¹.

В избирательной системе, по новому Положению о земствах 1890 г. и Городовому положению 1892 г., дискриминация женщин сохранялась. От участия в политической и общественной жизни России было отстранено более половины населения, которую составляли женщины. Статьи, позволявшие женщинам передавать голоса своим родственникам-мужчинам, при обсуждении проекта закона о выборах в Государственную думу Совет Министров изъял, указывая на личный характер данного права. В числе обсуждаемых вопросов на совещании в июле 1905 г. о проекте Государственной думы, был вопрос о женском избирательном праве.

Признавая факт изъятия статей, позволявших женщинам передавать свои голоса, неоправданным, участники совещания проголосовали против этого решения. В соответствии с 6-м пунктом Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., избирательное право предоставлялось только лицам мужского пола, в соответствии с пунктом 9, лица женского пола могли предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям¹².

Интересным фактом является попадание в избирательный список, несмотря на законодательство, женщин-землевладеллиц, которые затем исключались из списков по причине пола¹³, что характеризовало несоответствие реально существовавших отношений с их законодательным регулированием.

К сожалению законодательно закреплённый институт поверенных, созданный якобы для опосредованного участия женщин в избирательном процессе, на самом деле не мог изменить общей политической картины. Часто в тексте доверенности присутствовала фраза: «Во всем законно учиненном по сей доверенности спорить и прекословить не буду», что доказывает свободу мужчин-поверенных в их политических пристрастиях в ходе участия в выборах в Государственную думу¹⁴.

На заседаниях первой Государственной думы вопрос о гражданском равноправии, включая требования предоставить женщинам политические права, поднимался уже неоднократно. Представители политических партий реагировали на первостепенность рассмотрения вопроса о женском равноправии в политике по-разному.

Так, представители крестьянской избирательной курии стали яркими противниками расширения прав женщин. На заседании Государственной думы первого созыва депутат от Воронежской губернии — беспартийный крестьянин Кругликов — заявлял, что «... бабам права давать — мы не согласны. Нечто баб берут в солдаты? Нечто они равны?.. И земли им нельзя дать... Не согласны мы женскому полу права давать!»¹⁵ Категоричность данных суждений можно объяснить патриархальностью и отсутствием каких-либо политических прав крестьян в целом. Представитель же партии кадетов, активный сторонник наделения женщин избирательным правом Л.И. Петражицкий, выступая на заседании Государственной думы, говорил о том, что интересы общего блага и культуры требуют предоставления женщинам общественных прав и обязанностей¹⁶.

Отсутствие избирательных прав у женщин кадетский деятель и специалист в области государственного права Н.И. Лазаревский видел в непредсказуемости для действующих на тот исторический период политических сил результатов выборов. Он утверждал, что, несмотря на отсутствие возражений против женского избирательного права, политические права им не предоставляются, что объясняется нежеланием делиться властью и смутным представлением о том, как отразится на соотношении партий распространение избирательного права и на женщин¹⁷.

При выборах в I Государственную думу наблюдались случаи явки женщин на избирательные собрания с требованием предоставления им политических прав. Так, на московской фабрике работницы пришли в таком количестве, что когда им было отказано в голосовании, они сорвали выборы¹⁸. Данный факт свидетельствует о том, что многие женщины отказывались мириться с отсутствием у них права участвовать в голосовании.

Наиболее активные представительницы женского пола стали образовывать свои общества и союзы. Самым влиятельным и активно проводившим агитацию среди работниц и крестьянок являлся Союз равноправия женщин, имевший 48 отделений в различных городах

России. Наделение женщин равными с мужчинами правами в области общего и специального образования, а также предоставление женщинам возможности участвовать во всех областях общественной и государственной жизни стали задачами I Всероссийского съезда Союза¹⁹.

С первых дней существования парламента женщины в борьбе за свои права использовали созданные политические организации. Направляя делегации через депутатов-мужчин, женские организации продолжали действовать. Обращение к посредничеству мужчин было вынужденным, связанным с отсутствием в Государственной думе депутатов-женщин.

3 мая 1906 г. петиция о женском равноправии, которую подписали в общей сложности 4 тыс. женщин, была вручена депутатам Думы от кадетской партии Е.И. Кедрину и Л.И. Петражицкому. Содержание данного документа гласило, что «русская женщина наравне с мужчиной участвует во всех сферах общественного производительного труда на благо России, начиная от земледельческого и фабричного, заканчивая сферой науки, литературы и искусства. Неся равные обязанности по уплате налогов, несению юридической ответственности, а также общественный долг по воспитанию будущего поколения... Она должна иметь право на защиту своих интересов путем участия в законодательном собрании, решения которого близко касаются ее судьбы...»²⁰

Данная петиция сыграла свою роль не только в признании избирательных прав женщин, но и в установлении общих принципов гражданского равенства, так как послужила основанием для речи Л.И. Петражицкого об общих интересах государства, общества и культуры в ходе обсуждения «Основных положений законов о гражданском равенстве»²¹.

Обсуждение проекта закона о гражданском равенстве женщин состоялось в Государственной думе в июле 1906 года. Составителем документа стал Союз равноправия женщин. По мнению Л.Я. Гуревич, вопрос об уравнивании женщин в праве избирать и быть избранными в центральный орган народного представительства, является основным вопросом в деле равноправия женщин²². Роспуск Государственной думы помешал признанию прав женщин, так как ни избирательный закон, ни закон о местном самоуправлении так и не были рассмотрены. В предвыборной кампании 1907 г. Союз равноправия женщин собрал в 122 городах России 20 тыс. подписей с требованием предоставления женщинам избирательных прав²³.

Сокращение представительства левых сил в российском парламенте, традиционно поддерживавших идею политического равенства мужчин и женщин в России, по новому избирательному закону от 3 июня 1907 г., оказало существенное влияние на дальнейшие события. Несмотря на продолжение активной работы женских организаций добиться каких-либо определенных результатов так и не удалось.

В 1911 г. в Думу были направлены заявления всех крупных женских организаций с требованием предоставить женщинам право избирать и быть избранными в волостное земство. Депутаты в ходе обсуждений данного законопроекта приняли решение о наделении женщин лишь пассивным избирательным правом, но были категорически против их избрания в качестве членов волостной управы. Нео-

ценный вклад в продвижении идей полового равенства сыграл первый Всероссийский съезд женщин, который проходил в Санкт-Петербурге с 10 по 16 декабря 1908 г. и на котором присутствовало более тысячи участниц. Инициатива его проведения принадлежала Русскому женскому взаимно-благотворительному обществу.

Заслуживает внимания противоречивость мнений участников политического процесса. Правительство, воплощавшее монархические интересы, категорически отрицало саму необходимость вовлечения женщин в политический процесс, тогда как члены Государственной думы разделились на два лагеря по данному вопросу. Представители средних слоев общества и региональных образований высказывались в большей степени за участие женщин.

Так, в июле и августе 1905 г. региональные земские съезды огромным большинством голосов высказались за предоставление женщинам избирательных прав²⁴. Равноправие женщин признали в своих решениях съезд городских деятелей, ряд городских дум, учредительный съезд Крестьянского союза²⁵. Однако вопрос о необходимости предоставления женщинам избирательных прав на заседаниях Государственной думы более не обсуждался.

В 1913 г. была разработана анкета о перспективах избирательных прав для женщин, автором которой стал петербургский клуб женской прогрессивной партии. Данная анкета была предоставлена 139 депутатам IV Государственной думы. Однако эта проблема, по мнению большинства депутатов, не являлась актуальной, поэтому только 39 депутатов сочли возможным ответить на сформулированные вопросы. За реальную необходимость предоставления женщинам политических прав высказался 21 депутат, несвоевременной назвали реформу избирательных прав женщин в сложившейся политической ситуации в стране 10 депутатов, категорически против реформы высказались 8 человек.

«Истерички всех родов и мастей» займут место на политическом поприще в случае предоставления им избирательных прав, считал депутат Шульгин. Туда не пойдут спокойные и кроткие женщины, которые привнесли бы покой во «взбаламученное море Государственной думы». В Думе и так, по его мнению, достаточно истеричных мужчин, зачем туда допускать еще и женщин, среди которых истерика более распространена. Не терять веру в мужчин и надеяться на них советовал депутат Белогулов, так как они прекрасно справятся и без женщин. Избирательные права, по его мнению, выбьют женщин из той колеи, в которой порядочному мужчине желательно видеть женщину²⁶.

В продолжение исследования заметим, что несмотря на наличие противников женского равноправия как среди правых, так и среди левых, именно в ходе Февральской революции обсуждение данного вопроса вновь активизировалось. Партии правого толка уверяли, что женщины ничего в политике не понимают, и по природе своей непредсказуемые — будут отстаивать идеи большевиков. Представители левых партий высказывали опасения противоположного свойства: женщины консервативны, они хотят вернуть монархию. Иллюстрацией данных взглядов является предостережение делегата Серова из Вологды, который 2 апреля 1917 г. на Всероссийском совещании Сове-

тов заявил, что женщины «по большей части еще плачут по Николаю Второму»²⁷.

Пиком политической активности женщин стала женская манифестация, которая состоялась 20 марта 1917 г. в Петрограде и была организована Лигой равноправия женщин. В ней приняло участие около 40 тыс. человек. Далее, уже 9 апреля, Женский съезд в Москве вынес резолюцию о необходимости принятия Временным правительством декрета о распространении всеобщего избирательного права и на женщин²⁸. Но только в 1917 г. женщинам впервые было предоставлено пассивное избирательное право при формировании органов местного самоуправления по новым законодательным закреплениям о формировании земств и городских дум. «Российские граждане обоего пола пользуются правом участия в выборах гласных, всех национальностей и вероисповеданий...» — говорилось в постановлениях Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум» и «О выборе волостных земских гласных»²⁹.

Активное избирательное право, выраженное в необходимости включать женщин в состав избирателей, вызывало на местах многочисленные вопросы. Так, городской комиссар города Камышина в телеграмме на имя губернского комиссара от 12.05.1917 г. просил разъяснить допустимо ли внесение проституток в списки избирателей городского самоуправления, а балашовский городской голова в это же время спрашивал о возможности участия монастырских послушниц в выборах гласных³⁰.

Таким образом, следует подчеркнуть, что политическая обстановка в стране, выражавшаяся как в межпартийных противоречиях, так и в конфронтации депутатов с государственной властью, не способствовала изменению сложившейся ситуации по вопросу предоставления женщинам избирательных прав.

Что касается социальных предпосылок, то несмотря на неутешительные прогнозы политиков и юристов, осенью 1917 г. выборы в городские думы и волостные земства прошли достаточно эффективно с точки зрения активности женщин. По наблюдениям очевидцев, женщины не были склонны к политическим крайностям и отличались особой серьезностью при голосовании.

К сожалению, пройдя политические преграды, женщины столкнулись с социальными предрассудками. В деревне им еще предстояло бороться за свои права. В некоторых местах, например в деревне Платоновке Козельского уезда на Черниговщине, крестьяне вообще не допустили женщин к земским выборам³¹.

Наблюдались, однако, и позитивные примеры. В волостях Саратовской губернии были случаи назначения женщин председателями избирательных комиссий. В Сердобском уезде, по решению уездной земской управы, в четырех из тридцати пяти волостей председателями избирательных комиссий были назначены сельские учительницы как «более грамотные и способные разобраться в сложных вопросах выборного производства». Обязанностями женщин-председателей являлись прием жалоб, а также сбор и подсчет избирательных записок³².

Социологической сенсацией для большинства противников женского избирательного права стал процент явки женщин на избирательные участки. Число женщин, пришедших к избирательным ур-

нам, превысило число мужчин, что во многом объясняется преобладанием женщин среди сельского населения. По приблизительному подсчету, проведенному волостными избирательными комиссиями Саратовской губернии, на 100 избирателей, принявших участие в выборах в волостное земство, приходилось 55 женщин³³. Неординарность и новизна появившихся у женщин прав и возможностей, а также надежды на Учредительное собрание позволили достичь столь высокой активности женщин при проведении голосования. Были отмечены их особая серьезность и ответственность при осуществлении процедуры голосования, но в то же время определенная неуверенность избирательниц.

Особой гордостью можно считать успехи, пусть и незначительные, в достижении показателей по пассивному избирательному праву. Несмотря на то, что избранными в гласные оказались почти одни мужчины, в 30 волостях Аткарского уезда Саратовской губернии из 974 гласных женщин было 9, причем все они являлись сельскими учительницами³⁴.

Именно социальные предрассудки объясняют неготовность политических партий и населения к признанию женщин полноправными субъектами в сфере принятия политических решений, что подтверждает анализ хода избирательной кампании в городские и районные думы в мае-августе 1917 года. Так, списки 10 районов Петрограда по выборам в гласные районных дум свидетельствуют, что по всем партиям количество кандидатов из числа женщин не превышало 12%, в том числе от партии народной свободы — 12%, от большевиков — 10, от социалистов — 7, от радикально-демократической партии — 5,5%. Наибольшее количество женщин — 70% — в свой список включила Лига равноправия женщин, участвовавшая в выборах кандидатов в районную думу Васильевского острова³⁵. Аналогичной была ситуация и на выборах в городские думы в Саратовской губернии. Так, в городе Камышине на выборах, проходивших 16 июля 1917 г., было представлено семь списков, одним из которых стал список местного женского союза, за который было отдано 166 голосов, что составило всего 2,4%³⁶.

На выборах в Хвалынскую городскую думу наибольшее число избранных в гласные — 18 — входило в список трудовой народно-социалистической партии и партии социалистов-революционеров. В этом списке, состоявшем из 30 чел., была только одна женщина — В.А. Огольцова — мещанка, стоявшая под номером 22. Наибольшее число женщин — 12% — было представлено в списке Трудового блока. На выборах в Кузнецкую городскую думу в голосовании приняло участие 3207 мужчин и 4589 женщин. Выбрано в гласные было 42 чел., из них 1 женщина — Е.Ф. Аржаева от партии социалистов-революционеров. Всего же от этой партии гласными было избрано 23 человека³⁷.

Несмотря на то, что избирательное право России на этом этапе было самым демократичным в мире, поскольку базировалось на принципах всеобщности, равенства, отсутствия имущественного ценза и ценза оседлости, влияние социальных факторов оставалось достаточно существенным. Социальное положение женщин оказывало воздействие на политический выбор. Так, женщины рабочих кварталов и

солдатки отдавали предпочтение большевикам, женщины среднего класса — партиям, выступавшим против революции. На процесс участия в выборах женщин оказывала влияние и принадлежность к определенной религии. Прежде всего это коснулось замкнутых национальных, социальных, религиозных общностей, таких как староверы, казаки, мусульмане, кочевники. Например, в мусульманских районах страны для женщин были образованы особые избирательные участки, где также отмечалась высокая явка (до 77% мусульманок в Баку). Мужчины оказывали на них усиленное давление, вынуждая поддерживать Мусават и список «мусульмане России»³⁸.

Обобщая результаты влияния законодательных, политических и социальных предпосылок формирования избирательных прав женщин в конце XIX — начале XX в., необходимо отметить, что непродолжительный период демократических преобразований не смог существенно повлиять на содержание государственной политики и ориентацию ее главных субъектов, однако предопределил социокультурный сдвиг во взглядах российского общества на сам факт участия женщин в выборах. Причинами данного результата являются: инерция, по которой основные политические силы продолжали придерживаться консервативно-патриархальных стереотипов в отношении женщин; недоверие к женскому полу и его природным возможностям участвовать в принятии политических решений; преобладание представлений, что женщина ориентирована лишь на семью и воспитание детей, а не на общественные интересы в целом.

Примечания

1. МИЖУЕВ Л.Г. Женский вопрос и женское движение. СПб. 1906, с. 7.
2. БЕРДЯЕВ Н.А. Смысл творчества. М. 1916, с. 176.
3. ИХЕНГЕЙЗЕР Э. Женское избирательное право. Издание и тип. СПб. 1907, с. 533.
4. СЕРГЕЕВИЧ В.И. Всеобщее избирательное право. СПб. 1906, с. 31.
5. МИХАЙЛОВА В. Русские законы о женщине. М. 1913, с. 18.
6. ХВОСТОВ В.М. Избирательное право. Общедоступный очерк. М. 1906. с. 11.
7. ВОДОВОЗОВ В.В. Всеобщее избирательное право и его применение в России. В кн.: Всеобщее избирательное право. Саратов. 1905; КОТЛЯРЕВСКИЙ С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб. 1907; ПЕТРАЖИЦКИЙ Л.И. О женском равноправии. Пг. 1915; РОССОВ Н. О всеобщем избирательном праве. В кн.: Всеобщее избирательное право.
8. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ В.Л. Всеобщее избирательное право и борьба за него. М. 1917, с. 53.
9. ХАСБУЛАТОВА О.А. Эволюция российской государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода. В кн.: Гендерная реконструкция политической системы. Сб. трудов. СПб. 2003, с. 991; АЙВАЗОВА С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М. 1998; ВОРОШИЛОВА С.В. Право женщин на участие в избирательном процессе в России в XIX — начале XX веков. — Вестник Саратовской государственной академии права. 2006, № 1 (47), с. 78—85; ПОЛЕНИНА С.В. Взаимосвязь правовой политики и культуры и ее отражение в законодательстве. М. 2016.
10. Материалы по земскому общественному устройству. Т. 1. СПб. 1885, с. 403.
11. Государственный архив Саратовской области (ГА СО), ф. 3, оп. 1, ед. хр. 4315, л. 2.
12. Там же, л. 3.
13. Там же, ф. 543, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4.

14. Там же, ф. 544, оп. 1, ед. хр. 1, л. 321.
15. ВАРШАВСКИЙ С. Жизнь и труды первой Государственной Думы. М. 1907, с. 145.
16. Собрание речей депутатов Государственной думы I и II созыва. СПб. 1908, с. 234.
17. ЛАЗАРЕВСКИЙ Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб. 1908, с. 63.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 516, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.
19. Там же, ед. хр. 1, л. 1.
20. Там же, ед. хр. 7, л. 2.
21. Собрание речей депутатов Государственной думы I и II созыва, с. 234.
22. ГА РФ, ф. 516, оп. 1, ед. хр. 8, л. 56.
23. Там же, ед. хр. 7, л. 4.
24. Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей. СПб. 1906, с. 12.
25. ГУРЕВИЧ Л. Вопрос о равноправии женщин в крестьянской среде. — Союз женщин. 1907, № 1, с. 9.
26. ПОКРОВСКАЯ М.И. Закон и жизнь. — Женский Вестник. 1914, № 3, с. 53.
27. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.-Л. 1927, с. 206.
28. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ В.Л. Ук. соч., с. 37.
29. ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, ед. хр. 76, л. 3, 11.
30. ГА СО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 4648, л. 6.
31. ПРОТАСОВ Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание. История рождения и гибели. М. 1997, с. 70.
32. ГА СО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 4651, л. 8.
33. Там же, ед. хр. 4643, л. 9.
34. Там же, л. 35.
35. ПОКРОВСКАЯ М.И. Закон и жизнь. — Женский Вестник. 1914, № 3, с. 72.
36. ГА СО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 4659, л. 2.
37. Там же, ед. хр. 4644, л. 9.
38. ПРОТАСОВ Л.Г. Ук. соч., с. 203.

Джеймс Блейн

В.В. ЯРЫГИН

Аннотация. В работе представлена биография известного американского политика второй половины XIX в. Джеймса Блейна. Он долгое время являлся лидером Республиканской партии, три срока подряд был спикером палаты представителей и занимал пост госсекретаря в администрациях трех президентов: Дж. Гарфилда, Ч. Артура и Б. Гаррисона. Блейн — один из главных идеологов американской экспансии конца XIX века.

Ключевые слова: биография, политики «Позолоченного века», Республиканская партия, Конгресс США, внешняя политика, госсекретарь.

Abstract. The work presents a biography of the famous American politician of the second half of the XIX century James Blain. He was a leader of Republican party for a long time, a speaker of The US House of Representatives and Secretary of State in administrations of three Presidents: J. Garfield, Ch. Arthur and B. Harrison. Blaine was one of the most chief ideologist of American expansion at the end of the XIX century.

Key words: biography, politicians of the “Gilded Age”, Republican party, US Congress, foreign policy, Secretary of State.

Вторая половина XIX в. — время не самых ярких политических деятелей в США, в особенности хозяев Белого дома. Это эпоха всевластия «партийных машин» и партийных функционеров, обеспечивавших нормальную и бесперебойную работу данных конструкций американской двухпартийной системы периода «Позолоченного века». Но, как известно, из каждого правила есть исключение. Таким исключением стал лидер республиканцев в 1870—1880-х гг. Джеймс Блейн. Основатель г. Санкт-Петербурга во Флориде, русский предприниматель П.А. Дементьев, писавший свои очерки о жизни в США под псевдонимом «Тверской» и трижды встречавшийся с Блейном, так отзывался нем: «Ни один человек, нигде, никогда не производил на меня ничего подобного тому впечатлению, которое произвел этот последний великий представитель великой американской республики. Его ресурсы по всем отраслям человеческого знания были неис-

Ярыгин Вадим Владимирович — кандидат исторических наук. Брянск. E-mail: yaryginv84@gmail.com.

Yarygin Vadim V. — candidate of historical science. Bryansk. E-mail: yaryginv84@gmail.com.

черпаемы — и он умел так группировать факты и так освещать их своим нескончаемым остроумием, что превосходство его природы чувствовалось собеседником от первого до последнего слова»¹.

Джеймс Гиллеспи Блейн родился в Браунсвилле (штат Пенсильвания) 31 января 1830 года. Он был третьим ребенком. Семья жила в относительном комфорте. Мать — Мария-Луиза Гиллеспи — была убежденной католичкой, как и ее предки. Ее дед был иммигрантом-католиком из Ирландии, прибывшим под конец войны за независимость. В 1787 г. он купил кусок земли в местечке «Индийский Холм» в Западном Браунсвилле на западе Пенсильвании². Отец будущего политика — Эфраим Ллойд Блейн — придерживался пресвитерианской веры, был бизнесменом и зажиточным землевладельцем, а по политическим убеждениям — вигом.

Как писал один из биографов Джеймса Блейна, уже в возрасте восьми лет он прочитал биографию Наполеона Уолтера Скотта, а в девять — всего Плутарха³. Получив домашнее образование, юный Джеймс в 1843 г. поступил в Вашингтонский колледж в родном штате и в 17 лет закончил обучение. По свидетельствам его одноклассника Александра Гоу, Блейн был «мальчиком с приятными манерами и речью, действительно популярным среди студентов и в обществе. Он был больше ученый, чем студент. Обладая острым умом и выдающейся памятью, он был способен легко схватывать и держать в памяти столько, сколько у других получалось с трудом»⁴. Уже в то время у Блейна проявились задатки политика. У него была прирожденная склонность к ведению дебатов и выступлениям перед публикой.

В возрасте 18 лет, после окончания колледжа, будущий политик стал преподавателем военной академии в Блю-Лик-Спрингс (штат Кентукки). Тогда же он познакомился со своей будущей женой — Гарриет Стэнвуд. Блейн с перерывами работал в академии до 1852 г., после чего переехал с женой в Филадельфию и начал изучать юриспруденцию. Год спустя начинающий юрист получил предложение стать редактором и совладельцем выходившей в Огасте (штат Мэн) газеты «Kennebek Journal». В 1854 г. Блэйн уже работал редактором не только в этом еженедельном печатном издании, являвшемся рупором партии вигов, но и в «Portland Advertiser»⁵.

После распада вигов в 1856 г. Блейн примкнул к недавно появившейся Республиканской партии и, по признанию губернатора штата, стал «ведущей силой» на ее собраниях⁶. Будучи редактором, он активно продвигал новое политическое объединение в печати.

Летом того же 1856 г. на митинге в Личфилде (штат Мэн) он произнес зажигательную речь в поддержку Джона Фремонта — первого кандидата в президенты от Республиканской партии — которого демократы обвиняли в том, что он, «секционный (региональный. — В.Я.) кандидат, стоит на антирабовладельческой платформе, и чье избрание голосами северян разрушит Союз»⁷. В своей речи начинающий политик обрушился с критикой на соглашательскую политику федерального правительства по отношению к «особому институту» и плантаторам Юга: «У них (правительства. — В.Я.) нет намерений препятствовать распространению рабства в штатах, у них нет намерений препятствовать рабству повсюду; кроме тех территорий, на которых оно было запрещено Томасом Джефферсоном и Отцами-основателя-

ми»⁸. Хотя, как он сам потом утверждал, тогда «антирабовладельческое движение на Севере было не настолько сильным, как движение в защиту рабства на Юге»⁹.

В 1858 г. в Иллинойсе во время кампании демократа Стивена Дугласа завязалось личное знакомство между Блейном и А. Линкольном. В то время на страницах своих публикаций Блейн предсказывал, что Линкольн потерпит поражение от Дугласа в гонке за место в сенате, но зато сможет победить его на президентских выборах 1860 года¹⁰.

Осенью того же года в возрасте 28 лет Блейн был избран в палату представителей штата Мэн, а затем переизбран в 1859, 1860 и 1861 годах. В начале третьего срока Блейн уже был спикером нижней палаты законодательного собрания штата. Карьера постепенно вела молодого республиканца вверх по партийной лестнице. В 1859 г. глава республиканского комитета штата Мэн и по совместительству партнер Блейна по работе в «*Kennebec Journal*» Джон Стивенс подал в отставку со своего партийного поста. Блейн занял его место и оставался главой комитета штата до 1881 года.

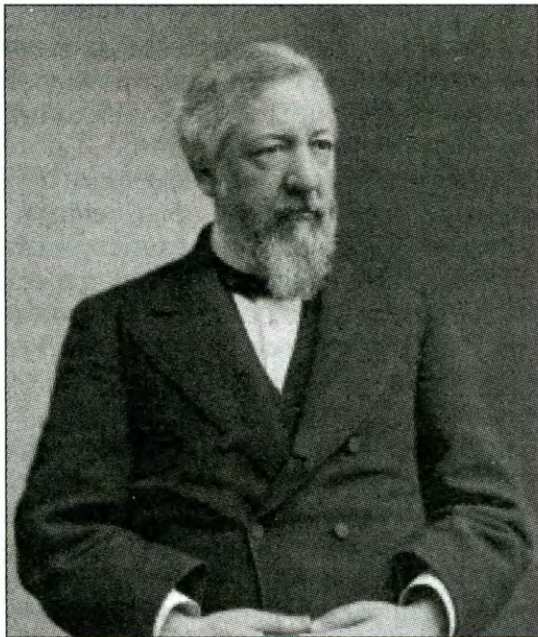
В мае 1860 г. Блейн и Стивенс приехали в Чикаго на партийный съезд республиканцев, на котором произошло выдвижение Линкольна. Первый — как независимый наблюдатель, второй — как делегат от штата Мэн. Стивенс поддерживал кандидатуру Уильяма Сьюарда — будущего госсекретаря в администрациях Линкольна и Э. Джонсона. Блейн же считал Линкольна лучшей кандидатурой, поскольку тот был далек от политического радикализма.

В 1862 г. Джеймс Блейн был впервые избран в палату представителей от округа Кеннебек (штат Мэн). Пока шла гражданская война, политик твердо отвергал любой компромисс, связанный с возможностью выхода отдельных штатов из состава Союза: «Наша большая задача — подавить мятеж, быстро, эффективно, окончательно»¹¹. Блейн в своей речи заявил, что «мы получили право конфисковать имущество и освободить рабов мятежников»¹². Однако в вопросе о предоставлении им гражданских прав Блейн тогда не был столь категоричен и не одобрял инициативу радикальных республиканцев. Он считал, что с рабством необходимо покончить в любом случае, но с предоставлением чернокожему населению одинаковых прав с белыми нужно повременить.

Молодой конгрессмен сразу уверенно проявил себя на депутатском поприще. Выражение «Человек из штата Мэн» («*The Man from Main*». — *В.Я.*) стало широко известно¹³. Блейн поддерживал политику Реконструкции Юга, проводимую президентом Эндрю Джонсоном, но в то же время считал, что не стоит слишком унижать бывших мятежников. В январе 1868 г. он представил в Конгресс резолюцию, которая была направлена в Комитет по Реконструкции и позднее стала основой XIV поправки к Конституции¹⁴.

Начиная со своего первого срока в нижней палате Конгресса, Джеймс Блейн показал себя сторонником высоких таможенных пошлин и защиты национальной промышленности, мотивируя это «сохранением нашего национального кредита»¹⁵. Такая позиция была обычной для политика с северо-востока страны — данный регион США в XIX в. являлся наиболее промышленно развитым.

В 60-х гг. XIX в. внутри Республиканской партии образовались две крупные фракции: так называемые «стойкие» (“stalwarts”) и «полукровки» (“half-breed”). «Стойкие» считали себя наследниками радикальных республиканцев, в то время как «полукровки» представляли более либеральное крыло партии. Эти группировки просуществовали примерно до конца 1880-х годов. Как правило, данное фракционное разделение базировалось больше на личной лояльности по отношению к тому или иному влиятельному политику, нежели на каких-либо четких политических принципах, хотя между «стойкими» и «полукровками» имели место противоречия в вопросах о реформе гражданской службы или политике в отношении Южных штатов.

Лидером «полукровок» стал Блейн, хотя, по свидетельству американского исследователя А. Пискина, сам он не называл так своих сторонников ¹⁶. Помимо него в эту партийную группу в свое время входили президенты Разерфорд Хейс, Джеймс Гарфилд, Бенджамин Гаррисон, а также такие видные сенаторы, как Джон Шерман (Огайо) и Джордж Хоар (Массачусетс). В 1866 г. между Блейном и лидером «стойких» Роско Конклингом произошло столкновение. Поводом к нему послужила скоропостижная смерть конгрессмена Генри Уинтера Дэвиса 30 декабря 1865 г., который был неформальным главой республиканцев в палате представителей. Именно за право занять его место и началась персональная борьба между Конклингом и Блейном. В одной из речей в палате представителей Блейн назвал Конклинга «напыщенным индюком» ¹⁷. В результате противостояния будущий госсекретарь повысил свой авторитет среди республиканцев как парламентарий и оратор. Но личные отношения между двумя политиками испортились навсегда — они стали не просто политическими противниками, но и личными врагами.

В 1869 г. Блейн стал спикером нижней палаты Конгресса. Он был на тот момент одним из самых молодых людей, когда-либо занимавших этот пост (39 лет) и оставался спикером пока его не сменил демократ Майкл Керр из Индианы в 1875 году. До него только два политика занимали пост спикера палаты представителей три срока подряд: Генри Клей (1811—1817) и Шайлер Колфакс (1863—1867).

В декабре 1875 г. политик вынес на рассмотрение поправку к федеральной Конституции по дальнейшему разделению церкви и государства. Блейн исходил из того, что первая поправка к Конституции, гарантировавшая свободу вероисповедания, касалась полномочий федерального правительства, но не штатов. Инициатива была выз-

вана тем, что в 1871 г. католики подали петицию по изъятию протестантской Библии из школ Нью-Йорка¹⁸. Поправка имела два основных положения и предусматривала, что никакой штат не имеет права принимать законы в пользу какой-либо религии или препятствовать свободному вероисповеданию. Также запрещалось использование общественных фондов и земель школами и государственное субсидирование религиозного образования. Предложение бывшего спикера успешно прошло голосование в нижней палате, но не смогло набрать необходимые две трети голосов в сенате.

После ухода с поста спикера палаты представителей в марте 1875 г. честолюбивый сорокапятилетний Джеймс Блейн был уже фигурой общенационального масштаба. Обладая личной харизмой и магнетизмом, как политический оратор, он стал в глазах публики «мистером Республиканцем». Многие в партии верили, что Блейн предназначен для того, чтобы сместить Гранта в Белом доме. Он ратовал за жесткий контроль со стороны исполнительной власти над внешней политикой¹⁹, а за интеллект и личные качества получил прозвище «Рыцарь с султаном».

В 1876 г. легислатура штата Мэн избрала Джеймса Блейна сенатором. На съезде Республиканской партии он был фаворитом на номинацию в кандидаты в президенты, поскольку большинство партии было против выдвижения президента Гранта на третий срок из-за скандалов, связанных с его администрацией. Блейн же был известен как умеренный политик, дистанцировался от радикальных республиканцев и администрации Гранта. К тому же Блейн не пускался в воспоминания о гражданской войне — он не прибегал к этой излюбленной технике радикалов для возбуждения избирателей Севера²⁰. Но в то же время он высказался категорически против амнистии в отношении оставшихся лидеров Конфедерации, включая Джэфферсона Дэвиса — соответствующий билль демократы пытались провести в палате представителей в 1876 году. Блейн возлагал на Дэвиса персональную ответственность за существование концлагеря для пленных солдат Союза в Андерсонвилле (штат Джорджия) во время гражданской войны, называя его «непосредственным автором, сознательно, умышленно виновным в великом преступлении Андерсонвилля»²¹.

Однако такому перспективному политику с, казалось бы, безупречной репутацией пришлось оставить президентскую кампанию 1876 г. — партия на съезде в Чикаго, состоявшемся 14—16 июня, предпочла кандидатуру Разерфорда Хейса — губернатора Огайо. Основной причиной неудачи Блейна стал скандал, связанный с взяткой. Ходили слухи, что в 1869 г. железнодорожная компания «Union Pacific Railroad» заплатила ему 64 тыс. долл. за долговые обязательства «Little Rock and Fort Smith Railroad», которые стоили значительно меньше указанной суммы. Помимо этого, используя свое положение спикера нижней палаты, Блейн обеспечил земельный грант для «Little Rock and Fort Smith Railroad».

Сенатор отвергал все обвинения, заявляя, что только однажды имел дело с ценными бумагами вышеуказанной железнодорожной компании и прогорел на этом. Демократы требовали расследования Конгресса по данному делу. Блейн пытался оправдаться в палате представителей, но копии его писем к Уоррену Фишеру — подрядчику «Little Rock and Fort Smith Railroad» — доказывали его связь с желез-

нодорожниками. Письма были предоставлены недовольным клерком компании Джеймсом Маллигэном. Протоколы расследования получили огласку в прессе. Этот скандал стоил Джеймсу Блейну номинации на партийных съездах 1876 и 1880 гг. и остался несмываемым пятном на его биографии.

В верхней палате Конгресса он проявил себя убежденным сторонником золотого стандарта и твердой валюты, выступая против принятия билля Бленда-Эллисона 1878 г., который восстанавливал обращение серебряных долларов в США. Сенатор не верил, что свободная чеканка подобных монет будет полезна для экономики страны, ссылаясь при этом на опыт европейских стран. Блейн доказывал, что это приведет к вымыванию золота из казначейства.

Как и большинство республиканцев, он поддерживал политику высоких тарифных ставок, считая, что те предупреждают монополизм среди капиталистов, обеспечивают достойную заработную плату рабочим и защищают потребителей от проблем экспорта²². Блейн показал себя как сторонник ограничения ввоза в Америку китайских законтрактованных рабочих, считая, что они не «американизируются»²³. Он сравнивал их с рабами и утверждал, что использование дешевого труда китайцев подрывает положение американских рабочих. В то же время политик являлся приверженцем американской военной и торговой экспансии, направленной на Азиатско-Тихоокеанский регион и Карибский бассейн.

Во время президентской кампании 1880 г. среди Республиканской партии оформилось движение за выдвижение Гранта на третий срок. Бывшего президента — героя войны — поддерживали «стойкие» республиканцы, в частности, такие партийные боссы, как Роско Конклинг и Томас Платт (Нью-Йорк), Дон Кэмерон (Пенсильвания) и Джон Логан (Иллинойс). Фаворитами партийного съезда в Чикаго являлись Джеймс Блейн, Улисс Грант и Джон Шерман — бывший сенатор из Огайо, министр финансов в администрации Р. Хейса и брат прославленного генерала армии северян Уильяма Текумсе Шермана. Но делегаты снова сделали ставку на «темную лошадку» — компромиссного кандидата, который устраивал большинство видных партийных функционеров. Таким кандидатом стал член палаты представителей от Огайо — Джеймс Гарфилд.

4 марта 1881 г. Блейн занял пост государственного секретаря в администрации Дж. Гарфилда, внешняя политика которого имела два основных направления: принести мир и не допускать войн в будущем в Северной и Южной Америке; культивировать торговые отношения со всеми американскими странами, чтобы увеличить экспорт Соединенных Штатов²⁴. Его концепция общей торговли между всеми нациями Западного полушария вызвала серьезное увеличение товарооборота между Южной и Северной Америкой. Заняв пост главы американского МИД, Блейн занялся подготовкой Панамериканской конференции, чтобы уже в ходе переговоров с представителями стран Латинской Америки попытаться юридически закрепить проникновение капитала из Соединенных Штатов в Южное полушарие.

Но проработал в должности госсекретаря Блейн лишь до декабря 1881 года. Причиной этого стало покушение на президента, осуществленное 2 июля 1881 года. После смерти Гарфилда 19 сентября того

же года к присяге был приведен вице-президент Честер Артур, который был представителем фракции «стойких» в Республиканской партии и ставленником старого врага Блейна — Р. Конклинга. Он отправил главу внешнеполитического ведомства в отставку. Уйдя из политики, бывший госсекретарь опубликовал речь, произнесенную 27 февраля 1882 г. в палате представителей в честь погибшего президента, которого оценил как «парламентария и оратора самого высокого ранга»²⁵.

Временно оказавшись не у дел, Блейн начал писать книгу под названием «20 лет Конгресса: от Линкольна до Гарфилда», являющеюся не столько мемуарами опытного политика, сколько историческим трудом. Он решительно отказался баллотироваться в законодательный орган США по причине пошатнувшегося здоровья. Перейдя в положение частного лица, проводил время, занимаясь литературной деятельностью и следя за обустройством нового дома в Вашингтоне.

Но республиканцы не могли пренебречь таким политическим тяжеловесом, как сенатор от штата Мэн, поскольку Ч. Артур практически не имел шансов на переизбрание. Положение «слонов» было настолько отчаянное, что кандидатуру бывшего госсекретаря поддержал даже его политический противник из фракции «стойких» — влиятельный нью-йоркский сенатор Т. Платт. Этим решением он «оса-рашил до потери дара речи»²⁶ лидера фракции Р. Конклинга.

Съезд Республиканской партии открылся 5 июня 1884 г. в Чикаго. На следующий день, после четырех кругов голосования Блейн получил 541 голос делегатов. Утверждение оказалось единогласным и было встречено с большим энтузиазмом. Заседание перенесли на вечер, генерал Джон Логан из Иллинойса был выбран кандидатом в вице-президенты за один круг голосования, получив 779 голосов²⁷. Президент Артур в телеграмме заверил Блейна, как новоизбранного кандидата от «Великой старой партии», в своей «искренней и сердечной поддержке»²⁸.

В письме, адресованном Республиканскому комитету по случаю одобрения свое кандидатуры, политик в очередной раз заявил о приверженности доктрине американского протекционизма, которая стала лейтмотивом всего послания. Блейн связывал напрямую экономическое процветание Соединенных Штатов после гражданской войны с принятием высоких таможенных пошлин.

Он уверял американских рабочих, что Республиканская партия будет защищать их интересы, борясь с «нечестной конкуренцией со стороны законтрагованных рабочих из Китая»²⁹ и европейских иммигрантов. В области внешней политики Блейн выразил намерение продолжить курс президента Гарфилда на мирное сосуществование стран Западного полушария. Не обошел кандидат стороной и проблему мормонов на территории Юты: он требовал ограничения политических прав для представителей этой религии, заявляя, что «полигамия никогда не получит официального разрешения со стороны общества»³⁰.

Оба кандидата от главных американских партий в 1884 г. стали фигурантами громких скандалов. И если Гроверу Кливленду удалось довольно успешно погасить шумиху, связанную с вопросом об отцовстве, то у Блейна дела обстояли несколько хуже. Один из его сторонников — нью-йоркский пресвитерианский священник Сэмюэл Берчард — опрометчиво назвал Демократическую партию партией

«Рома, Романизма (католицизма. — В.Я.) и Мятежа». В сущности, связывание католицизма («Романизма») с пьяницами и сецессионистами являлось серьезным и не имевшим оправдания выпадом в адрес нью-йоркских ирландцев и католиков по всей стране. Это все не было новым явлением: Гарфилд в письме в 1876 г. назвал Демократическую партию партией «Мятежа, Католицизма и виски». Но Блейн не сделал ничего, чтобы дистанцироваться от этого высказывания³¹. Результатом такого поведения стала потеря республиканцами голосов ирландской диаспоры и католиков.

Помимо этого, во время президентской гонки на газетных полосах снова всплыл скандал со спекуляциями ценными бумагами железнодорожной компании в 1876 году³². На кандидата от Республиканской партии опять посыпались обвинения в коррупции. Среди политических оппонентов республиканцев был популярен стишок: «Блейн! Блейн! Джеймс Г. Блейн! Континентальный лжец из штата Мэн!»

Журнал «Harper's Weekly» в карикатурах изображал Блейна вместе с Уильямом Твидом — известным демократическим боссом-коррупционером из Нью-Йорка, осужденным за многомиллионные хищения из городской казны³³.

Президентские выборы Блейн Кливленду проиграл, набрав 4 млн 850 тыс. голосов избирателей и 182 голоса в коллегии выборщиков³⁴. После этого он решил снова удалиться от общественной жизни и заняться написанием второго тома своей книги. Во время президентской кампании 1888 г. Блейн находился в Европе и в письме сообщил о самоотводе. Американский «железный король» Эндрю Карнеги, будучи в Шотландии, отправил послание Республиканскому комитету: «Слишком поздно. Блейн непреклонен. Берите Гаррисона»³⁵. На этот раз республиканцам удалось взять реванш, и президентом стала очередная «темная лошадка» — бывший сенатор от Индианы Бенджамин Гаррисон.

17 января 1889 г. телеграммой новоизбранный глава государства предложил Блейну во второй раз занять пост госсекретаря США. Спустя четыре дня тот отправил президенту положительный ответ³⁶. Блейн, как глава внешнеполитического ведомства, рекомендовал президенту назначить знаменитого бывшего раба Фредерика Дугласа дипломатом в Гаити, где тот проработал до июля 1891 года.

Безусловно, госсекретарь являлся самым опытным и известным политиком федерального уровня в администрации Гаррисона. К концу 1880-х гг. он уже несколько отошел от своих позиций непоколебимого протекциониста, по крайней мере, по отношению к странам западного полушария. В частности, в декабре 1887 г. он заявил, что «поддерживает идею аннулировать пошлины на табак»³⁷.

В последние десятилетия XIX в. США все настойчивее заявляли о себе, как о «великой державе», претендующей на экспансию. В августе 1891 г. Блейн писал президенту о необходимости аннексии Гавайев, Кубы и Пуэрто-Рико³⁸. В стране широкое распространение получила идеология панамериканизма, согласно которой все страны Западного полушария должны на международной арене находиться под эгидой Соединенных Штатов. И второй срок пребывания Джеймса Блейна на посту главы американского МИД прошел в работе над воплощением этих идей. Именно из-за приверженности

идеям панамериканизма сенатор Т. Платт назвал его «американским Бисмарком»³⁹.

Одной из первых попыток проникновения в Тихоокеанский регион стало разделение протектората над архипелагом Самоа между Германией, США и Великобританией на Берлинской конференции в 1889 году. Блейн инструктировал делегацию отстаивать американские интересы в Самоа — США имели военную базу на острове Паго Паго с 1878 года⁴⁰.

Главным достижением госсекретаря на международной арене стал созыв в октябре 1889 г. I Панамериканской конференции, в которой приняли участие все государства Нового Света, кроме Доминиканской республики. Помимо того, что на конференции США захотели закрепить за собой роль арбитра в международных делах, госсекретарь Блейн предложил создать Межамериканский таможенный союз⁴¹. Но, как показал ход дискуссии на самой конференции, страны Латинской Америки не были настроены переходить под защиту «Большого брата» в лице Соединенных Штатов ни в экономическом, ни, тем более, в политическом плане. Делегаты высказывали опасения относительно торговых отношений со странами Старого Света, в первую очередь с Великобританией. Переговоры продолжались до апреля 1890 года. В конечном счете представители 17 латиноамериканских государств и США создали международный альянс, ныне именуемый Организация Американских Государств (ОАГ), задачей которого было содействие торгово-экономическим связям между Латинской Америкой и Соединенными Штатами. Несмотря на то, что председательствовавший на конференции Блейн в заключительной речи высокопарно сравнил подписанные соглашения с «Великой Хартией Вольностей»⁴², реальные результаты американской дипломатии на конференции были много скромнее.

Внешняя политика Белого дома в начале 1890-х гг. была направлена не только в сторону Латинской Америки и Тихого Океана. Противостояние между фритредом, олицетворением которого считалась Великобритания, и американским протекционизмом вышло на новый уровень в связи с принятием администрацией президента Гаррисона рекордно протекционистского тарифа Мак-Кинли в 1890 году.

В том же году между госсекретарем США Джеймсом Блейном и премьер-министром Великобритании Уильямом Гладстоном, которого американский политик назвал «главным защитником фритреда в интересах промышленности Великобритании»⁴³, завязалась эпистолярная «дуэль», ставшая достоянием общественности. Конгрессмен-демократ из Техаса Роджер Миллс, известный своей приверженностью к фритреду, справедливо отметил, что это был «не вопрос между странами, а между системами»⁴⁴.

Гладстон отстаивал доктрину свободной торговли. Отвечая ему, Блейн писал, что «американцы уже получали уроки депрессии в собственном производстве, которые совпадали с периодами благополучия Англии в торговых отношениях с Соединенными Штатами. С одним исключением: они совпадали по времени с принятием Конгрессом фритредерского тарифа»⁴⁵. Глава внешнеполитического ведомства имел в виду тарифные ставки, принятые в США в 1846, 1833 и 1816 годах. «Трижды, — продолжал Блейн, — фритредерские тари-

фы вели к промышленной стагнации, финансовым затруднениям и бедственному положению всех классов, добывающих средства к существованию своим трудом»⁴⁶. Помимо прочего, Блейн доказывал, что идея о свободной торговле в том виде, в котором ее видит Великобритания, невыгодна и неравноправна для США: «Советы мистера Гладстона показывают, что находится глубоко внутри британского мышления: промышленные производства и процессы должны оставаться в Великобритании, а сырье должно покидать Америку. Это старая колониальная идея прошлого столетия, когда учреждение мануфактур на этой стороне океана ревностно сдерживалась британскими политиками и предпринимателями»⁴⁷.

Госсекретарь указывал, что введение таможенных пошлин необходимо производить с учетом конкретных условий каждой страны: населения, географического положения, уровня развития экономики, государственного аппарата. Блейн писал, что «ни один здравомыслящий протекционист в Соединенных Штатах не станет утверждать, что для любой страны будет выгодным принятие протекционистской системы»⁴⁸.

В отсутствие более значительных политических успехов Блейну оставалось удовлетворяться тем, что периодически возникавшие сложности с рядом стран — в 1890 г. с Англией и Канадой (по поводу прав на охоту на тюленей), в 1891 г. с Италией (в связи с линчеванием в Нью-Орлеане нескольких членов итальянской преступной группировки), в 1891 г. с Чили (по поводу убийства двух и ранения еще 17 американских моряков в Вальпараисо), в 1891 г. с Германией (в связи с ожесточившимся торговым соперничеством на мировом рынке продовольственных товаров) — удавалось в конечном счете разрешать мирным путем. Однако в двух последних случаях дело чуть не дошло до начала военных действий. Давней мечте Блейна аннексировать Гавайские острова в годы администрации Гаррисона не суждено было осуществиться⁴⁹. Но в ноябре 1891 г. подготовка соглашения об аннексии шла, что подтверждает переписка между президентом и главой внешнеполитического ведомства⁵⁰.

Госсекретарь, плохое здоровье которого не было ни для кого секретом, ушел с должности 4 июня 1892 года. Внезапная смерть сына и дочери в 1890 г. и еще одного сына спустя два года окончательно подкосили его. Президент Гаррисон писал, что у него «не остается выбора, кроме как удовлетворить прошение об отставке»⁵¹. Преемником Блейна на посту госсекретаря стал его заместитель Джон Фостер — бывший посол в Мексике (1873—1880), России (1880—1881) и Испании (1883—1885). Про нового главу внешнеполитического ведомства США говорили, что ему далеко по части политических талантов до своего бывшего начальника и предшественника.

Уже после выхода в отставку Блейн в журнале «The North American Review» опубликовал статью, в которой анализировал и критиковал президентскую кампанию республиканцев 1892 года. Разбирая платформы двух основных американских партий, Блейн пришел к выводу, что они были, в сущности, одинаковы. И единственное, что их различало — это проблема тарифов⁵². Поэтому, по мнению автора, избиратель не видел серьезной разницы между основными положениями программ республиканцев и демократов.

Здоровье бывшего госсекретаря стремительно ухудшалось, и 27 января 1893 г. Джеймс Блейн скончался у себя дома в Вашингтоне. В знак траура президент Гаррисон постановил в день похорон закрыть все правительственные учреждения в столице и приспустить государственные флаги⁵³. В 1920 г. прах политика был перезахоронен в мемориальном парке г. Огаста (штат Мэн).

Примечания

1. ТВЕРСКОЙ П.А. Очерки Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. СПб. 1895, с. 199.
2. BLANTZ T.E. James Gillespie Blaine, his family, and "Romanism". — *The Catholic Historical Review*. 2008, vol. 94, № 4 (Oct. 2008), p. 702.
3. BRADFORD G. *American portraits 1875—1900*. N.Y. 1922, p. 117.
4. Цит. по: BALESTIER C.W. James G. Blaine, a sketch of his life, with a brief record of the life of John A. Logan. N.Y. 1884, p. 13.
5. *A biographical congressional directory with an outline history of the national congress 1774—1911*. Washington. 1913, p. 480.
6. Цит. по: BALESTIER C.W. *Op. cit.*, p. 29.
7. BLAINE J. *Twenty years of Congress: from Lincoln to Garfield*. Vol. I. Norwich, Conn. 1884, p. 129.
8. EJUSD. *Political discussions, legislative, diplomatic and popular 1856—1886*. Norwich, Conn. 1887, p. 2.
9. EJUSD. *Twenty years of Congress: from Lincoln to Garfield*, vol. I, p. 118.
10. COOPER T.V. *Campaign of '84: Biographies of James G. Blaine, the Republican candidate for president, and John A. Logan, the Republican candidate for vice-president, with a description of the leading issues and the proceedings of the national convention. Together with a history of the political parties of the United States: comparisons of platforms on all important questions, and political tables for ready reference*. San Francisco, Cal. 1884, p. 30.
11. Цит. по: BALESTIER C.W. *Op. cit.*, p. 31.
12. BLAINE J. *Political discussions, legislative, diplomatic, and popular 1856—1886*, p. 23.
13. NORTHROPE G.D. *Life and public services of Hon. James G. Blaine "The Plumed Knight"*. Philadelphia, Pa. 1893, p. 100.
14. *Ibid.*, p. 89.
15. Цит. по: *Ibid.*, p. 116.
16. PESKIN A. *Who were Stalwarts? Who were their rivals? Republican factions in the Gilded Age*. — *Political Science Quarterly*. 1984, vol. 99, № 4 (Winter 1984—1985), p. 705.
17. Цит. по: HAYERS S.M. *President-Making in the Gilded Age: The Nominating Conventions of 1876—1900*. Jefferson, North Carolina. 2016, p. 6.
18. GREEN S.K. *The Blaine amendment reconsidered*. — *The American journal of legal history*. 1991, vol. 36, № 1 (Jan. 1992), p. 42.
19. CRAPOOL E.P. *James G. Blaine: architect of empire*. Wilmington, Del. 2000, p. 38.
20. HAYERS S.M. *Op. cit.*, p. 7—8.
21. BLAINE J. *Political discussions, legislative, diplomatic, and popular 1856—1886*, p. 154.
22. *The Republican campaign text-book for 1888*. Pub. for the Republican National Committee. N.Y. 1888, p. 31.
23. BLAINE J., VAIL W. *The words of James G. Blaine on the issues of the day: embracing selections from his speeches, letters and public writings: also an account of his nomination to the presidency, his letter of acceptance, a list of the delegates to the National Republican Convention of 1884, etc., with a biographical sketch: together with the life and public service of John A. Logan*. Boston. 1884, p. 122.
24. RIDPATH J.C. *The life and work of James G. Blaine*. Philadelphia. 1893, p. 169—170.
25. BLAINE J. *James A. Garfield. Memorial Address pronounced in the Hall of the Representatives*. Washington. 1882, p. 28—29.

26. PLATT T. The autobiography of Thomas Collier Platt. N.Y. 1910, p. 181.
27. McCLURE A.K. Our Presidents and how we make them. N.Y. 1900, p. 289.
28. Цит. по: BLAINE J., VAIL W. Op. cit., p. 260.
29. Ibid., p. 284.
30. Ibid., p. 293.
31. BLANTZ T.E. Op. cit., p. 698.
32. The daily Cairo bulletin. 1884, July 12, p. 3.; Memphis daily appeal. 1884, August 9, p. 2.; Daily evening bulletin. 1884, August 15, p. 2.; The Abilene reflector. 1884, August 28, p. 3.
33. Harper's Weekly. 1884, November 1. URL: <http://elections.harpweek.com/1884/cartoons/110184p07225w.jpg>; Harper's Weekly. 1884, September 27. URL: <http://elections.harpweek.com/1884/cartoons/092784p06275w.jpg>.
34. Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Washington. 1975, p. 1073.
35. Цит. по: RHODES J.F. History of the United States from Hayes to McKinley 1877—1896. N.Y. 1919, p. 316.
36. The correspondence between Benjamin Harrison and James G. Blaine 1882—1893. Philadelphia. 1940, p. 43, 49.
37. Which? Protection, free trade, or revenue reform. A collection of the best articles on both sides of this great national issue, from the most eminent political economists and statesman. Burlington, Ia. 1888, p. 445.
38. The correspondence between Benjamin Harrison and James G. Blaine 1882—1893, p. 174.
39. PLATT T. Op. cit., p. 186.
40. SPETTER A. Harrison and Blaine: Foreign Policy, 1889—1893. — Indiana Magazine of History. 1969, vol. 65, № 3 (Sept. 1969), p. 226.
41. ПЕЧАТНОВ В.О., МАНЬКИН А.С. История внешней политики США. М. 2012, с. 82.
42. BLAINE J. International American Conference. Opening and closing addresses. Washington. 1890, p. 11.
43. Both sides of the tariff question, by the world's leading men. With portraits and biographical notices. N.Y. 1890, p. 45.
44. MILLS R.Q. The Gladstone-Blaine Controversy. — The North American Review. 1890, vol. 150, № 399 (Feb. 1890), p. 10.
45. Both sides of the tariff question, by the world's leading men. With portraits and biographical notices, p. 49.
46. Ibid., p. 54.
47. Ibid., p. 64.
48. Ibid., p. 46.
49. ИВАНЯН Э.А. История США: пособие для вузов. М. 2008, с. 294.
50. The correspondence between Benjamin Harrison and James G. Blaine 1882—1893, p. 211—212.
51. Ibid., p. 288.
52. BLAINE J. The Presidential elections of 1892. — The North American Review, 1892, vol. 155, № 432 (Nov. 1892), p. 524.
53. Public Papers and Addresses of Benjamin Harrison, Twenty-Third President of the United States. Washington. 1893, p. 270.

Этимология и структурные особенности антропонимов монголов Чингис-хана

З.Э. Джиева

Аннотация. В работе рассматривается родословная Чингис-хана от самого древнего предка до прародительницы Алан-хо и ее супруга Добун-Мергана на основании двух письменных источников: летописи Рашид-ад-Дина и Юань-чао би-ши (Сокровенное сказание). Антропонимы средневековых монголов позволили впервые определить не только язык, но и диалект, на котором говорили предки Чингис-хана. Этот язык входит в группу самых древних языков, сохранившихся в мире. И сегодня это живой разговорный язык, а не архаичный монгольский, как считалось ранее. Благодаря проведенному исследованию удалось впервые этимологически идентифицировать сами имена, перевести их и понять, что они были точными характеристиками, отражавшими личностные особенности их владельцев, их образ жизни и сферу занятий. В именах средневековых монголов до прародительницы Алан-хо зашифрованы два древнейших скотоводческих и земледельческих культа, которые существуют и сегодня. А многие слова, встречающиеся в исторических летописях, понимание которых академическая наука за прошедшие годы утвердила в качестве аксиомы, в действительности имели совершенно иное значение.

Ключевые слова: ранние монголы, Юань-чао би-ши, осетинский язык, летопись Рашид-ад-Дина, Алан-хо, Чингис-хан.

Abstract. In the work the genealogy of Genghis Khan is considered from the most ancient ancestor to the ancestor Alan-ho and her husband Dobun-Mergan on the basis of two written sources: the Chronicle of Rashid-ad-Din and Yuan-chao bi-shi. Anthroponyms of medieval Mongols allowed for the first time to determine not only the language, but also the dialect of language, on which the ancestors of Genghis Khan spoke. This language is included in the group of the most ancient languages, preserved in the world. Scythians, Sarmatians and Alans spoke on it. And today it is the Digor dialect of the Ossetian language, which has all the oldest lexical forms! In this article, we managed to disassemble only a small number of anthroponyms. But this is already enough to make a whole series of revolutionary conclusions. Names reflect the characters of the owners, talk about their studies, personal qualities. Children's name was rarely used, most of the anthroponyms are nicknames. Therefore, the Mongols sought to be worthy of their name. As research has shown, the ancestors of the medieval Mongols were engaged not only in cattle breeding, but also in agriculture, had traditional cattle-breeding and agricultural cults. Many cults today were preserved among the Ossetians: Ichina and Horisar. In the name of Burte-Chine, the cult of cattle breeders is encoded, and the cult of agriculture is coded in the names of Khorichar-Mergan and Horilartai-Mergan.

Key words: Early Mongols, Yuan-chao bi-shi, Ossetian Language, Chronicle of Rashid-ad-Din, Alan-ho, Genghis Khan.

Джиева Залина Эдуардовна — преподаватель Центра довузовской подготовки при Северо-Осетинском государственном университете Владикавказа. E-mail: riba-1999@mail.ru.

Dzhioeva Zalina E. — teacher at the Center for Pre-University Training North Ossetia State University of Vladikavkaz. E-mail: riba-1999@mail.ru.

Свыше ста лет монголистика обходит вниманием антропонимы средневековых монголов. Причину такого забвения следует искать в проблеме идентификации имен и, соответственно, безуспешных попытках переводов с языков тех монгольских народов, которые сегодня связывают свое историческое прошлое со средневековыми монголами Чингис-хана. Антропонимы средневековых монголов, указанные в письменных памятниках, не встречаются у этих этносов, лишь иногда именами чингисидов нарекают детей, но в основном это имена национальные или связанные с религиозной традицией, которые переводятся с современного монгольского, казахского, калмыцкого, арабского, санскрита или тибетских языков. А раз информация, содержащаяся в средневековых антропонимах, недоступна, то не получается установить и язык, на котором эти имена впервые прозвучали. Поэтому целью данного исследования является не только идентификация, классификация и выявление особенностей происхождения монгольских антропонимов как таковых, но и установление взаимосвязи между средневековыми и современными этносами посредством языка имен.

Антропонимы монголов Чингис-хана можно назвать «говорящими». Сознвая сакральность имени, монголы искренне верили, что оно накладывало отпечаток на судьбу, позволяло справиться с различными препятствиями, способствовало связи с высшим миром, приносило богатство и удачу, придавало храбрости и питало жизненными силами, приближало к победе, давало возможность сохранить свою индивидуальность в памяти потомков. Поэтому перед битвой воины заранее должны были установить «свое имя и военный клич [авазэ], подобно тому как они назначают свои имена, когда выезжают на охоту, всегда молясь всевышнему»¹. Личное имя, а особенно прозвище, объясняло статус современника, отношение к нему друзей, врагов, членов монгольского общества. Оно могло определять его как волевого, достойного, любящего, честного, веселого человека или говорить о буйной, драчливой, жестокой, завистливой натуре, не признающей социальных правил и норм. Имя отражало физические недостатки (слепой, хромой, толстый, ограниченный) или указывало на деятельность, которая отличала данного индивидуума.

В ходе исследования стало понятно, что чаще всего имя ребенку давала женщина. Это имя в течение жизни могло забываться и тогда появлялось второе — социальное, которое человек заслужил своими поступками. Именно оно становилось главным. Например: Чапар² (чапар — деспот, сатрап), Анбарджи³ (әнбәржән — кровельщик), Аджиги⁴ (аджигә — околачиваться, проводить время).

Второе, социальное, имя могло употребляться вместе с первым, данным семьей, таким образом оно состояло из двух основ: личного имени и качества-характеристики. Например: Менгу-Тимур (мәнгү — ложный, хитрый), Джочи-Тармалэ⁵ (тармелтә — сумерки), Урунг-Таши⁶ (урунг — грозный, Тасий — скифское имя, Тъаси — аланское и осетинское имя), Кабил-Тимур⁷ (хъабил — угодный, достойный). Социальное имя давали соратники, иногда его налагал и сам Чингис-хан, поэтому получить достойную характеристику в имени было очень важно.

Собственные имена, являясь важнейшим отражением национальной культуры, достаточно устойчивы к различным историческим по-

трясениям. Если такие имена проходят проверку временем, это невозможно считать случайностью. Так произошло с антропонимами средневековых монголов, которые использовались и используются у осетин, потомков алан, живущих за тысячи километров от местобитания средневековых монгольских племен. Они переводятся с осетинского языка, являющегося живым продолжением языка скифо-сарматов. По мнению археолога С. Яценко, прародина алан во II в. до н.э. находилась между державой Усунь и южными склонами Алтая⁸. Часть из них, скорее всего, к VIII в. продвинулась к рекам Онону, Керулену и Селенге, положив начало этносу, который впоследствии объединился под общим названием «монголы». Показательно, что подавляющее большинство имен средневековых монголов имеет собственно скифо-аланскую основу и переводится с осетинского языка, а это значит, что их сложно признать заимствованными или адаптированными к именам другой этнической группы.

Согласно легенде, прародительницей монголов Чингис-хана была женщина по имени Алан-хо, где «хо» в переводе с осетинского языка означает «сестра» (это слово является древнейшим индоевропейским наследием)⁹. Приставку Хо мы находим в разных женских именах. Например: Хоай-Марал — сестра-Марал; Баргуджин-хоа (бар — право, власть, баргун — властный, удджын — духовный). Это имя нужно понимать как «сестра, наделенная духовностью и безусловным правом на ее передачу другим поколениям». Баргуджин-хоа была матерью Алан-хо. Но в тексте ничего не говорится о высокой духовности именно Алан-хо. Только мать Чингис-хана Хоелун¹⁰ спустя несколько поколений после Баргуджин-хоа стала обладать этими качествами. Имя Хоелун переводится как «сестра, наделенная всеми добродетелями». «Сказание» подтверждает эту характеристику и уточняет, что Хоелун — «смелая, возможно и счастливая, не простая, причастная миру духов, от роду мать-Учжин»¹¹. Поэтому в источнике ее называют и Хоа-учжин, где хоа — эта сестра, удджын — духовная; то есть «эта духовная сестра».

Академик Б.Я. Владимирцов считал, что слово уджин у средневековых монголов означало царицу¹². С этим утверждением нельзя согласиться, так как в летописи существует следующее упоминание: «К роду Богорчи-нойона в этом государстве [Иране] принадлежат Беклемиш и сын его Уджан, который был выше упомянут...»¹³ Родственники Богорчи-нойона не относились к царствующему роду, а были из племени арулат. Люди, обладавшие духовностью, особо почитались. Наличие этой характеристики в именах близких родственников Чингис-хана вводило в заблуждение китайцев, считавших это знаком царского величия.

В «Сказании» есть еще два очень точных указания на то, что именно хо в понимании «сестра» присутствует в женских антропонимах: Чингис-хан «решил выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума»¹⁴. «Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась»¹⁵. Хочжин из «Сокровенного сказания» — это осетинское слово ходжын — имеющая много сестер, а Хоахчин или хо ахджын указывает на женщину, которую называют сестрой со старчески скривленными ногами, так как ахджын — «нога с большим изгибом». Поэтому ус-

тоявшееся понимание прародительницы монголов как Алан-гоа является попыткой адаптировать и объяснить неизвестное слово хоа с помощью современного монгольского языка, в котором есть как будто похожее гоо — красавица. Следуя такой логике, в разряд красавиц попадает и старуха Хоахчин.

«Сокровенное сказание», повествуя о дальних предках Чингис-хана, указывает только имена. Нагромождение сложных имен в первых параграфах представляется делом сознательным. До сегодняшнего дня эти женские и мужские антропонимы никто не объяснил. О делах Чингис-хана знали многие, а о предках — только представители рода, говорящие на древнем языке и понимающие его нюансы. Женские антропонимы Монголчжин-хоа и Борахчин-хоа требуют особого внимания. Монголчжин-хоа, как и мужской антропоним Тороголчжин-Баян, имеют трехсоставную основу. Мон-голчжин-хоа нельзя рассматривать как производную от самоназвания монголов, так как этот же корень (голчжин) есть в имени Торо-голчжин-Баяна и даже в имени супруги Чингис-хана Борте в «Шара Туджи», где она названа Бортугэлджин. Правильно было бы записать эти имена так: Монгалджын, где мон — дух, галджын — хозяйка быков; то есть «дух хозяйки быков». В женском имени Борахчин, как и во многих средневековых монгольских антропонимах, встречается корень бур, бор. Осетинский бур, бор, восходящий к древнему персидскому корню būr bōr, в данном случае указывает на цвет волос. Супруга Чингис-хана Борте была женщиной со светлыми волосами (бортж — рыжие, золотые). Внук Чингис-хана Бури также имел рыжие или пшеничного цвета волосы (бур, бури — желтый, рыжий), Борахчин обладала русыми волосами (борахсин — желто-серый цвет), как и супруга Угедея Борахджин ¹⁶.

Самым древним прародителем монголы считали Булджа-хана ¹⁷, который был кочевником-скотоводом и часто страдал от укусов насекомых, что, очевидно, и послужило причиной его прозвища (булдзе — вшивый). В «Огуз-намэ» он назван Олджай-хан ¹⁸. Этот титул можно объяснить через определение алдзаан (славный, великолепный).

Мужские антропонимы до родоначальника ветви бурджигинов имеют свои особенности. В основном они представлены именами и личностными характеристиками, но есть антропонимы, которые прямо указывают на религиозные культы, некогда царившие в среде тех, кто впоследствии объединился под общим названием «монголы». Согласно летописи Рашид-ад-Дина, после гибели большинства соплеменников место, ставшее домом для выживших, называлось Эргунекун. Можно только догадываться о площади этой скрытой в ущелье от глаз посторонних территории. Там беглецы обосновались надолго, и главной сферой их хозяйственной деятельности могло быть скотоводство. В горных условиях всегда использовали альпийские луга, а равнину и крутые склоны делали пригодными для земледелия и огородничества. Все племена монголов происходили «из рода тех двух лиц, которые [некогда] ушли в Эргунэ-кун» ¹⁹.

«Среди тех, кто оттуда вышел, был один почтенный эмир по имени Буртэ-Чинэ» ²⁰. «Сказание» называет его уже Бортэ-Чино ²¹. Здесь виден переход бур/бор — желтый, золотой. Чинэ означает ала-но-осетинский культ Ичъина. При произнесении слова «Ичъина» пер-

вая «и» просто теряется и остается «чбина», поэтому имя Бортэ-Чино в переводе означает «золотой Ичбина». Так назывался праздник скотоводов, который проводился ежегодно осенью, когда стада возвращались с летних пастбищ, расположенных высоко в горах, на равнину. Каждая семья должна была принять в нем участие. Особенно, если в ней появилась молодая невестка или родился сын-первенец. Устраивали жертвоприношение, которое в «Сказании» называют чжугели ²² (дзæгелæ — повисший), когда тушу животного для разделки специально подвешивали. Возможно, в жертву приносили барана (дзуг — отара). Человеком, которому было поручено проведение этого культового мероприятия, и был Бортэ-Чино.

Его сына звали Батачи-хан. Имя Бата происходит от сарматского слова «ветер» ²³. Поэтому имя Батачи-хана объясняется как «воспитанник ветра». Сыном Батачи-хана был Тамачи (тамачьи — медвежья груша). Медвежья груша обычно растет в дубовых и хвойных лесах в предгорьях Северного Кавказа и Закавказья. Его плоды съедобны, из них гонят спиртовые настойки. Дерево имеет очень ценную древесину, из которой Тамачи умел делать крепкие луки. Некоторые сорта распространены на Алтае, Дальнем Востоке, в Северо-Восточном Китае, Сибири и Корее.

Старший сын Тамачи Хоричар-Мерган стал, как и его прадед, проводником религиозного культа, но только этот культ уже был связан не со скотоводством, а с земледелием. В алано-осетинской традиции праздник урожая первых озимых хлебов назывался Хорисар (хор — хлеб, сæр — начало, то есть первый хлеб). Перед сбором первого урожая устраивали веселый праздник. Хоричар-Мерган был распорядителем на этом празднике Хорисар, ему же поручалось первому начать сбор урожая. Такое право мог иметь только очень честный человек, уважаемый всеми. Таких людей называли Хорилæг (хор — хлеб, лæг — мужчина, хозяин, то есть хозяин хлеба).

У алан весенний праздник Хорисар входил в цикл праздников Хор-хор, посвященных Уацилле — одному из самых почитаемых божеств. Он посылает молнии, грозы, покровительствует хлебным злакам, от него зависят всходы, урожай. Он насылает град, ливень, сель, пожары, поэтому считается очень суровым божеством, способным ослепить и убить человека, поразить его молнией с неба. Женщины при приготовлении праздничных пирогов и сегодня в высокогорных селах повязывают платок под глаза, чтобы дыханием не осквернить традиционное подношение Уацилле. В Осетии-Алании всегда было много посвященных ему святилищ, но самое большое расположено в Даргавсе на горе Тбау.

Именно такое чувство — смесь страха и уважения — средневековые монголы испытывали и к божеству, которого они называли Итога: «Того Бога они называют Итога, они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья» ²⁴. «Есть рассказ, что в Могулистане бывают частые грозы. У монголов же считается, что молния исходит от некоего животного, подобного дракону, и в их областях жители [будто бы] видят, своими глазами, как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя» ²⁵. У Итога просили хорошей погоды, земных даров и сыновей. Ему приносили жертвы. Его почитали и

боялись. Во время грозы члены племени прятались в кибитках, одежду сушили внутри юрт, а тех, кто нарушал правила, жестоко наказывали, потому что Итога мог послать множество бед, уничтожить скотину, посеять и навредить людям. Он считался духом первой травы, первых всходов, первого урожая. Он посылал сверху жизнь всему живому и мог забрать ее. Нет никакого сомнения, что Уацилла и Итога совершенно идентичные божества.

Сын Хоричар-Мергана Аучжам-Борогул после отца определял время и место проведения обряда и церемонии приготовления торжественного хлеба — борогула. Этот праздник проходил у алан-осетин перед пахотой и назывался Хоры бон (день хлеба). После уборки урожая резали жертвенное животное, чаще всего быка. Большой обрядовый хлеб овальной формы олицетворял единство и достаток, надежду на новые щедрые урожаи для всех жителей села. Разрешал приготовление такого хлеба и начало пахоты Аучжам-Борогул. Любопытно, что и женщины у средневековых монголов принимали активное участие в уборке урожая и праздновании, иначе откуда в «Сказании» антропонимы Хоричжин (хлебная) и Хуурчин (урожайная)? «Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун»²⁶.

Слово «хатун», прочно утвердившееся в исторической литературе в понимании «женщина», таковым не является и несет на себе совершенно иную окраску. Более того, понятие «хатун» неожиданно применяется к мужчине: «...из рода есть муж Чебкан-хатун»²⁷. Хәтун означает кочевать, странствовать. Супруги, которые оставались в Орде и не кочевали вместе с мужьями, не имели в имени слово-характеристику «хатун». Следовательно, это слово, войдя в оборот у тюркских народов, постепенно теряло свое первоначальное значение и приобретало иное в форме хатун-женщина.

Известно, что родители Алан-хо вместе с дочерью прибыли к новому месту жительства, «прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях»²⁸. Эти земли должны были приносить богатые урожаи, поэтому отец Алан-хо «Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род-обок под названием Хорилар»²⁹. Антропонимы Хорилар и Хоричар — название одного и того же культа Хорисар. И Хоричар-Мерган, правнук Буртэ-Чинэ, и прибывший Хорилартай-Мерган — отец этнической аланки Алан-хо — поклонялись одному божеству, которое монголы называли Итога, а аланы — Уацилла. Принадлежность к определенному обществу, фамилии или вообще к чему-нибудь в алано-осетинской традиции обозначается прибавлением к основе слова «тай». Поэтому отец Алан-хо, выделившись в отдельный обок, стал Хорилартай.

В средневековой Алании существовали специальные места для судебных заседаний. Часто они проходили на поляне возле села. Место выбирали ровное, освобождали его от веток, валунов, природного мусора. Оно могло быть возле реки или озера. В Алании судьями были люди зрелые, достойные, кому доверяли безоговорочно, чей опыт и заслуги перед обществом ценились высоко. Самым большим почтом пользовались судьи из Дагома. Туда приезжали даже чужестранцы, отчаявшиеся добиться справедливости. Суд в Алании назывался тәрхон, а «крестьяне, освобожденные от повинностей — тарханами.

Обычно они являлись доверенными лицами алдаров [князей], оказывали им различные услуги, служили управляющими, княжескими дружинниками и сборщиками податей»³⁰.

Дед по матери Алан-хо Бархудай-Мерган (правовая шапка) владел Кол-баргуджин-догумом, был судьей, проводил заседания на берегу небольшого озера или водоема. Учитывая характер имени, возможно, и мать Алан-хо Баргуджин-хоа имела отношение к судопроизводству. Территория Баргуджин-догум к этому располагала: «В том владении... безмерное количество шаманов... — общеизвестно, что джины с ними разговаривают, — в частности, в той области, которая близка к границе отдаленнейшей обитаемости. Эту область называют Баргу, а так же называют Баргуджин-Токум. Там шаманов больше всего»³¹.

Средневековые монголы, как и аланы, знали понятие «тарханства». Тарханами становились те, кто внес вклад в общее дело, лично проявил свою преданность. Так, например, за бесценные сведения о скором нападении Ван-хана получили тарханство Бадай и Кышлык, которых Чингиз-хан сделал тарханами. Тарханством был награжден Богорчи-нойон, спасший Чингис-хана, проявивший волю и мужество, когда Чингис-хану в горло попала стрела. Очевидно, что в обязанность тарханов могли входить и судебные функции. Предполагалось, что на их беспристрастное решение не могли повлиять ни родственные связи, ни авторитетное мнение: «самое Бадур-хатун сделал тарханом и повелел, чтобы отныне жизненным путем сирот было тарханство»³². Известным судьей был сирота Шиги-Хутуху, которого воспитали в доме Чингис-хана. Методы, введенные им, были положены в основу монгольского судопроизводства. «Он возложил на Шиги Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерей-дзаргу»³³. Название этого суда (гур — много, гур дэр — самый большой, дзиргъа — лемех, у — быть, состоять; то есть состоящий из самого большого лемеха) говорит о том, что все тайное выходило наружу, подобно тому, как лемех, являясь главным элементом плуга, испытывает большую нагрузку и всегда должен быть хорошо заточен, чтобы при вспашке поля легко входить в землю, переворачивать ее и выбрасывать на отвал.

Слово «Мерган» встречается в «Сказании» 27 раз в 18 первых параграфах из 282 и только тогда, когда речь заходит о Хоричар-Мергане, Борджигидай-Мергане, Бархудай-Мергане, Хорилартай-Мергане и Добун-Мергане. Летопись Рашид-ад-Дина говорит о Хоричар-мэргэне, Джурлук-мэргэне, Адар-мэргэне и Кулкан-мэргэне. Слово «мерган» в форме «мэргэн» у современных монголов означает меткого стрелка. Переводчики приняли это за истину и ввели это слово в понятия «стрелок» в перевод исторических летописей. Но возникает закономерный вопрос: почему, когда начинаются борьба за власть, нападения и покорения соседних племен, штурм городов, крупные военные кампании, слово «мерган» исчезает, как будто и не было метких стрелков, о которых следовало написать.

Кроме того, обращают на себя внимание две похожие истории в летописи Рашид-ад-Дина и в «Сказании». Только связаны они с разными людьми. Из летописи мы узнаем, что после того, как Хоричар-Мерган стал заместителем своего отца, его четыре брата ушли из родительского становища навсегда. А в «Сказании» четыре племянника

Добун-Мергана сразу после смерти его брата Дува-Соко́ра резко изменили свое отношение к дяде, поругались с ним и тоже ушли. На первый взгляд может показаться, что истории просто перепутаны. Но это не так. И Хоричар-Мерган и Добун-Мерган имеют общую приставку к имени — «мерган». А в летописи Добун-Мергана называют Добун-Баяном и его никто не покидает. Получается, что наличие в имени слова «мерган» могло быть причиной распада большой семьи или, во всяком случае, то, что кроется за этим словом, к меткости стрельбы вряд ли может иметь отношение.

Все имена с приставкой «мерган» принадлежали старшим сыновьям. От некоторых из этих сыновей происходили новые племена, как, например, от Адар-Мергана — племя хадаркин, от Кулкан-Мергана — будат, или новый род-обок Хорисар, как это было с Хорисартай-Мерганом. Единственным исключением был Добун-Мерган, имевший старшего брата Дува-Соко́ра с одним глазом во лбу и способностью видеть вдаль на три кочевки. Такая нечеловеческая внешность позволяет сравнить его с уаигом (циклопом) Афсароном из Нартского эпоса осетин и высказать предположение, что Дува-Соко́ра (дуваэ — второй, сохъыр, сохъур — слепец, одноглазый) считали вторым циклопом. Сами произведения могли иметь общий литературный базис. Сложно не заметить, как было показано и ранее, что повествование о ранних предках Чингис-хана ведется очень схематично, как будто существует более солидный источник или устная история, где все давно и подробно рассказано. В летописи и «Сказаниях» их упоминают для того, чтобы сложилась общая картина, потому что «у всех их выведенная и ясная родословная, поелику обычаем монголов таков, что они сохраняют происхождение предков и дедов своих; каждому новорожденному дитяти объясняют и растолковывают происхождение его, подобно тому, как другие говорят: “из той де нации”. По этой причине нет никого из них, который бы не знал своего племени и происхождения»³⁴.

Отец Дува-Соко́ра и Добун-Баяна (Тæрагалджын — погонщик-хозяин быков) был скотоводом так же, как и Дува-Соко́р. Скорее всего и Добун-Баян являлся скотоводом и охотником до женитьбы на Алан-хо, семья которой возделывала землю. После смерти брата Добун-Баян стал заниматься исключительно земледелием. Это вызвало ссору с племянниками, которые считали это делом недостойным. С изменением деятельности изменилось и имя: Добун-Баян стал Добун-Мерганом, что означает буквально «твое предназначение — земледелец». Определение «мерган» как «земледелец» подтверждает присутствие древнего земледельческого культа Хорисар.

Таким образом, в данной работе удалось не только этимологически идентифицировать антропонимы предков Чингис-хана, которые даже сегодня встречаются у осетин (Еки, Сали, Бата и др.), перевести их с осетинского языка, являющегося языком скифо-сарматского этноса, сохранившим древнейшие лексические формы, но и доказать, что:

- хо и хоа в женских антропонимах говорят о близкородственных связях, а не являются характеристикой внешности;
- уджын, учжин отражают качества личности, а не принадлежность к царствующей династии;

- тарханство у алан и монголов понималось как свободное состояние без налогов; тарханы могли исполнять судебные функции;
- хатун применяется и к женщине, и к мужчине, отражая вид деятельности, а не гендерную характеристику;
- предки большинства монгольских родов занимались не только охотой и скотоводством, но в равной степени и земледелием. Имели скотоводческие и земледельческие культуры;
- в имени дальнего предка Буртэ-Чинэ зашифрован древний скотоводческий праздник Ичъина, для которого и проводили жертвоприношение чжугели, указанное в «Сокровенном Сказании»;
- предкам монголов Чингис-хана был известен весенний праздник Хорисар, о чем свидетельствуют имена: Хоричар-Мерган, Хорилартай-Мерган, Аучжам-Борогул, Хоричжин и Хуурчин. Даже общегосударственный суд включал в свое название слово дзиргъя — лемех. Как показали исследования, у средневековых монголов был полный цикл земледельческих праздников, входивших в перечень аланских праздников земледельцев Хор-хор. Поэтому и слово «мерган» означает человека, копающего землю, а не стрелка;
- земледельческое божество осетин Уацилла и монгольский Итога совершенно идентичны. Духа Итога нельзя сравнивать с богиней Земли Этуген. Этуген отвечает только за землю, а Итога, являясь небесным божеством, как и Уацилла, посылает дождь, снег, град, молнии и тепло, связывает землю и небо.

В данной публикации отражены лишь несколько антропонимов, которые сохранились в двух основных летописных источниках. Показана их скифо-аланская природа и дано объяснение их значений в переводе с древнейшего дигорского диалекта осетинского языка. Именно этот диалект и является так называемым «архаическим монгольским языком», на котором впервые прозвучали имена предков Чингис-хана от самого древнего прародителя до Алан-хо.

Примечания

1. РАШИД-АД-ДИН. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л. 1952, с. 261.
2. Там же. Т. 2. М.-Л. 1960, с. 14.
3. Там же, с. 77.
4. Там же, с. 89.
5. Там же, с. 93.
6. Там же, т. 2, с. 148.
7. Там же, с. 90.
8. ЯЦЕНКО С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н.э. — Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб. 1993, с. 66—67.
9. АБАЕВ В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л. 1989, с. 209.
10. ЛУБСАН ДАНЗАН. Алтан Тобчи. Золотое сказание. М. 1973, с. 62.
11. КОЗИН С.А. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol — un Niуса tobciyaп. Юань-чао би-ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.-Л. 1941, с. 89.
12. ВЛАДИМИРЦОВ Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. 2002, с. 148.
13. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 1, с. 170.

14. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 128.
15. Там же, с. 97.
16. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 2, с. 8.
17. Там же, т. 1, кн. 1, с. 80.
18. ФАЗЛАЛЛАХ РАШИД-АД-ДИН. Огуз-наме. Баку. 1987, с. 14.
19. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 9.
20. Там же, с. 9.
21. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 79.
22. Там же, с. 83.
23. АБАЕВ В.И. Ук. соч. Т. I. 1958, с. 33.
24. ИОАНН ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ. История монгалов, Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. СПб. 1911, с. 10.
25. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 156.
26. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 113.
27. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 1, с. 168.
28. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 80.
29. Там же, с. 80.
30. БЛИЕВ М.М., БЗАРОВ Р.С. История Осетии. М. 2005, с. 170.
31. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 1, с. 157.
32. Там же, с. 196.
33. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 153.
34. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 13.

Советские граждане в Западной Белоруссии в 1939—1941 гг.

Я.В. Карпенкина

Аннотация. В работе на основе анализа широкого круга советских делопроизводственных документов анализируется практика командирования служащих из Советского Союза (так называемых «восточников») на присоединенные осенью 1939 г. земли Западной Белоруссии. Обращая свое внимание на ранее малоизученную проблему, автор стремится охарактеризовать положение данной социальной группы в западных областях БССР в 1939—1941 гг. и приходит к выводу, что, хотя по замыслу правительства командированные советские работники должны были стать главными проводниками политики советизации на присоединенной территории, их работа в данной сфере оказалась малоэффективной.

Ключевые слова: Западная Белоруссия, СССР, советизация, «восточники», советские служащие.

Abstract. The work addresses the practice of sending of soviet clerks (so called “vostochniks”) to the Western Belorussia after its territorial affiliation to the Belorussian Soviet Socialist Republic (autumn of 1939). The paper is based on a large number of the soviet clerical documents. The work deals with the characteristic of this social group position in the Western Belorussia in 1939—1941 years. The author concludes: although according to the government’s plan, the sent Soviet clerks were expected to become the main implementers of the Sovietization policy in the annexed territory, their effort in this sphere turned out to be ineffective.

Key words: Western Belorussia, USSR, sovietization, “vostochniki”, soviet clerks.

После раздела Белоруссии в 1921 г. между Польшей и Советским Союзом в восточной ее части проводилась интенсивная советизация¹, а в западной — полонизация. Воссоединение обеих частей произошло только через 18 лет. Осенью 1939 г., когда жители Западной Белоруссии встречались с жителями Восточной Белоруссии, фактически происходило соприкосновение двух разных «миров».

Бывшая жительница г. Гродно Х. Борнстейн-Белицка вспоминала о тех событиях следующее: «Советизация охватила все стороны жизни... Гродно наполнился управленцами и военными: мужчинами,

Карпенкина Янина Валерьевна — стажер-исследователь Международного центра истории и социологии второй мировой войны и ее последствий. E-mail: yanina.postbox@gmail.com.

Karpenkina Yanina V. — research assistant at the International Centre for the History and Sociology of World War II and its Consequences. E-mail: yanina.postbox@gmail.com.

женщинами и их семьями... Советская власть не оставляла без управления город ни на минуту»². Действительно, обращаясь в областные комитеты, районные суды, милицию и даже к директору школы — всюду местные жители имели дело с людьми, приехавшими из СССР. В этой связи нельзя не согласиться с В. Слешынски в том, что реализация политики советизации была невозможна без командирования на присоединенные земли советских работников³.

На сегодняшний день многие аспекты политики советизации нашли отражение в научных разработках белорусских, российских, польских и американских историков. Наряду с работами общего характера⁴, отражающими основное направление советской политики на присоединенных землях, были также изданы исследования, посвященные различным этническим группам⁵ или освещающие историю отдельных регионов Западной Белоруссии в 1939—1941 годах⁶. Таким образом, к настоящему времени создан достаточно обширный комплекс исследований, посвященных тем или иным сторонам советской истории в Западной Белоруссии в 1939—1941 годах.

Тем не менее ряд проблем все еще нуждается в более глубоком изучении. Среди них — жизнь командированных на бывшие польские земли советских граждан. На сегодняшний день наиболее интенсивно по данной проблеме работают польские историки⁷. Однако в их исследованиях советские работники представляются исключительно в негативном свете. Так, К. Ясевич в своей книге «Они: советский оккупационный аппарат на северо-восточных землях Второй Речи Посполитой, 1939—1941 гг.» охарактеризовал командированных советских служащих как некую разрушающую силу, «уничтожившую все хорошее и оставившую после себя к 1941 г. лишь пустошь в морально-социальном и экономическом смыслах»⁸.

Предметом настоящего исследования является анализ положения командированных из СССР в Западную Белоруссию советских работников: их служебной деятельности, социального и материального положения, взаимоотношений с местными населением. Цель — рассмотреть достаточно пеструю по своему составу группу приезжих советских работников как отдельную социальную категорию населения присоединенного региона.

Основными источниками данной публикации являются советские делопроизводственные документы из коллекций Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Гродненской области (ГАГр), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Кроме того при анализе взаимоотношений советских работников с местным населением были привлечены источники личного происхождения — мемуары и устные интервью. Значительная доля этих материалов хранится в Мемориальном музее Холокоста (USHMM).

Командированных в 1939—1941 гг. в Восточную Польшу советских служащих местные жители прозвали «восточниками» (поскольку прибывали они преимущественно из восточных областей БССР), а себя, соответственно, «западниками». Впоследствии термин «восточник» получил широкое распространение, порой даже в официальных документах⁹.

Ввиду отсутствия соответствующих данных, невозможно назвать точное количество отправленных в Западную Белоруссию «восточни-

ков». В одну только Белостокскую область с сентября 1939 по октябрь 1940 г. было отправлено 12 396 советских служащих¹⁰, поэтому можно предположить, что количество командированных во все пять областей присоединенного региона измерялось десятками тысяч человек¹¹. Среди них преобладали белорусы, хотя немало было русских и евреев.

Квалификация приезжих работников также была весьма разнообразна — прибывали люди с разным образованием и опытом работы, как руководители, так и простые служащие. Последние преобладали среди работников железной дороги, которая считалась стратегическим объектом и поэтому обслуживалась исключительно «надежными кадрами»¹². Но поскольку существовало секретное постановление¹³ об укомплектовании всех административных должностей в новоприсоединенных западных областях проверенными советскими работниками, количество «восточников», находившихся на руководящей работе, преобладало.

В условиях острого жилищного дефицита в СССР¹⁴ командированные советские работники, очевидно, надеялись на улучшение своих жилищных условий. Это подтверждают жалобы на то, что они «с первых дней приезда в Западную Белоруссию начали требовать себе квартиры с мягкой мебелью»¹⁵. Представители местной администрации жаловались: «Приезжают люди из Алма-Ата и говорят: “Представьте нам работу и квартиру”. Один заявляет: “Приехал в хлебопекарню работать. Я, — говорит, — все продал, мне сказали, что там все будет, вот и приехал”»¹⁶.

По словам народного комиссара внутренних дел БССР Л. Цанавы, около 90% командированных работников оседало в городах¹⁷. Наличие в городской местности Западной Белоруссии столь большого количества «восточников» вместе с немалым количеством военнослужащих и беженцев из Западной Польши создавало в регионе крайне сложную ситуацию, в первую очередь, в социально-экономической и жилищной сферах¹⁸.

В таких условиях далеко не всем приезжим из Советского Союза удавалось успешно обустроиться на новом месте. Нередкими были случаи, когда они вынуждены были проживать в неприемлимых условиях. Например, начальник паспортного отдела НКВД Домбровского района П.С. Косов просил местную администрацию предоставить ему новое жилье по той причине, что помещение, в котором он проживал, было очень сырым и находилось в здании еврейской школы, поэтому в квартире было очень шумно («невозможно работать над собой»), а зимой — невыносимо холодно. По этой причине у него заболел и умер ребенок. В ответ на свой раппорт Косов получил ответ: «Свободных мест нет»¹⁹.

Но «восточники» не всегда только требовали — хищение недвижимого имущества, особенно в первые месяцы советской власти в Западной Белоруссии, было повсеместным явлением. В архивных документах можно встретить большое количество упоминаний о незаконных выселениях «западников» из квартир с присвоением их имущества военным и гражданским начальством²⁰. Конечно, подобные действия предпринимались, в первую очередь, в отношении представителей бывшей польской администрации, аристократии, а также зажиточных граждан. Но нередко страдали и простые жители. Напри-

мер, согласно докладу прокурора Белостокской области от 30 сентября 1940 г., жителя г. Белостока В. Гольдштейна начальник местного отдела милиции Селиванчик вынудил покинуть жилье на том основании, что тот якобы при польской власти являлся директором купеческого банка. Следствием было установлено, что Гольдштейн не был директором банка, а работал там бухгалтером. Однако к тому моменту Селиванчик уже обосновался в его квартире и категорически отказывался выезжать. Потерпевший подал апелляцию в суд, но ее не приняли к рассмотрению. Чем закончилось дело — неизвестно ²¹. Упоминаний о подобных происшествиях в архивных материалах можно встретить множество. В целом факт незаконного хищения имущества представителями советской администрации является отражением специфической социально-политической ситуации в западных областях, при которой занятие высших должностей в условиях послевоенной разрухи 1939—1941 гг. фактически означало обладание неограниченной властью.

Но не всем «восточникам» повезло оказаться в привилегированном положении. Так, очень тяжелой была доля работников железной дороги, прибывших из Советского Союза. В ряде записок начальников Брест-Литовской железной дороги, составленных в марте-июле 1940 г., неоднократно указывалось на то, что присланные работники до сих пор не имеют своих квартир, а живут в вагонах ²² (всего по ж/д Западной Белоруссии ими было занято 72 вагона по 3—4 чел. в купе) ²³. Приводились некоторые ужасающие подробности их быта: постельными принадлежностями рабочие не были обеспечены, поэтому спали в одежде, накрываясь пальто; кипяченой воды, как и посуды, не было; туалеты в вагонах были заперты с целью недопущения антисанитарии; мыла не было, железнодорожники редко ходили в баню и меняли нижнее белье; дезинфекция вагонов зачастую не проводилась ²⁴. Следствием всего этого были вшивость и случаи массовых заболеваний тифом ²⁵. Тяжелые жилищные условия, невозможность перевезти свою семью, недостаточная оплата труда — все это привело к тому, что из числа приезжих рабочих Брест-Литовской железной дороги в течение января-июня 1940 г. без разрешений уехало обратно (фактически, бежало) около 200 человек ²⁶.

«Восточники», прибывшие вслед за частями Красной армии, как и красноармейцы, удивляли «западников» своим скромным внешним видом, который сильно контрастировал с нарядами местного населения ²⁷. Приехав в «буржуазный» край, советские граждане, если только имели такую возможность, всячески стремились повысить свой уровень жизни. Из рассказов местной жительницы Р. Горбенко: «А девчата какие поприехали оттуда — они все были в шинелях и сапогах кирзовых. Потом стали уже одеваться, стали покупать материалы, к портникам [ходить]...» ²⁸ Товарный голод советских людей привел к тому, что уже в первые дни после прихода войск Красной армии местные жители могли наблюдать красноармейцев, активно скупавших любые попадавшиеся на глаза товары. Часто торговля шла из-под полы по многократно завышенным ценам ²⁹, расцветали «черный рынок» и спекуляция.

В докладных записках партийных работников западных областей часто упоминались случаи, когда советские служащие «проводили большинство своего времени в лавках и на базарах», превращаясь в

«мешочников»³⁰. Этим, однако, дело не ограничивалось. При конфискации имущества помещиков и прочих «нетрудовых элементов» редкий советский работник мог удержаться от присвоения себе хотя бы доли этого имущества. Депутат Верховного совета БССР Снегов, работавший в Западной Белоруссии руководителем Уездного Исполнительного комитета (уезд не указан) «со всего уезда без всякого учета натаскал себе на квартиру мебель», конфискованную у помещика. Второй секретарь этого же Исполнительного комитета Петлах «не отстал от Снегова» и тоже «набрал себе много вещей»³¹. Более того, Снегов и Петлах занимались вымогательством товаров у торговцев — для этого они через поверенное лицо обращались к торговцу и под угрозой штрафа приказывали ему принести в указанный день определенный товар³². Вымогательство было характерно для «восточников»-руководителей: например, прокурор Барановичского района Квиткевич, будучи в нетрезвом состоянии, требовал от бывшей торговки Ф. Эпштейн продать ему чулки. Услышав о том, что у нее больше нет товара, Квиткевич причинил ей физический вред, отчего Эпштейн «болела 11 дней»³³.

Нередкими были случаи, когда представители советской администрации региона ездили (или отправляли кого-то вместо себя) за границу (чаще на территорию Литвы, в Вильнюс) и под видом приобретения так называемых «необходимых предметов» для учреждения покупали вещи для личного пользования³⁴. В подобных поездках использовались служебные автомобили и даже государственные средства. Например, как указывалось в анонимной жалобе, заведующий Финхозсектором Вилейского областного комитета КП(б)Б³⁵ Дымков более 70 тыс. руб. из партийной кассы потратил на покупку в Литве и у спекулянтов «всякого барахла», а также за государственный счет «отремонтировал себе квартиру»³⁶.

На общем собрании Белостокской городской партийной организации в январе 1940 г. обсуждалась проблема отсутствия борьбы со спекуляцией со стороны милиции, более того, было заявлено: «Есть некоторые милиционеры из местных граждан, которые способствуют спекуляции»³⁷. Активно скупая малодоступные в СССР товары, отдельные предприимчивые «восточники» сами занялись спекуляцией — пересылали товары на родину для перепродажи. Например, 31 марта 1941 г. В.А. Египян, работавшую секретарем 3-го отдела НКВД, уволили за то, что она скупала промтовары у спекулянтов и в Спецторге (6 штук золотых и серебряных часов, отрезы сукна, шерсти и шелка, костюмы и платья, шубу), а все купленное переправляла в Ереван для продажи³⁸.

На Пленуме Белостокского обкома КП(б)Б открыто заявлялось о том, что многие советские работники приезжают «ради наживы», чтобы себе «нахапать»³⁹.

Однако если приобретение различных товаров в условиях вскоре наступившего в Западной Белоруссии дефицита было доступно лишь тем, у кого были деньги и связи, то такой порок как пьянство касался значительно более широких слоев приезжих работников. Буквально в каждой жалобе указывалось на их чрезмерное пристрастие к алкоголю⁴⁰. В частности, в Лидском городском отделе НКВД систематически устраивались коллективные попойки, в результате кото-

рых отдельные сотрудники являлись на работу в нетрезвом виде, либо не приходили вовсе. Подобная вечеринка произошла в день празднования годовщины ВЧК-ОГПУ-НКВД, когда было распито вино, изъятые у ксендза⁴¹. Безусловно во время подобных пьянок нередко случались дебоши и даже несчастные случаи (ввиду наличия у «восточников» огнестрельного оружия). Один из сотрудников упомянутого Лидского городского отдела НКВД во время пьянки открыл стрельбу прямо в отделе НКВД, а после и в жилом доме, в результате чего «жителям дома пришлось вылезать через окна»⁴². Имели место и пьяные перестрелки с летальным исходом⁴³.

На партийном совещании районных комиссаров и начальников районных отделов НКВД пограничных районов БССР, которое состоялось в сентябре 1940 г., первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко отмечал дискредитирующее поведение некоторых советских служащих: «Данные, которыми располагает ЦК, свидетельствуют, что не глубоко у нас дело идет там, не так, как нужно было бы. Товарищи наши не превратились в партийных вожakov масс... Они не являются в глазах населения символом партийной честности..., а погрязли иногда там в неблагоприятных даже делах»⁴⁴.

Как неоднократно отмечается в источниках личного происхождения, проживая в Западной Белоруссии, «восточники» стремились общаться только с выходцами из СССР, держась обособленно от местного населения. Причинами тому были незнание польского языка, а также значительные культурные отличия между социальными группами. Кроме того, между «западниками» и «восточниками» присутствовало недоверие, особенно в первые месяцы после присоединения территории. Советские работники были запуганы рассказами о возможных происках «враждебной польской буржуазии». Например, бывшая жительница местечка Ошмяны Горбенко вспоминала, как подселенный на квартиру к их родственникам директор дрожжевого завода Александр Ильич боялся, что хозяйева его отравят. Через некоторое время, когда отношения командированного директора и хозяев наладились, Александр Ильич признался, что он и его товарищи не хотели ехать в Западную Белоруссию, опасаясь местного населения⁴⁵. Со стороны «западников» недоверие к советским служащим было вызвано их поведением. Из воспоминаний местного жителя — белоруса С.Ф. Пипко (Брестская обл.): «... [“восточники”] вели себя как большие чиновники, люди, имеющие власть. Общались они только с коммунистами... Все партийные и советские работники имели при себе пистолет. Местное население боялось советских работников»⁴⁶. Можно согласиться с мнением Е.Ю. Борисёнок о том, что взаимоотношения между данными социальными группами, скорее носили характер «элита — массы»⁴⁷. Но были и исключения. Так, бывший житель г. Лида Джек Ахренс⁴⁸ вспоминал, как он и подселенные к его семье красноармейцы дружно проводили вечера пятницы — пили водку и закусывали фаршированной рыбой.

Сразу стоит отметить, что со стороны «восточников», которые, как было сказано, чувствовали себя элитой, носили огнестрельное оружие и любили выпить, имело место грубое отношение к местным женщинам. Так, оперуполномоченный Вороновского районного отдела НКВД С.П. Феськов, напившись допьяну, вышел на улицу и

начал приставать в двум девушкам — угрожая оружием требовал, «чтобы они с ним садились»⁴⁹.

Не намного реже, чем о пьянствах командированных работников, говорилось об их связи с «сомнительными женщинами».

Однако часто между «восточниками» и западнобелорусскими женщинами случались романы. На Первой Белостокской областной конференции КП(б)Б в апреле 1940 г. говорилось о «неприятных» фактах «срашивания» приезжих работников с местным населением: «Мы недавно проводили мероприятия по выселению семей офицеров и других сволочей и там приходилось сталкиваться с советскими людьми, которые живут вместе с местными и заявляют: это моя жена или я хочу на ней жениться»⁵⁰.

Поскольку отношение советского руководства к местным жителям было настороженным (особенно к полякам и беженцам), всякие любовные связи с «западниками» категорически осуждались. За это грозило не только увольнение с последующим откомандированием обратно, но даже исключение из партии. Однако некоторые работники шли и на такие жертвы: А.Г. Стрелковский, работавший оперуполномоченным Слонимского городского отдела НКВД, «установил постоянную связь» с Ф. Розенберг, чья биография по советским меркам была далеко не безупречной — беженка из Польши, нелегально пересекавшая границу, имевшая родственников в Лодзи, да еще поддерживавшая с ними активную связь по переписке, сообщая, что в Западной Белоруссии ей жить не нравится. Стрелковского всячески вынуждали порвать отношения с Розенберг. Однако на собрании парторганизации НКВД г. Слонима он публично заявил: «Возможно останусь вне партии и не буду работать в органах НКВД, но с Розенберг не разойдусь». За это он был два раза понижен в должности, а позже и вовсе уволен из НКВД⁵¹.

Из отрывочных архивных сведений становится ясно, что в 1939—1941 гг. на присоединенные земли прибыло несколько десятков тысяч советских работников. По национальности среди них преобладали белорусы. По квалификации и образованию «восточники» являлись весьма пестрой социальной группой. Большинство из них было назначено на разного рода руководящие должности в государственных учреждениях и на предприятиях. Таким образом, командированные советские работники являлись активными проводниками политики советизации на присоединенных землях.

Из ряда архивных сведений становится ясно, что характерными чертами образа жизни «восточников»-руководителей были чрезмерный интерес к покупке различных товаров, а также пьянство. Подобная ситуация на фоне репрессий и дефицита вызывала неприязнь со стороны простого населения. Это прекрасно понимало советское правительство, но решить данную проблему было не в силах.

Имея в виду единый культурный опыт всех «восточников», важно помнить, что наряду с руководителями в Западную Белоруссию было отправлено значительное количество рядовых служащих, разделивших с «западниками» материальные трудности. Тот факт, что многие из них, столкнувшись с реалиями жизни на присоединенной территории, стремились любыми способами скорее вернуться обратно, многое говорит о тяжести бытовых условий жизни в Западной Белоруссии в 1939—1941 годах.

Многие командированные работники вызывали неприязнь у «западников». С другой стороны, не зная польского языка и будучи подверженными советской пропаганде, «восточники» опасались местных жителей, видя в них представителей «враждебной буржуазии». В то же время в архивных документах достаточно часто говорится о смешанных браках являвшихся воплощением частных случаев воссоединения двух все еще чуждых друг другу «миров».

Примечания

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

1. Под «советизацией» в данной работе понимаются мероприятия, направленные на создание государственных и административных структур и конструирование нового образа жизни для граждан присоединенного региона по укоренившимся в СССР образцам.
2. IZHAR N. Chasia Bornstein-Bielicka: One of the Few. A Resistance Fighter and Educator, 1939—1947. Jerusalem. 2009, p. 79.
3. SLESZYNSKI W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie: Propaganda i indoktrynacja. Białystok. 2001, s. 277.
4. GROSS J.T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton. 2003; ЛАДЫСЕЎ У.Ф., БРЫГАДЗІН П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.). Мінск. 2003.
5. LEVIN D. The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939—1941. Philadelphia. 1995; Studia z dziejow okupacji sowieckiej (1939—1941): obywatele Polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939—1941. Warszawa. 1997.
6. АКЕРМАН Ф. Гародня пад савецкай акупацыяй (верасень 1939 — чэрвень 1941 гг.). — Arche Пачатак. 2016, № 1, с. 6—26.
7. JASIEWICZ K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939—1941 (Białostocczyzna, Nowogródzczyzna, Poliesie, Wileńszczyzna). Warszawa. 2001; GNATOWSKI M. Rodzicey funrcjonariusze na Białostocczyźnie (1939—1941). Wstępny zarys problematyki In: Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej, 1939—1941. Białystok. 2003, s. 181—209.
8. JASIEWICZ K. Oni: Okypacyjny aparat sowiecki na Kresach Północno—Wschodnich w latach 1939—1941. Warszawa. 2015. s. 19.
9. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 22, д. 225, л. 36; Государственный архив Гродненской области (ГА Гр), ф. 579, оп. 1, д. 10, л. 1—3.
10. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 70.
11. М. Гнатовски утверждает, что до конца 1940 г. в Западную Белоруссию прибыла 31 тыс. работников из Советского Союза. GNATOWSKI M. Op. cit., s. 189.
12. Как указывалось в стенограмме пленума Белостокского областного комитета КП(б)Б к октябрю 1940 г. на железной дороге только по Белостокской области было трудоустроено 3 тыс. «восточников», занимавших самые разные должности, «вплоть до уборщиц». РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 70. См. также: ПЕТРОВСКАЯ О.В. Изменения кадрового состава Брестского железнодорожного узла 1939—1941 гг. В кн.: Исторические, социокультурные и экономические аспекты воссоединения белорусского народа. Брест. 2000, с. 46—47.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ), ф. 4П, оп. 1, д. 16 767, л. 8, 34.
14. МЕЕРОВИЧ М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917—1937. М. 2008; FITZPATRICK SH. Everyday

Stalinism: Ordinary life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford. 1999, p. 46—50.

15. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 634, л. 28.
16. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 144.
17. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16767, л. 89.
18. Трудности расселения новых работников стремились решить путем уплотнения старых хозяев квартир и домов. Таким образом, некогда частное жилье было стремительно преобразовано в коммунальные квартиры.
19. ГА Гр, ф. 173, оп. 1, д. 2, л. 20—21.
20. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 227—352.
21. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 15 347, л. 65—69.
22. Там же, д. 16 781, л. 84—152.
23. В это время пассажирские перевозки в Западной Белоруссии выполнялись на крайне низком уровне: поезда ходили не полносоставными, поэтому происходил перегруз вагонов. Регулярными были случаи, когда пассажиры просто не влезали в вагон и оставались на станции. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 225, л. 11.
24. ГА Гр, ф. Р-292, оп. 1, д. 2, л. 18—20.
25. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 232, л. 106—110.
26. Там же, л. 150.
27. ЕЛЕНСКАЯ И.Э. События 1939—1940 годов в западных областях Белоруссии: устная история. В кн.: Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939—1941 гг.: люди, события, документы. СПб. 2011, с. 116.
28. GORBIENKO R. Interview 49 136. Visual History Archive. USC Shoah Foundation Institute. Accessed online at the USHMM on 22th July 2016. Part 1. 00:24:25.
29. Но даже эти завышенные цены были намного ниже цен на аналогичные товары в пределах СССР. К тому же в Советском Союзе в эти годы наблюдался острый товарный дефицит, в результате чего товаров или вообще не было на прилавках, или они продавались согласно нормам отпуска в одни руки. ОСОКИНА Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927—1941. М. 2008.
30. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 634, л. 29.
31. Там же, д. 14 747, л. 69.
32. Там же, л. 70.
33. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 221, л. 5—6.
34. ГА Гр, ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 71.
35. КП(б)Б — Коммунистическая партия большевиков Белоруссии.
36. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 783, л. 214—215.
37. Там же, д. 15 268, л. 1—16.
38. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 225, л. 56—57.
39. Там же, д. 230, л. 144.
40. Там же, д. 227—352.
41. Там же, д. 220, л. 41.
42. Там же.
43. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 620, л. 226—228.
44. Там же, д. 16 767, л. 1—2.
45. GORBIENKO R. Interview 49136. Visual History Archive. USC Shoah Foundation Institute. Accessed online at the USHMM on 22th July 2016. Part 1. 00:20:15.
46. ЕЛЕНСКАЯ И.Э. Ук. соч., с. 118.
47. БОРИСЁНОК Е.Ю. Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939—1941 гг. Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939—1941 гг.: люди, события, документы. СПб. 2011, с. 194.
48. Interview with Jack Ahrens. RG-50.030*0311. USHMM. 00:27:52.
49. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 221, л. 136.
50. Там же, д. 229, л. 239.
51. Там же, д. 226, л. 112—113.

Северная оконечность Казанской улицы Санкт-Петербурга в исследовательской практике

С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина

Аннотация. В работе освещены результаты архитектурно-археологических исследований на северном участке Казанской улицы Санкт-Петербурга от южной границы Воронихинского сквера до Невского проспекта, проведенных авторами в 2011 г. во время прокладки в этом месте кабелей высоковольтной магистрали. Изученный слой в широких пределах датируется XVIII — третьей четвертью XIX века. Представленный вниманию читателя материал предваряет краткая историческая справка о ходе застройки этой части Петербурга. Объектом исследований стала стратиграфия раскрытого слоя и фундаментные конструкции утраченных зданий и сооружений. Кроме того, предметному анализу была подвергнута цокольная часть Воронихинской ограды, фундамент которой был сопряжен с неизвестным ранее водоотводным коллектором ливневой канализации. Также были обследованы коллекторы ливневой канализации начала XIX в. у западного фасада Казанского собора и Воронихинского сквера.

Ключевые слова: Российская империя, Санкт-Петербург, Казанская улица, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, архитектор Андрей Воронихин, Казанский собор, Воронихинские сквер и ограда, Старый сад усадьбы Кирилла Разумовского, архитектурно-археологические исследования.

Abstract. The work highlights the results of architectural and archaeological research on the northern section of Kazan Street of St. Petersburg from the southern border of Voronikhinsky Square to Nevsky Prospect, carried out by the authors in 2011 when laying cables for a high-voltage line. The studied layer in wide limits dates from the XVIII — the third quarter of the XIX century. Presented to the attention of the reader, the material is preceded by a brief historical note on the progress of the construction of this part of St. Petersburg. The object of the research was the stratigraphy of the open layer and the foundation constructions of the lost buildings and structures. In addition, the base section of the Voronikhinsky fence was subjected to subject analysis, the foundation of which was associated with the previously unknown drainage collector of storm sewage. Also, sewer

Каргапольцев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Лапина Ирина Юрьевна* — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: poli-kam@yandex.ru

Kargapolitsev Sergey Yu. — PhD (History), associate professor at the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Lapina Irina Yu.* — doctor of historical sciences, associate professor, holder of the chair at the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

collectors of the early XIXth century were surveyed at the western facade of the Kazan Cathedral and Voronikhinsky Square.

Key words: Russian Empire, St. Petersburg, Kazan Street, Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary, architect Andrei Voronikhin, Kazan Cathedral, Voronikhinsky Square and fence, the Old garden of the manor of Kirill Razumovsky, architectural and archaeological research.

Северная оконечность Казанской улицы Санкт-Петербурга уже начиная с середины XVIII в. относится к центральной части города и, несомненно, имеет важную историко-культурную значимость как для петербурговедения, так и для всей эпохи русского абсолютизма. Уточнить некоторые данные о характере и этапности застройки «Первоначального Петербурга», отсутствующие в архивной документации и имеющемся иконографическом материале, способны архитектурно-археологические изыскания, в том числе сопроводительный мониторинг при проведении строительных работ. Такой объем исследований при прокладке траншеи для кабельных линий высоковольтной магистрали на участке от Воронихинской ограды до Невского проспекта был выполнен авторами публикации в апреле-июле 2011 года. К основным задачам исследований относились наблюдение за ходом строительных работ и фиксация всех параметров выявленных конструкций с оценкой их состояния и стратиграфии *in situ* прорезаемого слоя, интерпретация случайных находок, выполнение чертежей и сопроводительных фотографий, анализ возможных находок и прочее. Зону наблюдения составила территория около 2500 м², в том числе восемь шурфов общей площадью 32 м². При локализации репрезентативных профилей стенок строительной траншеи и выборки грунта археологических шурфов применялась методика ручного труда без использования тяжелой строительной техники, с обязательными в таких случаях послойными зачистками, нивелировкой высотных отметок и основных параметров сохранившихся конструкций.

Архитектурной доминантой в зоне работ, безусловно, был собор во имя Казанской иконы Божией Матери, построенный в 1801—1811 гг. по проекту архитектора Андрея Никифоровича Воронихина (1759—1814). В период проведения работ — в 2011 г. — собор как раз отмечал свое 200-летие. Для справки отметим, что Казанский собор строился на уже намоленном месте: в 1710 г. на Невской Перспективной дороге (с 1738 г. — Невская Перспективная или Большая Перспективная улица, с 1755 г. — Большая Невская перспектива, с 1781 г. — Невский проспект, с 1918 по 1944 г. — проспект 25-го Октября) в районе еще только формировавшейся Первой линии Переведенческой слободы рядом с деревянным зданием госпиталя была построена часовня, которая в 1712 г. была заменена деревянной церковью иконы Казанской Божией Матери. Всю территорию между слободой и будущей Садовой улицей занимала большая березовая роща, которая охранялась специальным указом Петра I (1682—1725), что, однако, не спасло ее от незаконной вырубки. В другую сторону, до реки Мьи (с 1726 г. — Мойки), на месте будущего дворца графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728—1803), был разбит сад, позже названный «Старым». Поспешность строительства, материал (до конца XVIII в. все постройки в этом районе были деревянными), а также важность занимаемого места изначально обрекали церковь на непродолжитель-

ный период существования. Новый храм по указу императрицы Анны Иоанновны (1730—1740) — церковь Рождества Пресвятой Богородицы — был построен в 1733—1737 гг. по проекту архитектора Михаила Григорьевича Земцова (1688—1743) при участии Ивана Яковлевича (Иоганна Фридриха) Бланка (1708—1745). Здание храма было кирпичным, шпиль же колокольни (58 м) — деревянным. Барочный экстерьер здания, как и его пропорции, напоминая Петропавловский собор, полностью соответствовали стилистике западноевропейской архитектуры¹. Накануне освящения храма — 2 июля 1737 г. — в него был перенесен из Троицкого собора, где временно находилась икона после разборки деревянной церкви, особо чтимый в Петербурге образ Казанской иконы Божией Матери — список начала XVIII в. с чудотворной иконы, обретенной в Казани в 1579 году. В 1747—1748 гг. художник Луи Каравак (1684—1754) написал храмовый образ «Рождества Богородицы». В отличие от позднее построенного Казанского собора, церковь Рождества Пресвятой Богородицы имела более близкое расположение к Невской перспективе (впоследствии территория между северным фасадом собора и Невским проспектом была превращена в мощеную камнем площадь, в центральной части которой в 1900 г. был разбит сквер с фонтаном). Известно несколько изображений церкви Рождества Пресвятой Богородицы, как с запада (со стороны р. Мойки), так и с востока (со стороны р. Фонтанки), на гравюрах середины XVIII в., выполненных по рисункам Михаила Ивановича Махаева (1718—1770) 1753 года. Несомненный интерес представляет и одно из последних изображений снесенного в 1811 г. храма на картине Бенджамена Патерсена (1750—1815), находящейся в фондах Государственного Эрмитажа, а также рисунок Александра Николаевича Бенуа (1870—1960), выполненный по оригиналу неизвестного художника середины XVIII века. В 1773 г. в церкви Рождества Пресвятой Богородицы венчался на брак цесаревич Павел Петрович — будущий император Павел I (1796—1801). Храм был местом, где отмечались многие победы русского оружия².

В конце XVIII в. вновь возник вопрос о перестройке храмового комплекса. Первоначальные планы обновления уже существовавшего здания церкви не получили высочайшей поддержки: по мнению императора Павла I, центральная часть столичного Петербурга нуждалась в более величественном сооружении, олицетворяющем мощь Российской империи. Объявленный им в 1799 г. конкурс на проектирование собора собрал многих маститых архитекторов того времени — Чарльза Камерона (1745—1812), Джакомо (Якова Антоновича) Тромбара (1750—1811), Пьетро ди Готтардо (Петра Фёдоровича) Гонзаго (1751—1831) и Жана-Франсуа Тома де Томона (1760—1813). Однако ни один из представленных вариантов не получил высочайшего одобрения (Павел Петрович мыслил храм, по масштабу и стилистике подобный собору св. Петра в Риме). Реализованный проект Казанского собора, предложенный, как уже указывалось, архитектором А.Н. Воронихиным — бывшим крепостным горнозаводчика и просветителя графа Александра Сергеевича Строганова (1733—1811) — был утвержден в 1800 году. К январю 1801 г. определилась и расходная смета строительства — 2 843 434 рублей. Понимая, что работы затянутся на несколько лет (первоначально сроки строительства плани-

ровалось уложить в три года), церковь Рождества Пресвятой Богородицы сразу разбирать не стали. Она не только продолжала действовать в качестве приходского центра, но и до самого конца прикрывала собой строительство нового храма.

Земляные работы по прокладке рвов для будущего фундамента собора были начаты в марте 1801 г., то есть как раз в период дворцового переворота и убийства самодержца. Официальная же закладка первого камня императором Александром I (1801—1825) в фундамент собора состоялась 27 августа (8 сентября) 1801 года³. К 1803 г. нулевой цикл строительных работ был завершен. В него вошли: земляные работы по выемке грунта, отводка грунтовых вод, забивка свай (18 072 шт.) 4—6 саженой (8,5—12,5 м), укладка ростверка, возведение фундамента (высота 6 аршин, то есть 4,3 м). Общий объем выемки грунта по смете составил 4036 кубических саженой, глубина рвов — 4 аршина 10 вершков. Условия труда оказались настолько тяжелыми, что пришлось подключать солдат Петербургского гарнизона, которых предоставил военный губернатор Санкт-Петербурга генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745—1813), занимавший эту должность до августа 1802 года⁴. Тогда же были начаты работы по сооружению гранитного цоколя собора и возведению кирпичной кладки стен погребов и подвальных помещений храма. Бригадой каменщиков руководил Самсон Ксенофонович Суханов (1768—1840). На 1811 г. сумма казенных затрат составила 4,7 млн рублей. Торжественное освящение митрополитом Амвросием достроенного собора состоялось 15 сентября 1811 г. (событие было приурочено к десятой годовщине венчания на царствование императорской четы)⁵. Только после этого была разобрана уже порядком обветшавшая церковь Рождества Пресвятой Богородицы (последняя служба в ней состоялась 26 августа 1811 г.), что позволило, наконец, открыть всю полноту грандиозной панорамы соборного комплекса со стороны Невской перспективы⁶.

Основная часть отделочных работ в Казанском соборе была завершена в 1812 году. Дольше всего достраивался южный портик собора, работы над которым завершились лишь в 1818 году. Доделка же внутреннего убранства и интерьеров продолжалась до 1829 года. Этими работами руководил архитектор и инженер Огюст Монферран (1786—1858). Отдельного упоминания заслуживает серебряный иконостас работы архитектора Константина Андреевича Тона (1794—1881), сменивший в 1836 г. первоначальный вариант Воронихина. На его отделку ушло более 100 пудов чистого серебра, переданного М.И. Кутузовым в дар Казанскому собору незадолго до кончины. Большая часть этого серебра была отбита у французов казаками атамана Войска Донского, генерала от кавалерии Матвея Ивановича Платова (1753—1818) в 1812 году. Для справки отметим, что в 1922 г., несмотря на просьбы верующих о сохранении святыни, иконостас был разобран, а серебро изъято якобы в пользу голодающих (в 1990—2000-е гг. иконостас К.А. Тона был воссоздан, но вместо литых серебряных пластин было использовано сусальное серебро, покрывшее деревянные резные панели и гипсо-мастичную лепнину на провололочной основе). Художественным оформлением пышных интерьеров собора, включая написание икон для иконостаса и стеновых фресок, в разное время

занимались выдающиеся живописцы Владимир Лукич Боровиковский (1757—1825), Карл Павлович Брюллов (1799—1852), Пётр Васильевич Басин (1793—1877) и Иван Николаевич Крамской (1837—1887) ⁷.

В 1811 г. изумленным петербуржцам предстал величественный собор (длина — 72,5 м, ширина — 56,7 м, высота — 71,6 м) с полукруглой колоннадой из 96 колонн коринфского ордера с каннелюрами (высота — более 13 м), скрывавшей вытянутый по оси северный боковой фасад. По форме собор — трехнефная классицистическая базилика, образующая в плане латинский крест. Специфика архитектуры христианских храмов состоит в том, что алтарь всегда ориентирован на восток, а главный вход располагается на западной стороне. Четырехрядная колоннада, выполненная в виде проходной галереи, создает с Невского проспекта видимость основного ракурса восприятия ансамбля. Крылья колоннады замыкаются монументальными портиками, решенными как сквозные проезды (всего вокруг собора расположено 136 колонн и внутри — 56 колонн коринфского ордера из розового финского гранита с золочеными по бронзе капителями и базами). Под куполом (диаметр — более 17 м), впервые в истории построенном из металлических конструкций и покрытом темно-серым луженым железом, был устроен промежуточный, кирпичный купол, разгрузивший напряжение на барабан собора, а под ним еще один — с круглым отверстием, которое могут видеть изнутри прихожане (некая аналогия с храмом св. Павла в Лондоне архитектора Кристофера Рена). Основной материал стеновой кладки храма — пористый пудостский известняк. Необходимые для отделки гранит и цветной камень поставлялись соответственно из Карелии и с Урала. За свои труды Воронихин был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и пожизненной пенсией. В одночасье ставший знаменитым архитектор хотел дополнить внешний вид собора южной полукруглой колоннадой, симметричной северной, а также западной — прямой. Однако без покровительства умершего графа А.С. Строганова реализовать этот замысел не удалось. Также помешали задуманному Отечественная война 1812 г., а вскоре и смерть самого Воронихина в феврале 1814 года. Единственное, что сумел воплотить мастер, это оформить полуциркулярной оградой площадь перед западным фасадом собора.

В 1837 г., уже при императоре Николае I (1825—1855), площадь у северного фасада собора украсили бронзовые памятники на гранитных постаментах главнокомандующим русской армии времен Отечественной войны 1812 г. — генерал-фельдмаршалам Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли (1761—1818) и Михаилу Илларионовичу Кутузову (захоронен 13 июня 1813 г. в склепе, устроенном в подвальном помещении западной части храма) работы скульптора Бориса Ивановича Орловского (1793—1837) и архитектора Василия Петровича Стасова (1769—1848). Оформлением могилы-кенотафа М.И. Кутузова в главном приделе собора занимался архитектор Воронихин. Рескрипт императора Александра I об установке памятников прославленным полководцам был издан 23 сентября 1818 года. Всего Казанский собор имеет четыре придела: главный посвящен Казанской иконе Божией Матери, северный — преподобным Антонию и Феодосию Киевопечерским, южный — Рождеству Пресвятой Богородицы, пещерный — священномученику Гермогену. После изгнания

Великой армии Наполеона Бонапарта (1769—1821) из пределов России в 1812 г. и ответного похода Русской императорской армии в Европу (1813—1814 гг.), храм приобрел значение памятника русской воинской славы. Так, у могилы-кенотафа Кутузова хранились трофеи, взятые у армий противника в 1812—1814 гг.: — 107 знамен и штандартов, а также 97 символических ключей от семнадцати городов и восьми крепостей.

В 1911 г. Казанский собор отмечал свое столетие. В преддверии юбилея — в 1910 г. — под руководством архитектора Санкт-Петербургской епархии Андрея Петровича Аплаксина (1879—1931) был осуществлен комплекс реставрационных работ и обмеров. По результатам работ в 1911 г. была издана фундаментальная книга, в которой известный представитель столичной школы русско-византийского (неорусского) стиля привел также подробные исторические данные об обстоятельствах и сроках возведения Казанского собора, включая проектный этап и нулевой цикл строительных работ⁸. Согласно приведенным А.П. Аплаксиным данным, уровень дневной поверхности (УДП) прилегающей к собору территории на 1910 г. оказался выше аналогичного показателя рубежа XVIII—XIX вв. на 2 аршина 6 вершков (1,67 м), при этом здание собора уже в начале XX в. заметно «ушло» в грунт⁹. Из современной литературы по истории собора выделим достаточно репрезентативный и интересный очерк издательства «Артдеко»¹⁰, а также ряд обзорных исследований историков и искусствоведов¹¹.

Важно, что, несмотря на изъятие церковного серебра с иконостаса и окладов икон Казанского собора большевистским режимом, советская власть все же профинансировала реставрационные работы после наводнения 23 сентября 1924 г. (второе по силе за всю историю города на Неве, в ходе которого вода поднялась на 369 см выше ординара), которые были осуществлены под руководством уже упоминавшегося архитектора Аплаксина, а также художников Николая Александровича Бруни (1856—1935) и Эрнеста Карловича Липгарда (1847—1932). В 1932 г. собор был закрыт для богослужений, став с 15 ноября того же года до 1991 г. музеем истории религии и атеизма. С личного разрешения С.М. Кирова (1886—1934), 4 сентября 1933 г. была вскрыта могила Кутузова с целью найти наградные ордена и фамильные драгоценности¹². Попытка оказалась безрезультатной.

В самом начале 90-х гг. XX в. экспозиция атеистического музея была перемещена в одно из зданий на Почтамтской улице, а в Казанском соборе были возобновлены церковные службы, в ходе которых велись телевизионные трансляции Рождественских и Пасхальных богослужений. Отметим также, что в декабре 1990 г. в подвале собора были обнаружены считавшиеся утраченными мощи прп. Серафима Саровского, а в феврале 1991 г. — мощи свт. Иоасафа Белгородского. В 1994 г. на куполе собора вновь был установлен крест, а в 1998—2003 гг. на звонницу, находящуюся над западным входом в храм, были поэтапно возвращены колокола, заново отлитые на Балтийском заводе. 14 декабря 1999 г. состоялась передача собора РПЦ, а 31 декабря того же года митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) присвоил Казанскому собору статус кафедрального, что сделало его главным православным храмом Санкт-Петербурга.

История строительства собора имеет прямое отношение и к окружающему его ландшафту. В период возведения нового храма были демонтированы прилегавшие к нему строения, что положило начало формированию облика и планировки Казанской улицы (с 1720-х гг. — 1-я линия Переведенской слободы; с 1739 г. — Большая Мещанская ул.; с 1873 г. — Казанская ул.; с 1923 г. — ул. Плеханова; с 1998 г. — вновь Казанская ул.). Через пять лет после освящения собора завершилось строительство жилого дома по проекту уже упоминавшегося архитектора В.П. Стасова для священнослужителей Казанского собора на углу Невского проспекта и Большой Мещанской улицы¹³. Очертания прежнего расположения зданий к западу от церкви Рождества Пресвятой Богородицы были зафиксированы на плане адъютанта Географического департамента Академии наук И.Ф. Трускота в 1748—1749 гг., более известном в источниковедении как «План М.И. Махаева 1753 года»¹⁴, и «Плане 1776 г.», составленном под руководством главного архитектора учрежденной в 1762 г. «Комиссии каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы» Алексея Квасова. План 1776 г. включал и аксонометрические чертежи француза Пьера Антуана де Сент-Илера (?—1780), выполненные в 1764—1773 годах¹⁵.

Перед строительством Казанского собора были снесены одиннадцать домов по Большой Мещанской улице, владельцам которых из казенных средств выплатили компенсацию в размере 500 руб. серебром¹⁶. С точки зрения «палеотопографии» города, все это имеет уже чисто научный интерес. Что касается планов 1821 и 1828 гг., составленных в Военно-Топографическом Депо, то на них зафиксирована сформировавшаяся планировка северного участка Казанской улицы, мало чем отличающаяся от современного ее состояния¹⁷. Уточним, что самый известный и детальный из них выполнен в 1828 г. выдающимся военным топографом и ученым-геодезистом генерал-майором Фёдором Фёдоровичем Шубертом (1789—1865), участником Отечественной войны 1812 года. Существует и целый ряд малоизвестных карт и фиксационных планов Санкт-Петербурга XVIII—XIX вв., дающих детальное представление о характере и расположении прилегающих к Казанскому собору зданий и сооружений¹⁸. Относительно подробный перечень построенных домов на северном участке Большой Мещанской (Казанской) улицы представлен в обзоре С.П. Заварихина¹⁹. Вопросы же технического регламента и обстоятельств городской застройки Санкт-Петербурга в XVIII — первой половине XIX в. наиболее полно представлены в исследованиях Е.И. Кириченко и С.В. Семенцова²⁰.

Вторым по значимости историческим объектом, оказавшимся в зоне наблюдения за строительными работами, является так называемая «Воронихинская решетка» или «ограда», построенная в 1811—1812 гг. по проекту Воронихина. От западного фасада Казанского собора ее отделяет одноименная улица. По замыслу Воронихина, разработавшего эскизный проект еще в 1805 г., ограда должна была композиционно и стилистически связать северную и южную колоннады Казанского собора, пространственно отделив его периметр от городской застройки, обеспечив к тому же удобное место для стоянки экипажей и разъездов. Однако, как уже отмечалось, южная колоннада собора так и не была построена. Не получили завершения и два по-

стамента-пилона, в которые упирается ограда. На них Воронихин планировал установить гранитные скульптуры святых Первоверховных апостолов Петра и Павла (вырубленные в 1813 г. в каменоломнях Фридрихстама для их изготовления гранитные блоки так и не были доставлены до места назначения)²¹. Несмотря на это ограда является выдающимся образцом русского классицизма начала XIX в. — полуциркулярная в плане с пятнадцатью пролетами чугунной решетки на высоком гранитном двухъярусном цоколе и длиной 153 м. Пролеты решетки разделяли друг от друга 14 колонн с каннелюрами дорического ордера, увенчанные гранитными шарами. Края ограды были замкнуты двумя устоями-пилонами с северной и южной сторон. Ажурные пролеты решетки были отлиты на чугунолитейном заводе Чарльза Берда (1766—1843) по рисунку самого Воронихина (модели для их отливки изготовил резчик Василий Захаров)²². Территорию для установки ограды и ограниченной ею площади у западного фасада собора, пожертвовав частью садового пространства (Старого сада), уступила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, урожденная принцесса Доротея Вюртембергская (1759—1828), в ведомстве и под патронатом которой находился Воспитательный дом для детей-подкидышей, учрежденный по указу Павла I от 2 мая 1797 года. Кроме того, для строительства храма пришлось снести и служебный флигель Воспитательного дома, который был построен в другом месте (площадь стала принадлежать храму только в 1830 г., а до этого арендная плата за предназначенный для нее участок вносилась из средств Ведомства учреждений императрицы Марии Фёдоровны). Северную сторону периметра ограды замкнул флигель Сиротского дома (лазарета), построенный еще в 1809—1810 гг. предположительно по проекту самого Воронихина. Спустя три десятилетия его перестроил, дополнив третьим этажом, архитектор Пётр Сергеевич Плавов (1794—1864).

В данном контексте необходимо отметить одну интересную деталь (строительный элемент), демонтированную примерно в 40-е гг. XIX в. — глухую стену, закрывавшую выезд с Большой Мещанской (впоследствии Казанской) улицы на Невский проспект по линии Сиротский дом — западный портик колоннады собора (проход был возможен только через проезд портика колоннады). Ее наличие фиксирует целый ряд изображений — крашенная акварелью гравюра 1815 г. работы Джона Кларка (1771—1863) и Мэттью Дюбурга (1786—1838), выполненная по рисунку художника Морне (?), гравюра с акварели 1814 г. Максима Никифоровича Воробьева (1787—1885), литография 1839 г. Андре Дюрана (1807—1867), а также вышеупомянутый план Ф.Ф. Шуберта 1828 года. Первоначально площадь между полукруглой оградой и западным фасадом Казанского собора была вымощена булыжным камнем, как и по другим сторонам храма. В 1838 г., по проекту садового мастера Клементия Ивановича Геккеля (1810—1885) и уже упоминавшегося архитектора П.С. Плавова, был реконструирован Старый сад на территории бывшей усадьбы графа К.Г. Разумовского — последнего гетмана Войска Запорожского и президента Академии наук (дворец и прилегавшие постройки усадьбы были выкуплены казной за 450 тыс. руб. и в 1798 г. переданы Воспитательному дому для детей-подкидышей, включая примыкающий к Воронихинской ограде участок²³. В 1837 г. Воспитательный дом был преоб-

разован в Сиротский женский институт, ставший с 1885 г. Николаевским сиротским институтом, с 1903 г. — Императорским Женским педагогическим институтом, с 1918 г. — Первым Педагогическим институтом, с 1922—1925 гг. — Ленинградским государственным педагогическим институтом им. А.И. Герцена, а с 1991 г. — Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена. Превращение площади в сквер относится к 1865 г., что явилось реализацией замысла академика архитектуры Генриха Христиановича (Генриха Христофора) Штегемана (1815—1872) и садовника Иоахима Альвардта (?). Проект Г.Х. Штегемана по устройству Воронихинского сквера был утвержден императором Александром II (1855—1881) 27 февраля 1865 года. Весь периметр площади был очищен от булыжного мощения и покрыт завезенным почвогрунтом, были разбиты прогулочные дорожки, установлены скамейки и высажены кустарники. Однако уже в 1867—1868 гг. облик сквера начал быстро меняться: между дорожками на газонах появились павильоны и ларьки с магазином и теплицами (нами зафиксировано в слое обилие черепков керамических горшков для рассады), фотоателье, табачные лавки и пр. Поскольку по другую сторону Воронихинской ограды продолжал существовать Старый сад для прогулок воспитанниц Сиротского института, территорию сквера загородили железными листами и досками, укрыв тем самым ажурное литье решетки (в результате этого ограда оказалась сильно повреждена ржавчиной). Хаотичная застройка сквера торговыми точками, постоянно меняющимися друг друга, привела к фактической утрате архитектурного замысла Воронихина.

Планировавшемуся восстановлению Воронихинского сквера к 100-летию Отечественной войны 1812 г. помешали бюрократия и начавшаяся первая мировая война, перманентно перешедшая в серию революционных событий. В итоге от обветшавших построек и накопившегося хлама территорию сквера освободили только на рубеже 20-х — 30-х гг. XX века. В 1934—1935 гг. в центральную часть сквера был перенесен гранитный фонтан-конепойлка, созданный каменных дел мастером Генри Гроуером (?) по проекту архитектора Ж.-Ф. Тома де Томона. Изготовленный в 1809 г. фонтан первоначально находился на 13-й версте Царскосельской дороги и питался водой из источника на Пулковских высотах ²⁴. Практически синхронный комплексам Казанского собора и Воронихинской ограды фонтан, украшенный выразительным маскароном Нептуна, удачно вписался в композицию сквера, став его неотъемлемой частью. В ходе работ по восстановлению облика сквера вновь стала доступна для обозрения и Воронихинская ограда. Однако сильно пострадавшее чугунное литье решетки было отреставрировано только в 1975—1978 гг. специалистами завода «Буммаш» им. Второй пятилетки (бывший «Сан-Галли»), при этом около 8 тыс. деталей были выполнены заново. Восполненные элементы было решено преднамеренно выделить золотистым цветом для их отличия от аутентичного литья. В середине 1930-х гг., одновременно с благоустройством Воронихинского сквера, был приведен в порядок и сквер с фонтаном перед северным фасадом Казанского собора, разбитый садовыми мастерами Рудольфом Францевичем Катцером (1864—1942) и П.И. Визе (?) в 1899—1900 годах ²⁵.

В 2002—2005 гг. с южной стороны периметра ограды на месте снесенного трехэтажного кирпичного дома № 3 первой трети XIX в. был построен многоэтажный торгово-досуговый комплекс «Опера» со стеклянным экстерьером, получивший по наследству прежний адрес — ул. Казанская, д. 3. Возникшее творение архитекторов М.А. Райнберга и А.Г. Шарова завершило двухвековую историю формирования архитектурного облика северной оконечности Казанской улицы. Сомнительная эстетика этого сооружения, нарушившая пространственно-стилистическую равновесность соседствующих с собором зданий, была негативно воспринята городской общественностью и фактически признана очередной градостроительной ошибкой нашего времени ²⁶. Однако интерпретация данного обстоятельства выходит за рамки задач проблематики данного сюжета.

Что касается дорожного покрытия, то точными данными по дате асфальтирования Казанской улицы (в советское время ул. Плеханова) мы не располагаем. Однако известно, что Невский проспект был покрыт асфальтобетоном еще в довоенное время. Валунное мощение Казанской улицы прекрасно сохранилось под перекрывшем его слоем асфальта. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение, так как горизонт валунов надежно маркирует УДП данного участка местности для дореволюционного, а соответственно, и довоенного периода. Показательно, что в 2001 г. в ходе обследования самого Казанского собора на прилегающей к собору территории археологами КГИОП г. Санкт-Петербурга была заложена серия диагностических шурфов. Сделанные в ходе работ наблюдения позволили изучить характер и мощность культурного слоя как на участках примыкания к фундаменту храмового комплекса, так и в Казанском сквере у северного фасада собора ²⁷.

Осуществленное нами в 2011 г. архитектурно-археологическое сопровождение строительных работ включало локализацию фундаментных конструкций с последующей их зачисткой, фиксационные обмеры с прорисовкой стратиграфических профилей стенок траншеи, закладку и выборку шурфов в местах проходки кабельных линий под Воронихинской оградой, а также общий контроль за сохранением объектов культурного наследия в зоне проведения земляных работ исторического центра Санкт-Петербурга. Территория Старого сада, находящегося за Воронихинской оградой, по согласованию с представителями КГИОП, не обследовалась по причине «стерильности» грунта на предмет культурного слоя и отсутствия в нем строительных конструкций XVIII—XIX веков. Зачистке и обмеру с внешней стороны решетки подверглись конкретные участки фундамента ограды, где осуществлялась его сквозная пробивка для прокладки кабелей электромагистралей.

Работы по раскрытию участка северной оконечности Казанской улицы выявили бессистемную переотложенность грунта и наслоений вследствие ранее проложенных коммуникаций, среди которых общесплавная и блочная канализация, водопровод, газопровод, кабели электро- и телефонных магистралей, причем как действующих, так и уже заброшенных (в случае однократного раскрытия слоя в предшествующий период его переотложенность имела бы «зеркальный» характер, то есть ранний горизонт оказался бы поверх позднего). По при-

чине присутствия в створе траншеи многочисленных коммуникаций, выборка грунта рабочими производилась преимущественно ручным способом. Это обстоятельство способствовало сохранению остатков строительных конструкций XVIII в., выявленных в ходе работ и зафиксированных нами с привязкой на местность по принципу триангуляции (созданию системы взаимопересекающихся топоориентиров). Подосновой для карты местности стала копия топографического плана Центрального района города, составленная СПб ГУП «Трест геодезических работ и инженерных изысканий». В качестве дополнения отметим, что исходную базу этого плана составили местная система координат от 1964 г. и Балтийская система высот (БСВ) от 1977 года. Примечательно, что ориентация заложенной траншеи для укладки электромагистрали и устройства организованных выходов кабельных линий в целом повторяла направление газовой магистрали 1949—1950 гг., проложенной СМУ-2 треста № 3 «Ленгазсетьстрой» (проект октября 1949 г.). Неожиданным оказалось наличие бульжного мощения под слоем асфальтобетона проезжей части и тротуаров. Данный факт свидетельствует сразу о двух обстоятельствах: во-первых, — о произведенном восстановлении поврежденных участков мощения после прокладки газопровода и, во-вторых, — об отсутствии асфальтового покрытия Казанской улицы как минимум до начала 1950-х годов. Таким образом, раскрытие траншеи на данном участке улицы проводилось не впервые, что позволило избежать дополнительных повреждений фундаментных конструкций, находившихся ниже современного УДП. Профили стенок траншеи сделаны в местах лучшей сохранности слоя, в котором выборочно встречались остатки сооружений «Старого Петербурга» с датировкой не позднее рубежа XVIII—XIX вв., то есть времени начала строительства Казанского собора. Именно это обстоятельство позволило выявить весьма качественную стратиграфию культурных наслоений, не затронутых более ранними работами. Сразу отметим, что раскопки «на снос» выявленных объектов и горизонтов наслоений в задачу исследовательских работ не входили. Причиной тому были как жесткие границы землеотвода зоны строительных работ, выходить за пределы которой мы также не могли, так и слой перекрывающего их асфальта. Не предусматривали этого и утвержденные заказчиком смета и сроки строительно-монтажных работ. Еще раз отметим, что все зафиксированные в стенках траншеи конструкции не пострадали и были полностью сохранены *in situ*. Особое внимание было уделено сохранению фундаментной конструкции памятника Барклаю де Толли, в непосредственной близости от которого проходила восточная стенка строительной траншеи. Профиль западной стенки траншеи на северном ее участке, с проекцией по линии: памятник Барклаю де Толли — длинный балкон дома №1/25 содержал фрагмент деревянного сруба на глубине 0,6 м от УДП (3,00 м БСВ). Остатки постройки перекрыты слоем гумусированного песчанистого суглинка с включением мелких камней (толщина около 0,2 м), выше которого проходит ряд валунов бульжной мостовой (диаметр камней около 0,15 м), уложенных на подложке из светлого песка (0,1 м). Бульжную мостовую покрывает слой асфальта (0,17 м) проезжей части Казанской улицы. Конструкция состоит из пяти хорошо сохранившихся венцов деревянного сруба, скрепленных «в лапу».

Диаметр очищенных от коры бревен составляет 0,2—0,22 метра. Сруб доступен для обозрения лишь с восточной его стороны и уходит остальной своей частью в стенку траншеи, в связи с чем, определить его параметры и форму оказалось невозможно. Также невозможно, не производя раскопок, определить и назначение сруба. Можно лишь предположить, что это северо-восточный угол жилой постройки XVIII века. Сопровождающий и подстилающий конструкцию слой представляет собой бурый суглинок с включениями мелких камней и кирпичного боя (мелких обломков битого кирпича). Никаких следов фундамента под нижним венцом бревен обнаружено не было. Высота раскрытого фрагмента восточной стенки сруба составляет около одного метра, общая же глубина траншеи на данном участке от УДП — 2,35 метра. Предметный интерес представляет лишь нижняя отметка глубины залегания нижнего его венца, что возможно указывает на УДП XVIII столетия. Данный показатель отличается от современного УДП на 1,65 м, что полностью подтверждает вышеприведенные измерения Аплаксина.

Профиль северной стенки траншеи с проекцией по линии: центральная часть дома №1/25 — пространство между памятником Барклаю де Толли и северной стороной западного портика колоннады сохранил остатки фундамента постройки XVIII века. Глубина залегания конструкции от УДП (3,10 м БСВ) составила 0,5 м. Ее перекрывал слой бурой супеси (0,2 м), выше которого находились булыжная мостовая (около 0,15 м) и асфальтовое покрытие проезжей части (0,15 м). Фундамент представлял собой кирпичную стенку из семи рядов неклеменных кирпичей размером 25—26,5x11,5x5 см, сохранившуюся на высоту 0,45 метра. Верхняя часть фундамента была демонтирована при нивелировке местности, нижнюю подстилал полутораметровый слой валунного камня (диаметр валунов от 0,1 до 0,6 м) на известковом растворе с включением дробленого кирпича. Слой валунов выполнял функцию основания фундамента, восточная часть которого была «срезана» в послевоенный период при прокладке коммуникаций. Ниже валунного слоя, до самого дна траншеи, зафиксирована прослойка бурого суглинка толщиной 0,2 м. Показатель общей глубины траншеи от УДП на данном участке составил 2,65 м. Сохранившаяся часть фундаментной конструкции в ходе работ не пострадала, несмотря на сооружение в непосредственной от нее близости кабельного колодца для доступа к прокладываемой электромагистрали.

Профиль восточной стенки траншеи с остатками водоотводного коллектора ливневой канализации начала XIX в. имел привязку к центральной части западного портика колоннады Казанского собора. Глубина залегания потревоженного створа кирпичного водоотводного коллектора была зафиксирована на отметке 0,95 м от УДП (3,06 м БСВ). Отметим, что и здесь стратиграфия не отличалась особой сложностью и многообразием: обнаруженная конструкция находилась под слоями асфальта (толщина — 0,2 м), булыжной мостовой (около 0,15 м) и бурого гумусированного суглинка с включениями камней и кирпичного боя (0,6 м). Этот же слой подстилает кирпичную кладку коллектора, а также окружает ее с боков. Общая глубина выборки траншеи на данном участке составила 2,6 м от УДП, причем около 0,5 м перед укладкой кабельных линий было предварительно присыпано песком.

Как и в предыдущих случаях, установить точные размеры всех параметров полуразрушенного коллектора не представляется возможным. Изыскания лишь позволили зафиксировать внешний контур конструкции: с учетом частично уцелевших одного ряда кирпичей арочного свода, одного ряда дна коллектора и двух рядов боковых стенок, общей высотой в 0,7—0,8 м, при ширине около одного метра. Внутреннее пространство створа коллектора ливневой канализации имело высоту 0,5—0,7 м, ширину — 0,65 метра. Время его сооружения относилось, по-видимому, к периоду строительства Казанского собора, то есть 1801—1811 годам.

Профиль западной стенки траншеи у юго-восточного угла дома №1/25 содержал напластования слоев грунта и строительного мусора. Не имея остатков конструкций городской застройки XVIII — начала XIX в., этот участок зачистки раскрыл хорошей сохранности стратиграфию, наглядно иллюстрирующую общую картину переотложенности слоя на прилегающей к Казанскому собору территории (УДП — 3,00 м БСВ). Под асфальтовым покрытием (0,2 м) и подстилающим его щебнем (0,05 м), расположен ряд валунов уличного мощения с диаметром камней около 0,15 м. Валуну мостовой подстилает подложка из светлого песка толщиной 0,2—0,4 м, ниже которой отмечена прослойка темной супеси примерно такой же толщины (0,2—0,35 м). Еще ниже этих прослоек наблюдается четко выраженный слой кирпичного боя, образующий практически равномерную толщину 0,25 метра. Также равномерный слой светлой супеси толщиной около 0,35 м образует нижний уровень профиля. Промер общей глубины траншеи в месте фиксации профиля показал отметку 2,05 м от УДП (необходимо отметить, что накануне произведенных обмеров часть траншеи была присыпана песком). Анализ представленной стратиграфии позволяет сделать предположение, что именно слой битого кирпича диагностирует УДП периода строительства Казанского собора. Аналогичный показатель глубины залегания старого УДП (0,9—0,95 м) диагностирует и вышеуказанный коллектор ливневой канализации начала XIX века.

Профиль южной стенки траншеи с остатками фундамента был зафиксирован у ее поворота в сторону Воронихинского сквера по линии: Казанский собор — четвертая колонна ограды от северной ее оконечности. Фундаментная конструкция была обнаружена на глубине 0,6—0,7 м от УДП (3,13 м БСВ) под слоями асфальтового покрытия (0,2 м) с подстилающим его щебнем (0,05 м), булыжной мостовой (около 0,15 м) и песком (около 0,3 м). Покосившуюся кирпичную стенку высотой 0,45 м с демонтированной верхней частью составили семь рядов неклеяемых кирпичей. Ее основание образует слой валунного камня толщиной 0,6 м с незначительными включениями битого кирпича при диаметре валунов 0,1—0,2 м. Сохранившуюся часть кирпичной кладки с боков окружает слой темной гумусированной супеси с включениями мелкого кирпичного боя и строительного мусора. Слой валунного основания до самого дна траншеи подстилает почти метровая прослойка бурого суглинка с включениями валунного камня различной величины. Промер общей глубины траншеи на данном участке составил 2,7 м от УДП. Произведенные работы и сооружение в непосредственной близости

от фундаментной конструкции кабельного колодца не нанесли остаткам сохранившегося объекта никакого ущерба.

Нельзя не обратить внимания на сходство зафиксированной стратиграфии южной стенки траншеи с вышеуказанным профилем северной стенки. Общим фактором для остатков кирпичной кладки фундаментов стало наличие семи сохранившихся рядов кирпичей (0,45 м) и примерно одна глубина залегания от УДП (0,5—0,7 м). Именно эти обстоятельства указывают на преднамеренную нивелировку местности в период строительства собора и диагностируют уже отмеченный перепад в УДП между современным его показателем и началом XIX в. (0,90—1,1 м). Остатки бревенчатого сруба, зафиксированные в профиле западной стенки траншеи на еще большей глубине залегания (1,65 м), датируют время его сооружения, с точки зрения относительной хронологии, еще более ранним периодом городской застройки, чем остатки кирпичных фундаментов в профилях северной и южной стенок траншеи. В целом, изучение особенностей выбранного грунта строительной траншеи свидетельствует о неоднократном нарушении слоя северной оконечности Казанской улицы в предшествующие периоды. Осмотр бровок и стенки траншеи в местах ее непосредственного примыкания к цокольной части западного сектора колоннады собора показал отсутствие нарушений при проведении строительных работ. Водоотводные коллекторы ливневой канализации начала XIX в., обнаруженные в створе траншеи, были рассечены ранее при проведении работ по прокладке различных коммуникаций — газа, воды, электричества и проч. После монтажа 110 кВ кабельной магистрали и сооружения колодцев организованных выходов для ее обслуживания, строительная траншея была засыпана, а проезжая часть и северо-западный сектор Казанского сквера приведены в прежний вид.

Прокладка траншей в Воронихинском сквере с археологической точки зрения предметного интереса не представляла: выбираемый грунт не содержал ни фундаментных конструкций, ни выраженных наслоений строительного мусора. Отсутствие стратиграфии слоя не компенсировало и нахождение в районе кабельного колодца множества битых керамических горшков для садовой рассады, а также некоторых случайных (сопроводительных) находок — мелких аптечных бутылочек из прозрачного стекла, фрагментов каминной облицовки с росписью и без, осколков фарфоровой посуды, пивной бутылки из желтого стекла с клеймом «БАВАРИЯ С.ПЕТЕРБУРГЪ УЧР. 1863 г.», белоглиняных мундштуков курительных трубок и проч. Вследствие этого, основной задачей археологических работ в Воронихинском сквере стало обследование мест проводки кабельных линий высоковольтной магистрали в подцоколье одноименной ограды. Две группы индикационных шурфов, объединенных в раскопы, были заложены и выбраны в местах трассировки верхней части фундамента ограды: четыре шурфа общей площадью 16 м² между девятой и десятой колоннами (нумерация с севера), и еще четыре (16 м²) — между второй и третьей. В качестве сопутствующего комментария необходимо отметить, что пробивка верхней части фундамента Воронихинской ограды в двух местах была вынужденной мерой, согласованной с руководством КГИОП Санкт-Петербурга. На решение строителей не прокладывать кабельную магистраль под фундаментом ограды повлияли

две основные причины: относительно высокий уровень грунтовых вод (при таком варианте глубина проходки составила бы не менее трех метров, что неизбежно повлекло бы «заливание» магистрали высокого напряжения грунтовыми водами), и риск обрушения гранитных монолитов цоколя и кирпичного фундамента ограды при сооружении «подныривающих» проходов столь значительной величины. В связи с этим, пробивке фундамента ограды предшествовало укрепление ее гранитного цоколя на верхнем и нижнем уровнях стальными горизонтальными стяжками, зафиксированными между собой специальными соединительными крепежами. Данная конструкция позволила избежать даже незначительных просадок блоков цоколя ограды и опирающихся на них чугунных пролетов решетки.

Шурфы, заложенные на южном участке проводки кабельной линии под цоколем Воронихинской ограды, общей площадью 16 м², были выбраны вручную без использования строительной техники с поэтапной зачисткой раскрываемых конструкций и горизонтов наслоений. Двухъярусный цоколь ограды из гранита (высота — 1,39 м, ширина — 0,52 м) опирался на блочно-кирпичную кладку подцоколя (высота — 0,41 м, ширина — 1,63 м), сложенную из ряда лещадной известняковой плитки с подстилающими ее четырьмя рядами кирпичей. Внутренняя сторона ограды, обращенная к Казанскому собору, имеет отмостку из одного ряда массивных гранитных плит, пронумерованных при снятии (по окончании работ все они были уложены строго на свои места). С внешней стороны, обращенной к Старому саду, отмостка ограды имела другой вид: сложенная из кирпича, она по уровню продолжала кладку подцоколя, но была перекрыта мощным почвенным слоем, образовавшимся за минувшие два столетия. В итоге, зафиксированный здесь нивелиром УДП превышал на 0,35—0,37 м соответствующий показатель со стороны Воронихинского сквера. Ниже подцоколя был раскрыт фундамент ограды, сложенный из обработанных плит известняка, шириной 3,5 метра. Точную его высоту, то есть нижнюю отметку основания, инструментально определить не удалось из-за постоянного поступления в шурфы грунтовых вод. Этот «форс-мажор» ограничил и глубину выборки грунта в раскопе на отметке 0,26 м БСВ. Таким образом, с учетом индикационного показателя УДП в площади шурфов (2,87 м БСВ), максимальная глубина выборки слоя со стороны Казанской улицы (внутренней стороны ограды) составила 2,61 метра.

Самым интересным и неожиданным на данном участке работ стало внутреннее сопряжение фундамента ограды с водоотводным коллектором ливневой канализации. Сделанный сверху зондаж показал, что коллектор проходит вдоль внутреннего края фундамента ограды на всем его протяжении. Арочный свод тоннеля коллектора образует двухрядная кирпичная кладка, а известняковые плиты — его боковые стенки и дно. Высота внутреннего пространства створа коллектора составляет 0,77 м, при ширине 0,65 метра. Инструментальный замер показал глубину залегания дна коллектора по месту зондажа на отметке 1,07 м БСВ. Это означает, что перепад высот относительно нижнего уровня нахождения гранитного цоколя ограды (2,87 м БСВ) составляет 1,8 метра. Достояна удивления и функциональность коллектора, который до сих пор является частично дей-

ствующим (как показали исследования, прервана водоотводная магистраль коллектора лишь в створе Казанской улицы). Следует особо подчеркнуть высокую прочность фундамента ограды и сопряженного с ним коллектора водоотвода: к ручным орудиям труда (кувалдам, зубилам и киркам) конструкция оказалась совершенно невосприимчива, пробить кирпичную и каменную кладки оказалось возможным лишь с помощью пневматических отбойных молотков. По завершении прокладки кабельной линии электромагистрали (осколки кирпича и известняка были использованы для устройства наклонных пандусов под кабель по обе стороны ограды) пространство шурфов и строительная траншея вновь были засыпаны, а гранитные плиты отмостки уложены на свои прежние места. По окончании работ не было зафиксировано даже малейшей подвижки или просадки гранитных блоков цоколя ограды.

В шурфах, заложенных на северном секторе проходки, общей площадью также 16 м², зафиксирована, в целом, аналогичная ситуация: фундамент ограды и соединенный с ним в подземной части коллектор ливневой канализации отличаются лишь незначительной величиной высотных отметок цоколя ограды, гранитных плит отмостки и прилегающего почвенного слоя.

После укладки линии высоковольтной электромагистрали строительная траншея и шурфы, объединенные по ходу работ в единый раскоп, были засыпаны, а пронумерованные плиты гранитной отмостки ограды возвращены на свои прежние места по предварительно нанесенным высотным меткам. Как и на южном участке проходки, никаких подвижек и просадок гранитных блоков цоколя ограды зафиксировано не было.

В зону обследования вошли и находящиеся в непосредственной близости от Воронихинской ограды три коллекторных колодца. Расположение их подчинено строгой симметрии: крайние зафиксированы у четвертых колонн ограды, средний — в самом ее центре — между седьмой и восьмой колоннами. Нет сомнений в том, что время сооружения этих колодцев совпадает с постройкой самой ограды, поскольку все они имеют выход в изученный водоотводной коллектор ливневой канализации. Данный факт позволяет установить и время их сооружения 1810/1811—1812 годы. С большой долей вероятности можно предположить, что изначально колодцы имели открывающиеся защитные решетки или люки, назначение которых было двояким — как сбор ливневых и талых вод (верхневодков), так и обеспечение доступа в коллектор для его очистки от образующихся засоров.

Конечно, укрытие колодцев листами железа, как это происходит сейчас, никак нельзя признать оптимальным решением. Система водосбора верхневодков начала XIX столетия нуждается в очистке от мусора и хотя бы поверхностной реставрации и защите. Что касается восстановления дорожек в сквере, низкопрофильного металлического ограждения и водоотводных лотков, то этот комплекс задач был выполнен на высоком профессиональном уровне.

Суммируя вышесказанное, следует отметить:

1. Прокладка строительной траншеи для монтажа высоковольтной кабельной магистрали на участках Казанской улицы и Воронихинского сквера не разрушила ни одной фундаментной конструкции

XVIII в., то есть предшествующего строительству Казанского собора периода. Периметр траншеи от Казанского собора до Невского проспекта проходил по трассе ранее проложенных коммуникаций и раскрывал уже переотложенный грунт городских наслоений (ширина траншеи составляла 4,5—5 м, глубина — 2,2—2,8 м). На этом участке траншеи было зафиксировано пять наиболее репрезентативных профилей стенок, стратиграфически диагностирующих остатки фундаментных конструкций и наслоения строительного мусора XVIII века.

2. Сквозная пробивка на двух участках фундамента Воронихинской ограды и арочного свода сопряженного с ней коллектора ливневой канализации не привела к функциональному нарушению конструкции комплекса и его внешнего вида. Просадки между рядами гранитных монолитов цоколя ограды после окончания работ не зафиксировано.

3. Раскрытие траншеи, а также восстановление проезжей части северной оконечности Казанской улицы и периметра Воронихинского сквера соответствовало требованиям, предъявляемым к строительным работам в охранной зоне исторического Петербурга.

Задачи по архитектурно-археологическому обследованию данной территории и общему контролю над строительными работами были полностью решены. Хотим отметить важность и продуктивность такого рода взаимодействия строителей и археологов, поскольку это существенно расширяет возможности получения материалов по истории и этапам формирования имперского Санкт-Петербурга.

Примечания

1. ЗАВАРИХИН С.П. Санкт-Петербург. Архитектурные сюжеты. СПб. 2012, с. 248.
2. МАЛИНОВСКИЙ К.В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб. 2008, с. 265—266.
3. ИГНАТЕНКО А.А. Казанский собор. Страницы истории. СПб. 2007, с. 5—7.
4. КАНН П.Я. Казанская площадь. — Ленинградская панорама. 1985, № 9, с. 32.
5. ИГНАТЕНКО А.А. Ук. соч., с. 11.
6. КАНН П.Я. Казанская площадь. — Ленинградская панорама. 1985, № 10, с. 32—34.
7. ИГНАТЕНКО А.А. Ук. соч, с. 29.
8. АПЛАКСИН А.П. Казанский собор. Исторические исследования о соборе и его описание. Ч. I—III. СПб. 1911, с. 10—21, 16—25.
9. Там же, с. 13.
10. Казанский собор. Исторический очерк строительства и церковной жизни. СПб. 2001, с. 29—80.
11. КИРИКОВ Б.М., КИРИКОВА Л.А., ПЕТРОВА О.В. Невский проспект: Архитектурный путеводитель. М. 2004, с. 91—96; ЖИГАЛО М.В., ТУКИЯНЕН И.А. Самые известные храмы Санкт-Петербурга. М. 2007, с. 7—16.
12. БУРЕНИНА М.С. Прогулки по Невскому проспекту. СПб. 2003, с. 96.
13. ЗАВАРИХИН С.П. Ук. соч., с. 249.
14. План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших одного проспектов, изданный Трудом Императорской Академии Наук и Художеств в Санкт-Петербурге 1753 года. СПб. 1753; СЕМЕНЦОВ С.В. Ук. соч., с. 10.
15. Новый план столичного города и крепости Санкт-Петербурга. Оригинальный чертеж сего плана находится в архиве Главной полиции. Гравер: Рот Х.М. СПб. 1776.
16. КАНН П.Я. Казанская площадь. — Ленинградская панорама. 1985, № 9, с. 30—32.
17. План города С.-Петербурга. Plan de la ville de S-t. Petersburg. Сочинен в Главном штабе Его Императорского Величества генерал-майором И. Фитцтумом и грави-

- рован при Военно-Топографическом Депо. СПб. 1821; Подробный план столичного города С.-Петербурга, снятый по масштабу 1/4200 под начальством генерал-майора Шуберга. Гравирован при Военно-Топографическом Депо. СПб. 1828.
18. СЕМЕНЦОВ С.В., КРАСНИКОВА О.А., МАЗУР Т.П., ШРАДЕР Т.А. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб. 2004; Собрания карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях: материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения 10 марта 2010 года. СПб. 2010.
 19. ЗАВАРИХИН С.П. Ук. соч., с. 249—251.
 20. КИРИЧЕНКО Е.И. Жилая застройка Петербурга эпохи классицизма и ее влияние на развитие архитектуры. В кн.: Архитектурное наследство. Вып. 16. М. 1967, с. 81—95; СЕМЕНЦОВ С.В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 1. — Вестник гражданских инженеров. Научно-технический журнал, № 2 (7), 2006, с. 16—18; ЕГО ЖЕ. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 2. — Вестник гражданских инженеров. Научно-технический журнал, № 3 (8), 2006, с. 21—24.
 21. ВЕСНИНА Н.Н. Сады Невского проспекта. СПб. 2008, с. 83.
 22. ИГНАТЕНКО А.А. Ук. соч., с. 20.
 23. ПУНИН А.Л. Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. Т. I. СПб. 2009, с. 298.
 24. ШУЙСКИЙ В.К. Тома де Томон. Л. 1981, с. 16—19 (Зодчие нашего города).
 25. ЗАВАРИХИН С.П. Ук. соч., с. 249.
 26. Там же, с. 249—255.
 27. ПЛОТКИН К.М. Архитектурно-археологические исследования Казанского собора в 2001 г. В кн.: Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. 2003, с. 101—111.

Этнополитические отношения в Средней Азии в домонгольское время

Е.Б. Баринава

Аннотация. Публикация посвящена изучению особенностей этнополитических отношений древнего и средневекового кочевого и оседлого населения Средней Азии, которые отражены в письменных источниках и подтверждены данными археологических исследований. В работе проведен обзор сведений о культурных и этнических контактах между кочевниками евразийского степного пояса и земледельцами древнейших оазисов Центральной Азии. Археологические материалы подтверждают не только информацию о политической истории народов Средней Азии, но и многие сведения о формах и типах хозяйственной деятельности, об особенностях уклада жизни народов, населявших эту территорию.

Ключевые слова: Средняя Азия, кочевые народы, оседлое население, нарративные источники, археологический материал, древность, средневековье.

Abstract. The publication is devoted to the study of the features of the ethnopolitical relations of the ancient and medieval nomadic and sedentary population of Central Asia, which are reflected in written sources and confirmed by archaeological research data. The work has reviewed information on cultural and ethnic contacts between nomads of the Eurasian steppe belt and farmers of the most ancient oases of Central Asia. Archaeological materials not only confirm the information on the political history of the peoples of Central Asia, but also many information about the forms and types of economic activity, the peculiarities of the way of life of the peoples who inhabited this territory.

Key words: Central Asia, nomadic peoples, sedentary population, narrative sources, archaeological material, antiquity, the Middle Ages.

Средняя Азия — это достаточно четко очерченный регион, который охватывает области от восточного побережья Каспийского моря до гор Тянь-Шаня. В состав этого региона включаются следующие области: Северная Парфия, представляющая собой цепочку небольших оазисов, протянувшихся вдоль северных отрогов Копетдага и ограниченных с севера пустыней Каракумы; Маргиана (Мервский оазис) —

Баринава Елена Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

Barinova Elena B. — PhD (History), associate professor, senior researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay. RAS. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

значительный по размерам оазис, возникший в низовьях р. Мургаб, окруженный со всех сторон песками пустыни Каракумы; ряд оазисов в долинах рек Зеравшан и Кашкадарья, представлявших собой в древности единую историко-культурную область Согдиану (Согд). С востока к Согду примыкала Уструшана, занимавшая территорию по течению Сырдарьи в районе Джизака — Ходжента и горы на юг от этой области. Несколько областей располагалось вдоль берегов р. Амударьи (и ее притоков): в верхнем течении по обоим берегам лежала Бактрия; по среднему течению шла цепочка оазисов (неизвестно, имели ли они в древности какое-либо собирательное наименование); в низовьях Амударьи находился Хорезм. Самую восточную часть древней Средней Азии занимали еще две оседло-земледельческие области: Чач (Ташкентский оазис) и Фергана (Ферганская котловина) ¹.

Сообщения о политических событиях в Средней Азии до середины VI в. до н.э. фактически носят легендарный характер. Лишь после того как основные среднеазиатские области вошли в состав Ахеменидской державы, одного из могущественных государств древнего мира, сведения письменных источников об исторических судьбах народов Средней Азии становятся более достоверными.

Ахеменидская держава подчинила огромную территорию от берегов Средиземного моря до Инда и от Хорезма до Индийского океана, включая такие области Средней Азии как Бактрия (с Маргианой в качестве ее составной части), Согд, Парфия, Хорезм, территория саков ². Вне пределов Ахеменидской державы оставались лишь современные Фергана и Ташкентский оазис (Чач-Чирчик-Ангренская долина). Однако ко времени походов Александра Македонского, приведших к полному разгрому Ахеменидского государства и подчинению его македонскому завоевателю, ряд областей, например, Хорезм и саки, соседи Бактрии, освободились от непосредственной зависимости от центрального ахеменидского правительства. Хотя после смерти Александра Македонского его «мировая империя» распалась, но деятельность этого полководца имела долгие последствия. Во многих областях Азии — от Египта до Бактрии — появилось греческое или принявшее греческий образ жизни население, а политика сближения эллинов и «азиатов» приобрела немало влиятельных сторонников как среди греческих правителей, так и среди местной восточной знати. В результате на всей этой территории (и в южных областях Средней Азии) в течение нескольких веков существовала своеобразная историко-культурная общность — эллинистический мир, верхушка которого знала греческий язык и литературу, поклонялась эллинским богам, придерживалась в искусстве греческих эстетических представлений.

Одним из первых государств этого эллинистического мира, история которого связана со Средней Азией, была держава Селевкидов, образовавшаяся около 312 г. до н.э. В состав державы вошли такие восточные сатрапии как: Парфияна, Маргиана и Бактриана (Бактрия). Они не раз подвергались нападениям кочевых племен дахов ³, которые во время походов Александра жили в среднеазиатском междуречье ⁴, а позднее, с последней трети III в. до н.э., стали известны уже на юге современного Туркменистана. Возможно, Селевкиды сами переселили какую-то часть дахов на северные границы Парфии, что-

бы защитить ее от массагетов ⁵, кочевья которых охватывали центральные Каракумы и более северные районы. К тому же по мере усыхания западных протоков дельты Сырдарьи, отдельные группы дахов уходили на юг к северным границам Парфии и южнее — по долине Теджена-Герируда в Дрангиану, где позднее оказались у озера Хамун в области Сакастан (современный Сеистан на границе Афганистана и Ирана).

За последние десятилетия получен археологический материал (погребения в подбоях ⁶ и катакомбах ⁷) из Присарыкамышской дельты Амударьи (левобережный Хорезм), с Восточного Прикаспия и Устюрта ⁸, указывающий на то, что не позже рубежа IV—III вв. до н.э. в Среднюю Азию с севера продвигались новые группы кочевого населения ⁹. Вопрос об их происхождении еще не решен. Следует учесть, во-первых, что такие же погребения в подбоях и катакомбах в этот же период появлялись в южном Приуралье. Они входят в комплекс прохоровской культуры, территория которой охватывает «степную зону», по которой традиционно шло продвижение племен с востока на запад. Во-вторых, несколько позднее, во II в. до н.э., на юге Средней Азии появились подобные типы погребальных сооружений, которые исследователи связывают с юечжами ¹⁰ китайских источников, пришедшими в Среднюю Азию из Синьцзяна и Китая.

Возможно, в IV—III вв. до н.э. была первая волна передвижения тех же племен, направлявшаяся по зоне степей от Джунгарии вдоль Иртыша и далее до Приуралья и северо-западных районов Средней Азии. Если принять раннюю дату ряда погребений в курганах Бухарского оазиса, то, вероятно, эта волна юечжей продвинулась тогда вплоть до северных границ Согда.

Уже в середине III в. до н.э. Парфия и Бактрия отделились от державы Селевкидов. Однако господство греков в Бактрии не только продержалось более 120 лет, но и распространилось за Гиндукуш, в нынешний южный Афганистан и северо-индийские области. Возникшее на землях Бактрии и Северной Индии государство получило название Греко-Бактрийского царства. Нумизматический материал свидетельствует, что в новое государственное образование вошел и Бухарский оазис, а возможно и весь Согд. Еще в 141 г. до н.э. греки Бактрии упоминались как самостоятельная политическая сила, а уже около 128 г. до н.э. посол китайского императора Чжан Цянь ¹¹ застал Бактрию покоренной кочевниками. Названия этих кочевых племен известны также, прежде всего, из сообщений китайских источников, данные которых не поддаются точному согласованию с западными письменными свидетельствами ¹². Китайский историк Сыма Цянь ¹³ сообщает, что племена объединения да-юечжи, потерпев в 70-х годах II в. до н.э. поражение от сюнну (хунну), двинулись на запад. Пройдя через Давань (Фергану), они вторглись в среднеазиатское междуречье и подчинили себе области «на северной стороне реки Гуй-Шуй» (Вахш-Амударья). Там-то с ними и встретился Чжан Цянь, который отметил в своем описании Средней Азии, что на западе да-юечжи граничат с Парфией, а на юге — с Бактрией. Заняв «привольную» землю, они «расположились вести мирную жизнь». В Бактрии, по словам Чжан Цяня «ведут оседлый образ жизни; имеют города и дома... Не имеют верховного главы, а почти каждый город поставляет своего

правителя. Войска их слабы, робки в сражениях». Таким образом, большая часть Бактрии около рубежа эр оказалась под властью кочевников ¹⁴.

Отделившаяся от Селевкидов в середине III в. до н.э. Парфия стала могущественной державой на Ближнем Востоке. Она простиралась от гор Гиндукуша на востоке, где были отвоеваны некоторые области у Греко-Бактрийского царства, до Евфрата на западе, включая большую часть Ирана и Месопотамии. Дальнейшему продвижению на Запад помешала угроза захвата восточных областей Парфии кочевыми племенами саков. По мнению большинства исследователей под собирательным именем «саков» в источниках в данном случае следует видеть да-юечжей ¹⁵ или тохар ¹⁶ (так их называют античные источники), которые разгромили Греко-Бактрийское царство. Границей с кочевниками стала Амударья к востоку от Маргианы, вошедшей в состав Парфянской державы.

Большее значение, особенно в среде парфянской знати, имело почитание античных божеств, нашедшее отображение и в памятниках искусства, обнаруженных при раскопках в Нисе. Однако ведущее значение в поздней Парфии, в том числе и в южнотуркменистанских областях, имели древние иранские языческие культы, связанные с поклонением «священным стихиям» — огню, земле, воде и воздуху. Почитались здесь также солнце, небо, луна, ветер и т.п. Судя по находкам глиняных фигурок, изображающих женское божество, в Южном Туркменистане при парфянах был широко распространен культ «великой богини-матери», прародительницы животного и растительного мира, покровительницы влаги, с которой в засушливых районах Азии всегда связывалось представление о жизни (этот культ сходен с отмеченным выше культом женского божества в остальных среднеазиатских областях). В целом, культура Южного Туркменистана в первые века н.э. хотя и связана некоторым сходством с культурой других областей Средней Азии, но в то же время и весьма своеобразна.

Географическое положение Парфии обусловило, с одной стороны, ее трехсотлетнее противостояние Римской империи, продвижению которой на Восток она препятствовала. С другой стороны, Парфия, как и Бактрия, — государство в южной части Средней Азии, входившее в эллинистическую зону древнего мира, оказалось в центре культурных контактов и на пересечении торговых путей между Востоком и Западом.

Граничившее с Парфией на севере в оазисе низовьев Амударьи самостоятельное государство Хорезм отделилось от Ахеменидской державы еще за несколько десятилетий до походов Александра Македонского. Вместе с соседними объединениями массагетов с запада и дахов с востока Хорезм изъявил «покорность» грекам, что закрепило существовавшее положение на севере Средней Азии. Впоследствии Хорезм остался вне сферы политических притязаний правителей Греко-Бактрии и Парфии, хотя между ними существовали близкие культурные контакты. Однако наиболее близкие отношения были у Хорезма с соседними племенами кочевников. Именно на период их нашествия приходится один из самых ярких расцветов культуры Хорезма IV—II вв. до н.э.

Судя по археологическим данным, местное население Хорезма по происхождению относилось к одной из древних скотоводческих

групп — «куюсайцам» — поселившимся в оазисе с VII в. до н.э. Они имели поселения на берегах протоков, которые располагались довольно компактно на юге и юго-западе левобережной части дельты. С рубежа IV—III вв. до н.э. на территорию Хорезма стали приходить группы «юечжийских» племен первой волны их проникновения в Среднюю Азию. В I в. до н.э. юечжийская кочевая династия оказалась у власти в оазисе. Об этом свидетельствуют монеты с портретом местного правителя, причем техника их изготовления свидетельствует о том, что они восприняли традиции, восходящие к древневосточным образцам. Юечжи оставались здесь вплоть до V в. н.э., сохраняя свою традиционную культуру. В самых ранних юечжийских погребениях найдена отличная от среднеазиатской гончарная керамика нескольких традиций (можно предположить, что она происходила из Синьцзяна ¹⁷).

К началу нового тысячелетия эллинистический мир прекратил свое существование, и политическая карта эпохи претерпела значительные изменения. Во-первых, на место античной традиции пришли синкретические, вобравшие в себя разнообразные элементы и мотивы, своеобразную культуру и искусство, религии и культы. Во-вторых, произошла смена династий в ряде государств — в Парфии, в Китае и т.д. В-третьих, на территории Афганистана, юга Средней Азии и севера Индостана сложилась Кушанская империя, которая распространила свое влияние от восточных границ Парфии до оазисов Синьцзяна ¹⁸. Родиной Кушанского государства была Бактрия, хотя его ядро — одно из пяти кочевнических княжеств — располагалось не в северной (среднеазиатской), а в южной (афганской) части Бактрии.

Таким образом, четыре крупнейших государства: Римская и Кушанская империи, Парфия и Китай ¹⁹ определили историческое развитие народов, проживавших на территории от Британских островов до Тихого океана в I—IV веках. Сближали четыре державы общие торговые интересы. Из ханьской столицы через владения кушан и парфян к берегам римского Средиземноморья протянулась тогда первая в истории человечества трансасиатская караванная дорога (Великий шелковый путь), а морской путь шел из Кушанской империи — портов Западной Индии, к Египту. Использовались тогда и идущие в обход Парфии сухопутные и речные пути, связывавшие северные области Средней Азии с античными городами Северного Причерноморья.

Однако период I—IV вв. был ознаменован и постоянным соперничеством и борьбой за сферы влияния в Азии между четырьмя державами. Враждя с ханьским Китаем и с Парфией, Кушанская империя была потенциальным союзником Рима в его борьбе с парфянами за первенство на Переднем Востоке. С другой стороны, вражда с кушанами должна была толкать на сотрудничество Парфянскую державу и империю Хань. Парфия, в состав которой тогда входили области нынешнего южного Туркменистана: предгорья Копетдага и Мервский оазис, перестала существовать к 20-м гг. III в., когда к власти пришел новый царь и началось четырехсотлетнее правление Сасанидов в Иране. К 60-м годам III в. земли Иранского государства простирались от Сирии до Инда и от Кавказа до Аравии. Иран также претендовал на «владение» Кушанским царством и среднеазиатскими областями Чачем и Согдом.

Кушанская империя к этому времени была могущественной державой на территории Бактрии, Западного и Южного Афганистана, Северной и Центральной Индии, распространившей в большей или меньшей степени свое влияние на среднеазиатские государства Хорезм, Согд, Чач, Фергану и т.д. вплоть до оазисов Восточного Туркестана.

Хорезм, например, судя по большому количеству найденных кушанских монет, находился в определенной зависимости от Кушанской державы, что, однако, не мешало ему чеканить собственные серебряные, а затем и медные деньги. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Фергане, где отдельные находки кушанских монет говорят о том, что область ощущала какое-то воздействие кушанской культуры, но в целом здесь развивались собственные традиции.

Согд в I—IV вв. представлял собой совокупность мелких княжеств, история которых остается пока почти неизвестной. В культурном отношении можно выделить три части этой области — Самаркандский Согд (в среднем и верхнем течении Зеравшана), Бухарский Согд (в низовьях Зеравшана) и Южный Согд (в бассейне Кашкадарьи).

Как показывают различные работы и раскопки в бассейне Верхнего Зеравшана, поселения кушанского времени существовали и в горных ущельях центрального Таджикистана (Кухистан), от Пенджикента и верховьев Кашкадарьи далеко на восток до современной Матчи. Однако они пока мало изучены. Это касается и крупнейших городищ — Афрасиаба в Самарканде и Еркургана в Каршинском оазисе на Кашкадарье. Судить о том, насколько в действительности реальной была власть Кушан над Согдом пока сложно, однако культурное воздействие не вызывает сомнений.

В Чаче к последним векам до н.э. — первым векам н.э. относится так называемая каунчинская культура, носители которой занимались комплексным скотоводческо-земледельческим хозяйством. Каунчинская культура относится к довольно крупной общности, охватывавшей территорию среднего течения Сырдарьи и прилегающие к ней долины рек Арыси и Таласа. Этот район входил в состав владения Кангюй²⁰, который оставался независимым и сильным государством среднеазиатского Севера. В I в. кангюйский владетель породнился с кушанским царем. Заключение этого династического брака свидетельствует о заинтересованности обеих сторон в тесных политических и торгово-экономических связях.

Если о взаимоотношениях Кушанской империи со среднеазиатскими государствами в первых веках н.э. мы узнаем преимущественно из археологических источников, то контакты на Востоке довольно подробно описаны в китайских хрониках.

О политике Кушан в Синыцзяне сообщает также индийская традиция, приписывающая Канишке²¹ завоевание бассейна Тарима, но историчность подобных сведений оспаривается рядом ученых. События этого времени разворачивались преимущественно у восточных границ Средней Азии, в Синыцзяне, где руководимые полководцем Бань Чао китайские войска в 70—80 гг. н.э. подчиняли ханьскому императору одно владение за другим. Кушаны (юечжи), согласно китайским источникам, первоначально поддерживали активную политику Бань Чао, а в 84 г. н.э. оказали ему поддержку, сделав «внушение» владетелю Кангюя, пославшему свои войска на помощь каш-

гарскому владельцу Чжуну, который оказывал вооруженное сопротивление китайцам. В результате кангюйские войска были отозваны, и Кашгар пал. Тогда же кушаны помогли Бань Чао и в захвате Турфана. Однако уже через 2—3 года отношения между бывшими союзниками резко ухудшились. Поводом для открытого разрыва послужил арест посольства, посланного кушанским государем (имя его китайские источники не сообщают) к ханьскому двору. В ответ кушанский царь направил против Бань Чао армию во главе с наместником Сэ. Однако несмотря на многочисленность войск (кушанская армия насчитывала, согласно сообщениям «Хоуханьшу»²², 70 тыс. воинов), Сэ потерпел полную неудачу, а его войска оказались на грани голода из-за отсутствия продовольствия. В итоге Сэ вступил в переговоры с Бань Чао и вывел свои войска из пределов Синьцзяна. Воспользовавшись отступлением кушан, Бань Чао в 91 г. овладел Кучаром и, таким образом, завершил подчинение Синьцзяна. Согласно сообщениям китайских хроник, неудачный поход Сэ не привел к полному разрыву отношений между Китаем и кушанами. Вероятно, военные действия были завершены каким-то мирным договором. Однако борьба за Синьцзян не была закончена и велась с переменным успехом. В 102 г., когда умер Бань Чао, а местные владения одно за другим восставали против китайской власти, кушанский государь вновь предпринял попытку подчинить себе Кашгар, в 107 г. поднявшийся против Китая. Последовавшее вскоре после 132 г. очередное ослабление китайской власти в Синьцзяне привело к новым попыткам кушан расширить свои владения на северо-востоке.

Письменные источники вновь сообщили о Кушанской державе лишь в один из трагических периодов ее существования, когда Сасанидский Иран превратился в опаснейшего противника Кушанской державы. Возможно поэтому кушанский император Васудева отправил большое посольство в Китай, надеясь опереться в борьбе с Сасанидами на мощь восточного соседа. Китайские источники сообщают о прибытии этого посольства ко двору Вэй 5 января 230 года.

Крах Кушанской державы, захват Сасанидами Бактрии-Тохаристана и создание на завоеванных кушанских землях своеобразного сасанидского наместничества произошли в IV веке.

Крупнейшим форпостом Сасанидов на северо-востоке их державы и базой для завоевания Кушанского царства был Мерв. В конце IV в. он также служил местом пребывания сасанидских принцев, правивших завоеванными кушанскими землями.

Мервский оазис (древняя Маргиана) возвысился еще в позднепарфянское время, в первых веках н.э., и стал заметно обгонять в своем экономическом и политическом росте другие районы южного Туркменистана. В период возникновения сасанидского Ирана это уже было одно из могущественных владений, вошедших в его состав на положении автономной политической единицы. Политическая автономия Мерва не нарушала, однако, его экономических и культурных связей с Ираном, и среди видных деятелей сасанидского государства VI—VII вв. было немало выходцев из мервских земель. Во время правления сасанидских принцев установились тесные отношения Мерва с Тохаристаном и через него с Индией. С этого времени можно говорить и о тесных торговых и культурных связях со средне-

азиатским Междуречьем, в первую очередь с Согдом: в Мерве существовал специальный согдийский базар, в этом месте были найдены согдийские надписи, через него осуществлялась, очевидно, торговля Хорасана²³ и Ирана с согдийскими купцами.

Совсем иные этнокультурные традиции сложились в северо-восточных областях Средней Азии, не попавших под влияние эллинистического мира. Одной из них была нынешняя Ферганская долина. Здесь, согласно китайским хроникам, во II—I вв. до н.э. располагалось государственное объединение, которое эти источники называют «Давань». Чжан Цянь отмечает, что это была высокоразвитая земледельческая страна с укрепленными поселениями. Ее жители занимались разведением особой породы лошадей, из-за которых ханьский Китай вел войны с Даванью. Воспользовавшись убийством в 104 г. до н.э. китайского посланника в Фергане, китайцы открыли военные действия. Однако сил для победоносного завершения похода было недостаточно, был взят приступом лишь окраинный город Давани — Ю (локализуется в Узгене), и в 102 г. до н.э. китайские войска вернулись в Дуньхуан²⁴. Год спустя поход повторился. Ферганцы, пойдя на уступки и опасаясь нападения могущественного соседа — Кангюя, договорились с китайцами о мире. По условиям договора китайцы получили несколько десятков «славных лошадей», три тысячи обычных жеребцов и кобылиц и поставили нового правителя (который, однако, вскоре после их ухода в Синьцзян был убит).

Политические события находят отражение и в материальной культуре Ферганы, в которой со II в. до н.э. происходили существенные изменения: увеличивалось количество новых поселений, как укрепленных, так и неукрепленных. В постройках центральное место стало занимать большое помещение с окружавшими его хозяйственными и жилыми комнатами. Здания возводились на стилобатах. Погребения — в подбоях и катакомбах, а также в наземных каменных и сырцовых постройках. Происходили изменения в керамическом комплексе, прочное место завоевала традиционная в последующие века посуда с блестящим красным ангобом²⁵, возможно, появился процарапанный орнамент.

Сведений о политических событиях первых веков н.э. в северо-восточных областях Средней Азии нет. Китайские войска, планомерно завоевывавшие Синьцзян, Ферганской долины не достигли. Война кушан с китайцами, также проходившая по соседству, не затронула Фергану, однако ее культура довольно хорошо известна по археологическим памятникам. Как и в предыдущие исторические периоды, здесь встречались памятники земледельцев и скотоводов, и хотя они различаются, в материальной культуре этих групп населения много общих черт. Выявленные поселения располагались на протоках в устьях горных рек. Строительство их велось из сырцового кирпича²⁶, пахсы²⁷ и гувалья²⁸. Дерево употреблялось только для перекрытий и опорных столбов. Встречались и сводчатые перекрытия. Характерной планировкой было сооружение построек вокруг двора или центрального помещения.

В Фергане и приферганских районах курганные могильники скотоводов расположены в предгорьях. Многочисленные группы таких курганов сплошной цепью в некоторых районах долины охватывали

оседло-земледельческие оазисы. В первые века н.э. здесь были распространены погребальные сооружения различных конструкций: подбойные, катакомбные с дромосом²⁹, перпендикулярным камере, простые грунтовые ямы и курумы³⁰.

Такое разнообразие в устройстве погребальных сооружений говорит о смешанном составе скотоводческого населения Ферганы в первые века н.э. О том же свидетельствует и антропологический материал. Это смешение этнических элементов могло быть результатом крупных передвижений кочевых племен.

Многочисленные находки в ферганских курганах дают представление не только о погребальном ритуале и керамике, но также и о вооружении и одежде скотоводческих племен. Так, в курганах найдены костяные накладки от луков, прямые железные мечи и кинжалы, различные железные наконечники стрел, крючья от колчанов. Из деталей одежды и из украшений до нас дошли куски шелковых и хлопчатобумажных тканей, многочисленные железные пряжки, серьги, бусы, всевозможные подвески, китайские монеты. Интересны зеркала, привезенные из Китая или изготовленные в подражание китайским, и местные, в виде простых кружков с петелькой или отверстием посередине для подвешивания, похожие на зеркала сарматских племен³¹, населявших степи Западного Казахстана и Восточной Европы. В курганах найдены также многочисленные изделия из дерева: столики, посуда и т.п.

Соседями Давани на севере, по сообщениям китайских источников, были саки (сэ) и кочевое владение Усунь³². Сэ и Усунь впервые упоминаются в связи с крупными передвижениями кочевников Центральной и Средней Азии до появления да-юечжей на северных границах Греко-Бактрии. Началом всех передвижений стала борьба племен юечжей и хунну в Центральной Азии³³. На смену некогда могущественному объединению юечжей, земли которых располагались в пустыне Бейшань вблизи Дуньхуана и в современной Джунгарии (вблизи западной Монголии), пришли хунну. Под их натиском около II в. до н.э. меньшая часть юечжей ушла на юг, а «большие юечжи» (да-юечжи) двинулись на запад, где столкнулись с усунями и победили их. В войну были втянуты и племена сэ (саков), проживавшие в северном Притяньшанье, они были рассеяны, а «царь сэ» ушел на юг, через Припамирье в северную Индию, где завоевал владение Гибинь (современный Кашмир). Около 160 г. до н.э. сын убитого усуньского владетеля при поддержке хунну отвоевал у юечжей «бывшие земли сэ», после чего юечжи ушли далее на запад в Согд и Бактрию. Ставка усуней — Чигу — локализуется в бассейне реки Чу, недалеко от озера Иссык-Куль.

Соседями Давани на северо-западе было могучее кочевое владение Кангюй, упомянутое впервые Чжан Цянем. Большинство исследователей считают, что Кангюй локализуется в районе Средней Сырдарьи и далее — на восток и север, что объясняет его соседство с Даванью, усунями и, позднее, с хунну.

Согласно археологическим материалам, в древней дельте Сырдарьи с середины I тыс. до н.э. соседствовали две археологические культуры — чирикрабатская и джетыасарская. Первая сформировалась на базе сакской культуры с сильным влиянием земледельческого юга и

отождествляется с культурой сакского племени дахов, возглавлявшего крупное объединение скотоводов на северо-востоке Средней Азии с центром в дельте Сырдарьи. Именно это объединение дахов составило сатрапию «саков, которые за Согдом» ахеменидских надписей. Кызылкумы, расположенные между дельтой Сырдарьи и Согдом, назывались «скифской пустыней» или пустыней даев (дахов), которые с III в. до н.э. начали продвигаться к северным границам Парфии. После их переселения господствовать стали племена джетыасарской культуры, по имени которых (Кангюй) и стало называться это объединение скотоводов³⁴. Во II в. до н.э. Кангюю уже подчинялись все присырдарьинские районы вплоть до Ферганы. В разные исторические периоды в состав Кангюя входили и районы Центрального Казахстана. Юечжи, захватившие во II в. до н.э. сначала правобережье Амударьи (Согд и Северную Бактрию), оказывались к югу от центра Кангюя, который, судя по географическим и археологическим данным, мог связываться с низовьями Сырдарьи.

По отношению к Китаю, который в связи с колонизацией Синьцзяна, стал активно продвигаться к восточным границам Средней Азии, Кангюй вел себя независимо. В 101 г. до н.э. он вмешивался в фергано-китайскую войну. В 47—46 гг. до н.э. в Кангюе нашел приют враждебный Китаю шаньюй (вождь) северных хунну Чжичжи. Китайский наместник Синьцзяна особо подчеркивал независимость владельца Кангюя и его отказ «делать поклонение перед нашими посланниками». Однако жители джетыасарских поселений находились с Китаем в постоянном контакте. Более того, среди погребений найдены захоронения «пришлых людей», отличавшихся и по физическому облику похороненных и по инвентарю, среди которого много привозных вещей, например, китайских зеркал и подражаний им.

Археологические данные, в том числе керамика, позволяют говорить о возможности продвижения на рубеже III—IV вв. джетыасарских племен в Чач, западную Фергану и Согд (особенно в Бухарский и Каршинский оазисы). Движение это было вызвано, вероятно, массовым передвижением племен в степной зоне и прилегающих к ней районах, произошедших под натиском хуннов, которые уже в 70-х гг. IV в. появились между Каспием и Азовским морем вместе с массой угорских племен, которых они увлекли в своем движении на запад. Миграция хуннских племен из западной Монголии, Южной Сибири и Синьцзяна, где их ставки располагались уже ко II в., началась, скорее всего, в первой половине этого века. Они продвинулись сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где создали государство Юэбань, известное до V в., оказавшись, таким образом, у восточных границ Кангюя. Позднее вместе с угорскими племенами Западной Сибири³⁵ они продвинулись в Прикаспий и к Волге. Частью этого начального этапа «великого переселения народов», позднее докатившегося до Западной Европы, было продвижение хунно-угорских племен в низовья Сырдарьи.

Таким образом, период I—IV вв. был временем необычайно широких межобластных и международных контактов всех оседло-земледельческих областей Средней Азии. В культуре и искусстве каждой из этих областей в отличие от предыдущего периода видна несомненная связь с остальными областями, знакомство с культурными и ху-

дожественными традициями античного мира, Индии, степных племен и Китая. Для Бактрии-Тохаристана, Хорезма, Согда и Ферганы можно говорить и о связях с Синьцзяном, культура и искусство которого в то время были более близки Индии и Средней Азии, чем ханьскому Китаю. В Фергане, на севере Согда и на Сырдарье можно отметить также знакомство местного населения, жившего около Великого Шелкового пути, наряду с западными (римскими и парфянскими) изделиями также с произведениями китайских мастеров.

Широкие культурные взаимоотношения, знакомство среднеазиатских областей с самыми различными традициями обогащали местную культуру и способствовали ее максимальному расцвету. В Бактрии-Тохаристане, Парфии и Хорезме наблюдался замечательный синтез архитектуры, скульптуры и стенной живописи, а в культуре этих областей в целом — творческое усвоение и переработка культурных и художественных течений, заимствованных из античного, индийского, переднеазиатского, степного и иных миров, персонажей, образов и приемов.

Воспринимая в этот период многие достижения мировой культуры, Средняя Азия, в свою очередь, оказывала влияние на области и страны. Так, можно говорить об определенном воздействии среднеазиатских традиций на культуру и искусство западной Парфии, индийских владений кушанской державы и Синьцзян, а в известной мере, вероятно, и на Римскую империю, где помимо восточных шелков, специй и драгоценностей получил распространение и культ среднеазиатско-иранского божества Митры, и на Китай, где в значительной степени силами среднеазиатских миссионеров в III—IV вв. шла широкая пропаганда буддийской религии.

Период IV—V вв. был кризисным для всей Средней Азии, причем, этот кризис сопоставляется с падением Ханьского государства в Китае, Парфянской державы в Иране и Передней Азии и Римской империи в Средиземноморье. В Средней Азии причины кризиса, прежде всего, связаны с экологическими катастрофами и этническими переселениями.

В Хорезме к концу IV в. прекратилось обводнение левобережья. На этот период пришлись, видимо, и аридизация ³⁶ климата и «усыхание» Средней Азии вообще. В Согде, например, в западной части Бухарского оазиса земли древнего орошения забрасывались из-за возникновения новых массивов земледелия выше по течению Зеравшана, к югу от Самарканда, на Даргоме (до Бухары стало доходить тогда мало зеравшанских вод). В силу этого происходили и значительные этнические перемещения-переселения в Чач, Согд (отчасти в Тохаристан) скотоводческих племен с Сырдарьи, перераспределение земель и т.п.

Другие причины кризиса — политические. Сасанидские шахиншахи продолжали свои попытки овладеть землями Тохаристана, левобережного Хорезма, среднеазиатского междуречья (в первую очередь Бухарского и Кашкадарьинского оазисов). Их врагами на востоке и северо-востоке в V—VI вв., согласно источникам, были племенные объединения хионитов, кидаритов, эфталитов и тюрков. Деятельность хионитов и кидаритов протекала, видимо, в южных областях Тохаристана, близ границ сасанидского Ирана и в самом Иране. Более определенно можно говорить об эфталитах, хотя первоначальная родина

и происхождение их спорны ³⁷. По примеру кушанских царей они создали крупное среднеазиатско-индийское государство с центром в Чаганиане (область в Тохаристане) в долине Сурхандарьи, распространив влияние на Согд, Иран, Южный Афганистан, Северную Индию, оазисы Синьцзяна (Турфан, Карашар, Кашгар, Хотан). Однако вскоре после середины VI в. Эфталитское государство развалилось, оказавшись атакованным с двух сторон: Сасанидами с юго-запада и тюрками с северо-востока.

Кочевые тюркские племена пришли из современных Монголии и Алтая на запад еще в первых веках новой эры, подчинили многочисленные племена евразийских степей и земледельческие области Синьцзяна и Средней Азии, создали могущественную кочевую державу — Тюркский каганат. Районы к югу и западу от Амударьи находились под властью Сасанидов, а территории к северу от этой реки вошли в сферу политического влияния тюрков. В начале 20-х гг. VIII в. значительная часть былых эфталитских земель, лежавших южнее Амударьи, также перешла к тюркам, которые, судя по находкам тюркских рунических надписей ³⁸, в то время не только совершали походы в Среднюю Азию, но и расселялись в Семиречье, Фергане, Чаче, Согде, низовьях Сырдарьи ³⁹. В период существования Тюркского каганата в Среднюю Азию переселилось довольно много центральноазиатских племен: халаджи ⁴⁰ (продвинулись на территорию современного Афганистана), карлуки ⁴¹ (в Семиречье и район Балха), огузы ⁴² (распространились от Каспийского моря до Исфиджаба и от оазисов Средней Азии до р. Ишим).

Власть Тюркского каганата над среднеазиатскими областями, часто лишь номинальная, длилась недолго. Уже в 70-х гг. VII в. на земли Средней Азии обрушились новые завоеватели: сокрушив сасанидский Иран и захватив Мерв, арабы в 673 г. совершили первый крупный набег на среднеазиатское Междуречье.

Первое время, вторгаясь за Амударью, они ограничивались получением выкупа от того или иного местного владельца или захватом военной добычи. И только при наместнике Хорасана (так называлась тогда обширная территория восточного Ирана, запад Афганистана и юг нынешней Туркмении) Кутейбе ибн-Муслиме (705—715 гг.) они приступили к походам, преследовавшим цель планомерного полного завоевания Средней Азии и насаждения здесь мусульманской религии. Овладение среднеазиатскими областями и сам ход завоеваний подробно освещены письменными арабо- и персидско-таджикскими источниками. Отметим лишь, что арабским войскам после почти столетней упорной борьбы удалось покорить многочисленных местных владельцев, разгромив и пришедшие им на помощь тюркские дружины и китайскую армию. Победа над китайцами в решающей битве 751 г. у Тараза в значительной мере определила дальнейшую судьбу Средней Азии: ее развитие впредь протекало в русле мусульманского, а не дальневосточного мира. В итоге, во второй половине VIII в. Средняя Азия вошла в состав Арабского халифата (650—1258 гг.) и, следовательно, мусульманского мира, хотя переход местного населения в мусульманство растянулся вплоть до IX века.

Говоря об этнополитической истории Средней Азии V—VIII вв., следует отметить, что политические события и переселения значи-

тельных этнических групп привели к заметным переменам в составе населения Средней Азии: наряду с потомками бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев и других древних ее обитателей на землях среднеазиатских областей расселились группы эфталитского, тюркского и вообще степного, западноиранского и арабского происхождения. Нельзя не отметить и определенное культурное сближение различных среднеазиатских областей того времени, которое проявилось в широком распространении в них согдийского языка как языка межобластного (и международного) общения, сходного обряда захоронения в оссуариях ⁴³, свидетельствующего об известной унификации религиозных представлений и многих близких явлений историко-художественного характера.

Одной из среднеазиатских областей, наиболее пострадавших от войн и вражеских нашествий V—VIII вв., являлась Бактрия или, как ее стали называть уже в IV в., Тохаристан. Было разрушено немало поселений или отдельных памятников, возникших или расцветших в кушанский период. Однако сохранились древние культурные и художественные традиции и широкие культурные связи Бактрии-Тохаристана с другими среднеазиатскими областями, сасанидским Ираном, Индией, Синьцзяном, Китаем. В результате здесь продолжало использоваться «кушанское письмо», а с древними языческими культурами существовали буддизм, зороастризм и проникшие с запада христианство и манихейство. О том, что в Тохаристане той эпохи существовала богатая литература на местном (тохарском) языке, сообщают китайские источники. Отрывки тохарских текстов известны в Синьцзяне, но в собственно Тохаристане образцов этой литературы пока не найдено (но есть надписи на стенах, сосудах и т.п.).

Серьезные изменения в связи с политическими событиями в Средней Азии затронули и Хорезмский оазис. Из письменных источников, посвященных периоду арабского завоевания, известно, что к началу VIII в. в Хорезме было три удельных владения. В южном Хорезме, со столицей в Кяте, находились владения правящей династии Хорезмшахов; в северной части области, в правобережье, было владение Кердер; в левобережье — владение с центром в Ургенче (арабский Гургандж), где после завоевания Хорезма арабами и утвердились наместники завоевателей.

Судя по археологическим данным, с конца VII в. шла мощная волна переселений со стороны дельты Сырдарьи. Ибн-Фадлан ⁴⁴ в X в. застал в низовьях Амударьи народ «ал-Кардалия», который говорил на особом языке (не хорезмийском и не тюркском). Есть некоторые данные, позволяющие предположить, что в VII в. в Хорезм продвинулись группы эфталитов.

Период VI—VIII вв. характерен тесными торговыми и культурными связями Хорезма с Тохаристаном, Согдом и другими среднеазиатскими областями, а также с сасанидским Ираном и Византией. Вновь, как и в кушанский период, Хорезм, вероятно, был одним из основных перевалочных пунктов торговли Средней Азии с Поволжьем, Приуральем и причерноморскими областями.

Однако главным центром межконтинентальной торговли начиная с IV в. был Согд, расположенный в сердце среднеазиатского Междуречья и уже благодаря этому менее пострадавший от внешних втор-

жений, чем окраинные области Средней Азии. Еще в начале IV в. в Дуньхуане, неподалеку от Великой китайской стены, обосновалась колония самаркандских купцов, водивших караваны в глубь Китая и поддерживавших постоянные контакты со своей родиной. Для VII—VIII вв. в Синьцзяне известна уже целая сеть согдийских поселений. А по находкам согдийских вещей и надписей (и сообщениям китайских и арабских источников) видно, что согдийцы проникали тогда и в Китай, Монголию, Индию, сасанидский Мерв. Известно также о посещении согдийскими торговыми посольствами Ирана и Византии. Согдийцы оказывали в то время сильное культурное влияние практически на всю Среднюю Азию, они держали в своих руках международную торговлю Дальнего Востока и Центральной Азии с Ближним Востоком и, вероятно, вместе с хорезмийцами поддерживали обмен товарами с племенами Урала и Восточной Европы. В политическом же отношении Согд того периода представлял собой конгломерат мелких княжеств, среди которых выделялось несколько более сильных и влиятельных, как, например, Самаркандское, владетель которого носил титул «царь Согда».

Под сильным влиянием Согда в VI—VIII вв. находились северо-восточные области Средней Азии: Чач (район современного Ташкента), Фергана, Семиречье (север Киргизии и юг Казахстана). Будучи затронуты волнами согдийской колонизации и находясь на путях передвижений согдийских купцов, эти области наиболее сильно подвергались также воздействию древних тюрков, чье политическое господство нередко сопровождалось расселением в этих областях тюркских племен и родов, о чем, в частности, свидетельствуют неоднократные находки в Фергане тюркских рунических надписей на предметах быта, а в Чаче и Семиречье — курганные погребения тюркских воинов. В VI—VIII вв., когда эти области оказались вовлеченными в широкие международные связи тюркских каганов и согдийских купцов, здесь нередко бывали торговцы, буддийские паломники, дипломаты из Синьцзяна, Китая и Византии. Известно также, что в Семиречье нашли себе приют бежавшие от религиозных преследований сасанидских властей Ирана сирийские христиане — несториане, и что здесь же, под Таразом (ныне г. Джамбул), находилось небольшое селение китайцев — военнопленных, пригнанных сюда по приказу тюркских каганов.

Как показали раскопки, во всех этих областях в VI—VIII вв. существовали города и монументальные постройки, напоминавшие согдийские как по строительным материалам и приемам, так и по общему облику и архитектурному декору, отразившие в то же время знакомство местных мастеров с культурными и художественными традициями многих стран и народов — от Византии на западе до Китая на востоке.

Арабское завоевание принесло народам подчиненных территорий новую религию и государственный язык. Мелкие независимые княжества оказались включенными в состав обширного централизованного государства. Установление прочных культурных, экономических и политических связей привело к постепенному изменению всего облика материальной и духовной культуры, способствовало формированию не только политического, но и в значительной мере куль-

турного единства на обширной территории от Малой Азии до Семиречья. Арабская империя включала различные племена и народности.

Крупнейшими этнополитическими группировками в регионе при арабских халифах были арабская и ирано-среднеазиатская, первой из которых долгое время принадлежало юридическое и фактическое господство. Только после воцарения династии Аббасидов (750—1258) среднеазиатская (равно как и иранская) знать была уравнена в правах с арабами. Начался процесс бурного экономического, политического, культурного развития среднеазиатских областей Халифата. Одновременно с этим росли и сепаратистские настроения в Средней Азии. Фактически самостоятельно правили династии наместников Тахиридов (821—873) в Хорасане и Саманидов (872—999) в Мавераннахре ⁴⁵. Несмотря на попытки властей создать централизованную государственную систему, при Саманидах практически во всей Средней Азии прочно держались элементы удельного порядка, представленного полувавтономными вассальными княжествами.

Одним из таких владений был Хорезм, делившийся после арабского завоевания в административном отношении на две части по Амударье. На левобережье властвовала династия арабских наместников — Мамунидов (996—1017). Столицей их владений являлся Ургенч. В правобережном Хорезме продолжали править потомки династии хорезмийских Афригидов (IV—VIII вв.). Центром их владений был город Кят.

По мере ослабления Саманидов владения в Хорезме постепенно обособлялись, а в 995 г. произошло их объединение. В течение двух десятилетий (995—1017) Хорезм сохранял фактическую независимость. Но в 1017 г. он был завоеван войсками газневидского эмира и вошел в состав основанного им государства.

На протяжении X—XI вв. Хорезму принадлежала ведущая роль во внешней торговле Средней Азии. Хорезмийские купцы поддерживали торговые связи с Хазарией, Волжской Булгарией, Киевской Русью, Скандинавией, Китаем, Индией, Хорасаном, Гурганом и Восточной Европой. Интенсивная торговля велась также с кочевниками Приаралья ⁴⁶, Дешт-и Кипчака ⁴⁷ и Семиречья. В X в. хорезмийские купцы взяли в свои руки практически всю среднеазиатскую торговлю. Им принадлежало много земель, строений и торговых складов в Мерве, Нисе и других крупных городах Хорасана и сопредельных стран. О широких торгово-экономических связях Хорасана и Мавераннахра с соседними странами — Индией, Китаем, Ираном, Малой Азией и др. — свидетельствуют как средневековые письменные источники, так и археологические находки (монеты, произведения искусства, бытовые предметы).

В XI в. начался процесс быстрой тюркизации населения Средней Азии, связанный с проникновением на территории значительных масс тюркских кочевников: огузов, карлуков, кимаков ⁴⁸ и др. В X—XI вв. в различных местностях Средней Азии происходило утверждение власти тюркских династий: Караханидов (927—1212), Газневидов (962—1186) и Сельджукидов (1035—1194).

Государство Караханидов сложилось первоначально в Восточном Туркестане и Семиречье. Основой его стал союз тюркских племен, главную роль среди которых играли карлуки, чигили и ягма. Из сре-

ды последних вышла и правящая династия — Караханиды. Приняв ислам в середине X в. и частично сохранив пережитки прежних шаманистских верований и обрядов, ослабшее Саманидское государство не способно было остановить новых завоевателей, и в 999 г. Богра-хан Харун захватил Бухару. Государство Караханидов не было централизованным и делилось на уделы, в которых правили представители царствующего рода. Столицами были Кашгар, Баласагун и позднее Узген. После распада государства под ударами Сельджукидов во второй половине XI в., а затем каракитаев⁴⁹ в 30—40-х гг. XII в. отдельные караханидские княжества продолжали существовать до начала XIII века.

Газневидская империя сформировалась на основе небольшого владения ираноязычных эмиров Газны, но недолго просуществовав рухнула под натиском сельджуков, завоевавших в исторически короткий промежуток времени территории в Иране, Ираке, Средней и Малой Азии. Сельджукиды — это одна из групп кочевого народа огузов, живших на Сырдарье и в Приаралье. В конце X — начале XI в. часть огузов ушла через владения илек-ханов на юг и попала в Северный Хорасан. Усиление сельджуков происходило в постоянных столкновениях с эмирами Хорезма, Бухары и Газны. Борьба завершилась полным разгромом газневидских войск, покорением Хорезма и караханидских княжеств в Мавераннахре.

В XI—XII вв. началась эпоха формирования новой культуры Средней Азии на основе синтеза иранских и тюркских элементов, причем роль последних со временем возрастала. Под властью Сельджукидов Хорасан стал центром восточных провинций империи. В Восточно-сельджукский султанат входили практически вся Средняя Азия, Иран и Газна. Однако уже в середине XII в. под натиском киданей⁵⁰ и огузов государство пришло в упадок, а к концу XII в. было окончательно завоевано хорезмшахами, опиравшимися на Хорезм как на единое географическое и этническое целое. Чуть позже, в начале XIII в., были ликвидированы караханидские владения в Мавераннахре.

Таким образом, накануне монгольского нашествия Хорезм стоял во главе огромной империи, границы которой простирались от северных берегов Каспийского моря до Персидского залива и от Кавказа до Гиндукуша. Хорезм являлся, по сути дела, форпостом восточной мусульманской цивилизации в евразийских степях, связующим звеном славяно-булгаро-хазарского, тюркского кочевого и средне-восточного культурных миров.

Примечания

1. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. В кн.: Археология СССР. М. 1985.
2. Саки — кочевые иранские племена, обитавшие в северной и северо-восточной части Средней Азии.
3. Дахи — иранское племя.
4. Пустыня дахов — «скифская пустыня» к северу от Согда.
5. Массагеты — одно из крупнейших объединений иранских племен в Средней Азии.
6. Подбой — подземная камера для погребения, устроенная в одной из стенок ямы.
7. Катакомба — подземная камера для погребения.

8. ВАЙНБЕРГ Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. — VIII в. н.э. М. 1999.
9. FRACHETTI M. Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology. — *Annual Review of Anthropology*. 2011, № 40, p. 195—212.
10. Юечжи — китайское название группы кочевых племен, пришедших в Среднюю Азию двумя волнами в IV—III вв. до н.э. и во II в. до н.э. Из их среды вышли кушаны, основавшие могущественное государство.
11. Чжан-Цянь (? — 103 г. до н.э.) — китайский дипломат, разведаль путь из Китая в Среднюю Азию, получивший позднее название «Великого шелкового пути».
12. БОРОВКОВА Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М. 1989; ALEKSEEV A.YU., VOKOVENKO N.A., BOLTRIK YU., CHUGUNOV K.V., COOK G., DERGACHEV V.A., KOVALIUKH N., POSSNERT G., VAN DER PLICHT J., SCOTT E.M., SEMENTSOV A., SKRIPKIN V., VASILIEV S., ZAITSEVA G. Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures of Eurasia (9th—3rd centuries BC). — *Geochronometria*. 2002, № 21, p. 143—150.
13. СЫМА ЦЯНЬ. Исторические записки: В 9 томах. М. 1972—2010.
14. КАДЫРБАЕВ А.Ш. «Великие переселения народов» с востока в центр Азии: юэчжи, сюнну, канцзюи, усунь и их государства. III век до н.э. — V век н.э. (по материалам китайской династийных историй). — Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. 2009, № 1 (9), с. 35—56; КОЖИН П.М. Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М. 2011.
15. Да-юечжи — большие юечжи.
16. Тохары — народ, возможно кочевой, появившийся в Средней Азии с востока во II в. до н.э.
17. Оазисы Синьцзяна — Турфан, Кашгар, Карашар, Хотан и др.
18. БОРОВКОВА Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М. 2005.
19. Ханьская империя (206 до н. э. — 220 н. э.) — вела завоевательные войны, в результате которых были значительно расширены границы Китая. Установлены торговые и культурные контакты с государствами Средней Азии и Индией.
20. Кангюй — государственное образование в Средней Азии (ок. II в. до н. э. — ок. IV в. н.э.), объединявшее кочевые и оседло-земледельческие племена на нижней и средней Сырдарье. Расцвет его пришелся на конец II в. — I в. до н.э., когда в его состав входили Ташкент, Хорезм, часть Согда.
21. Кинишка (78—123 гг.) — правитель Кушанского царства.
22. «Хоуханьшу» (История младшей династии Хань) — написана в начале V в. Фань Е (Фань Хуа).
23. Хорасан — историко-культурная провинция, охватывавшая северо-восточную часть Ирана, юг Туркменистана, северо-запад Афганистана.
24. Дуньхуан — древний город в западном Китае на пути в Синьцзян и Среднюю Азию.
25. Ангоб — покрытие из жидкой цветной глины, наносимое на поверхность керамического сосуда до обжига для украшения и придания сосуду большей прочности.
26. Сырцовый кирпич — необожженный, высушенный на солнце, глиняный кирпич.
27. Пахса — глина, которая укладывается в сыром виде рядами (пластами), иногда по лицевой стороне нарезается на блоки.
28. Гуваль — комки глины.
29. Дромос — коридорообразный проход в погребальную камеру или склеп.
30. Курум — каменное сооружение в виде наземного склепа или менее сложного по конструкции каменного ящика.
31. Сарматы — объединение ирано-язычных племен в евразийских степях.
32. Усунь — китайское название древнего объединения кочевников-скотоводов, расселившихся в Семиречье и области Тянь-Шаньских гор.
33. MACHISEK M.L. Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Vol. 5. Bonn. 2011, p. 173—180.
34. Сырдарья до раннего средневековья называлась «рекой Канга», там же известны племена кенгересов — «людей (или мужей) Канга».

35. Здесь в IV в. завершила свое многовековое существование саргатская археологическая культура.
36. Аридизация — опустынивание.
37. Преобладает точка зрения, согласно которой эфталиты — горцы Припамирья.
38. КЛЯШТОРНЫЙ С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. 2006.
39. DROMMP M. Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries). — *Acta Orientalia Hungaricae*. 2005, № 58 (1), p. 101—111.
40. Халаджи — кочевые тюркские племена. По одним источникам они обитали на левом берегу Амударьи, по другим — на территории современного Афганистана.
41. Карлуки — тюркские племена.
42. Огузы — тюркоязычные племена Центральной и Средней Азии.
43. Оссуарий — костехранилище, ящик или сосуд из камня, глины, ганча для хранения костей умерших.
44. Ибн Фадлан, арабский путешественник X века. Описал путешествие через Бухару и Хорезм к волжским болгарам.
45. Мавераннахр («Заречье») — так со времени арабского завоевания называли земли между Амударьей и Сырдарьей.
46. ЛЕВИНА Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М. 1996.
47. Дешт-и Кипчак (Кипчакская степь) — обширные степные пространства от Днепра и северных отрогов Чёрного моря до Иртыша и оз. Балхаш.
48. Кимаки — объединение тюркских племен, живших в Западной Сибири.
49. Каракитаи — кочевники, пришедшие в Среднюю Азию с Востока. По одной версии, они — тунгусского происхождения, по другой — монгольского.
50. Кидани — племена монгольской группы, кочевавшие в древности на территории современного Китая и Монголии.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 633.3-8/УДК 94(470. Мономах)+94(477)

Миф о Владимире Мономахе в зеркале украинской исторической памяти

А.С. Ищенко

Аннотация. В работе рассматривается образ великого киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха в украинской исторической памяти с начала XVII века. Прослеживаются пути развития представлений о нем и их влияние на процессы национально-культурной самоидентификации украинцев.

Ключевые слова: Владимир Мономах, историческая память, миф, Киевская Русь, Украина, национальная идентичность, присвоение.

Abstract. The work considers the image of the great prince Vladimir Monomakh in Ukrainian memory from the beginning XVIIth century. Its aim is to investigate the ways of transformation of his image and their influence on the cultural foundations of Ukrainian national identity.

Key words: Vladimir Monomakh, historical memory, myth, Kievan Rus, Ukraine, national identity, assigning.

Владимир Всеволодович Мономах — один из наиболее известных и ярких деятелей русской истории. Летописцы последовательно изображали его как самоотверженного борца за Русскую землю, ее защитника от внешних врагов и внутренних межкняжеских распрей. Он «просвети Рускую землю, акы солнце луча пушая, егоже слухъ проидизе по всимъ странамъ, наипаче же бе страшень поганымъ, братолюбецъ и нищелубецъ и добрыи страдалецъ за Рускую землю»¹. Таким могущественным и справедливым правителем Владимир Мономах и вошел в историческую память восточных славян, став одним из значимых ее феноменов — «местом памяти», мифологизированным в сознании общества.

Говоря о мифологизации образа князя, следует отмежеваться от вульгарного противопоставления мифа и реальности, поскольку сам

Ищенко Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета. E-mail: ischenko-2010@mail.ru.

Ischenko Aleksandr S. — candidate of historical sciences, associate professor at the Novocherkassk Institute of Engineering and Land Reclamation, Don State Agrarian University. E-mail: ischenko-2010@mail.ru.

миф — по крайней мере для тех, кто является носителем мифологического сознания — предстает в виде «полностью объективной реальности»². Об этом много и ярко писали такие признанные отечественные и зарубежные специалисты в области исследования мифологии, как А.Ф. Лосев, М.И. Стеблин-Каменский, Ю.М. Лотман, Р. Барт, М. Элиаде и другие. Наиболее продуктивным представляется семиотический подход, трактующий миф как вторичную моделирующую систему, своего рода надстройку над языком как первичной знаковой системой, существенно деформирующую его исходную семантику и подменяющую ее новым смыслом. «Язык, — писал Барт, — предоставляет мифу как бы пористый смысл, легко способный набухнуть просочившимся в него мифом»³.

Миф о Владимире Мономахе, заложенный в своей основе им самим и окончательно сложившийся примерно к середине XIII столетия, претерпел существенную эволюцию. В эпоху образования Московского царства князь превратился из грозы степняков, гаранта справедливости и защитника притесняемых в династический символ и олицетворение единодержавия. Такова была его судьба на востоке Руси. В западнорусских же землях, вошедших в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского, память о Владимире Мономахе постепенно стерлась. Политическая жизнь здесь переориентировалась на иные, порожденные далеко за пределами Киевской Руси, культурные ориентиры⁴.

В украинской общественно-политической мысли интерес к славному киевскому прошлому пробудился только в XVII веке. Эти «припоминания Руси» были, по наблюдению В.М. Рычки, «обусловлены, прежде всего, интеллектуальными вызовами Унии»⁵, что и пробудило интерес просвещенных слоев украинства к поискам старокиевских корней культуры и православной веры»⁶. Очевидно именно поэтому Густынская летопись, созданная, вероятно, Захарией Копыстенским между 1623 и 1627 гг.⁷, демонстрирует повышенное внимание к такой славной странице далекого прошлого, как походы киевских князей на Византию⁸. В ряду этих походов выделяется отсутствующий в раннем летописании, но известный из древних московских памятников конца XV—XVI вв. рассказ о походе Владимира Мономаха и получении им от византийского императора знаков царской власти. По свидетельству автора Густынской летописи, Владимир принял решение о походе «во Греческую землю», следуя примеру своих предшественников — князей Олега, Игоря, Святослава и Владимира Святославича, чтобы «славу роду нашему добыти»⁹. Когда византийский император прислал князю знаменитые регалии, и он был ими венчан, то «отселе Владымеръ Мономах царемъ Рускимъ нарицашеся». Причем, «сим же венцемъ Мономаховым, — замечает автор, — и доньне царе Московские венчаны бывають»¹⁰. Особенность рассказа Густынской летописи в сравнении с конструкциями московских книжников состояла лишь в замене имени императора Константина Мономаха именем Алексея Комнина, который кроме даров послал киевскому князю грамоту¹¹. Однако для украинского летописца главным было, видимо, не столько приобретение Владимиром Мономахом царского венца, сколько сам факт его похода на Византию, свидетельствовавший о его могуществе¹².

Значительное влияние на изображение Владимира Мономаха украинскими авторами XVII в. оказала польская традиция и особенно «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» Мацея Стрыйковского (1582 г.), к которой едва ли не наиболее охотно обращались украинские книжники, в том числе и с целью заимствования сведений об истории Киевской Руси. Ее значительное влияние прослеживается, в частности, в составленной в 1672—1674 гг. «Хронике» игумена Киевского Златоверхого Михайловского монастыря Феодосия Софоновича¹³. Если в древнерусских летописях главными позитивными чертами Мономаха считались его «христоролюбие» и «благоверность», а потом уже борьба против половцев, то Софонович ставил на первый план иные заслуги князя: «Той Владимир Мономах Русь, утравленую и незгодами и войнами междусобными сынов Владимеровых разорваную, своим разумом и мужеством въедино злучил и в монархию албо самодержство по-старому привел»¹⁴. Таким образом, на первый план тут выдвигались успехи князя в борьбе с усобицами, укрепление им государства. При этом, как и Стрыйковским, Софоновичем передана иная версия происхождения царских регалий потомков Мономаха — великих князей московских — нежели та, что известна из памятников московской книжности и Густынской летописи. Так, согласно «Хронике», венец и бармы Владимир Мономах приобрел не в результате похода на Византию, а одолев во время такого же легендарного¹⁵ взятия им Кафы в единоборстве «гетмана ихъ, старосту кафского», чем, между прочим, объяснялось и прозвание его Мономахом¹⁶. Подобная версия, как показал А.И. Рогов, принижала значение регалий, ибо лишала роли символа преемственности Византии — второго Рима¹⁷.

Взгляд на Владимира Мономаха как «первовенчанного царя Киевского», который «междоусобие всякое в российских князех усмири и в самодержавие приведе», был закреплен в созданном в Киеве в середине 70-х гг. XVII в. (через 20 лет после перехода Левобережной Украины под власть российского царя) первом печатном произведении по восточнославянской истории — Синописе. Основные положения этого труда содержатся уже в его названии: «Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славянороссийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя киевскаго и всея России первейшего самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Российския, даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца».

Этот, приписываемый профессору Киево-Могилянской академии, позднее архимандриту Печерского монастыря Иннокентию Гизелю труд, приобрел широкую популярность не только в украинских землях, но и в России. Весь арсенал теорий про славное киевское прошлое был использован здесь в интересах российского самодержца — нового правителя Киева, который провозглашался изначальным наследием его предков (тот факт, что цари больше не были Рюриковичами, а представляли династию Романовых, не упоминался)¹⁸. При этом в Синописе были соединены обе версии приобретения Владимиром Мономахом царских регалий. Рассказ о его победе во время

похода на Кафу над генуэзским военачальником делал акцент на происхождении прозвища князя, толковавшегося как «самоборец, или изрядный на середине воинской победоносец», а рассказ о его походе к Царьграду и присылке ему византийским императором царского венца должен был показать «откуда российский самодержцы венец царский на себе носить начаше»¹⁹. Руководствуясь концепцией об исконности самодержавия на Руси и ее тождественности с Московским царством, автор Синописа вносил свой весомый вклад в создание российского мифа о «киевском наследии»²⁰. Задекларированная им схема престолонаследия придавала образу Владимира Мономаха имперский оттенок²¹, делая его малопригодным в качестве национального героя.

Этот образ Владимира Мономаха как самодержца и первого русского царя, несмотря на ставший уже очевидным анахронизм²², продолжал бытовать и воспроизводиться в украинской общественно-исторической мысли и в дальнейшем. Даже для автора такого знакового текста украинской истории как «История Русов»²³, опубликованного в 1840-х гг., а до этого десятилетиями тиражировавшегося в многочисленных рукописных копиях, Владимир Мономах примечателен, прежде всего, тем, что был «признан от Греческой Империи Царем Руским и получил на то дедовскую (императора Константина Мономаха. — А.И.) корону со всеми другими царскими регалиями»²⁴. И все же, в свете основополагающего тезиса этого нарратива — «ибо известно, что прежде мы были то, что теперь московцы: правление, первенство и самое название Руси перешли к ним от нас»²⁵ — Владимир Мономах предстает в нем выдающимся героем не российской, а украинской истории. Впрочем, следует заметить, что Киевская Русь и ее князья занимали, по словам А.П. Толочко, «далекие маргинесы на карте исторического сознания» автора «Истории Русов»²⁶, поэтому говорить об «украинизации» им Владимира Мономаха было бы преждевременно²⁷.

Таким образом, с пробуждением интереса к киевскому прошлому в начале XVII в. сколько-нибудь серьезных апелляций к образу Владимира Мономаха в украинских исторических трудах того времени не встречается. Для украинского национального самосознания он оказался практически невостребованным.

Причины такого «равнодушия» связаны, очевидно, не только с монополизацией фигуры князя московскими книжниками, но и с особенностями развития собственно украинского описания истории, ограничивавшего свое прошлое казачеством²⁸.

В трудах современных исследователей показано, что украинское духовенство не создало мифологической родословной, которая связывала бы казачество с Рюриковичами. Поэтому «новая элита не могла представлять свое господство как прямое наследственное продолжение владычества киевских князей»²⁹.

«Проводники украинского казацкого государства», как справедливо заметил Рычка, «поверхностно унаследовали веру в харизму потомков киевской династии князей-воинов»³⁰. Владимир Мономах был ими или забыт, или так и не обретя национальных черт, растворился в общерусском образе единовластного правителя, увенчанного византийскими инсигниями.

О начале изменения отношения к фигуре Владимира Мономаха, переосмыслении его места в национальной украинской истории можно говорить, пожалуй, лишь со второй половины XIX века. В этом столетии по всей Европе происходило «национальное пробуждение», одним из результатов которого стало формирование национальной историографии, призванной показать, что Украина, как отмечал З. Когут, «имеет собственную историю с древними корнями и что эта история является отдельной и непрерывной»³¹. Доказать же древность корней означало связать украинскую историю с Киевской Русью. Одна из первых попыток украинизации образа князя в этой связи была предпринята известным историком, представителем «федералистской школы» Н.И. Костомаровым, бывшим наряду с Т.Г. Шевченко одним из видных представителей украинского национального движения³². По мнению Костомарова, выраженному в статье «Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмельницкий» (1863 г.), этот древнерусский князь — «человек-борец федеративного начала в протекшей нашей истории» — был идеальным историческим примером для народа. Эпоха, которую он «собою создал, оставила нравственное впечатление, способствовавшее сохранению связи и гражданственности посреди внутренних и внешних бурь, потрясавших землю русскую». Богдан Хмельницкий, как утверждал историк, подхватил из его рук «знамя древнего федеративного начала, уже не только подновленного единовластием, но готового исчезнуть в воспоминании народном. Богдан Хмельницкий напомнил о нем и указал, что оно еще может ожить в народе...»³³. Знаменитый гетман Запорожского войска признавался, тем самым, наследником Владимира Мономаха, продолжателем его политики. Утверждение такой преемственности было не случайным. Именно образы гетмана Богдана Хмельницкого и князя Владимира Мономаха точнее всего накладывались на концепцию Костомарова о месте народа и личности в истории. Оба они, как пояснял Ю.А. Пинчук, «были великими вождями народных судеб и сохранили о себе память потомства. Не погибло в истории и то, что было внесено этими личностями: Владимир поддерживал стародавний принцип славянского вечевого народоправства..., был одним из организаторов союзной удельно-вечевой державы. Московское самодержавие поразило этот строй, а в 1569 г. произошло объединение Украины с Польшей. Народ не одобрил объединение, но после полувековой борьбы народная оппозиция сдалась, признав себя побежденной. Наконец ее флаг взял в могущественные руки Богдан Хмельницкий»³⁴. Как и последний, Владимир Мономах выдвигался Костомаровым в качестве героя украинского (малороссийского) народа.

Настаивая на существовании как минимум «двух русских народностей» — великорусской и южнорусской (малороссийской) — историк видел их особенности в том, что, если для последней в организации политической жизни были характерны демократические и федеративные начала, то для великорусской — единовластие и централизм³⁵. За «федерализацией» образа Владимира Мономаха стояла, тем самым, его «украинизация».

В отличие от российского монархического мифа, украинский миф о князе оказался ближе к его первоначальной конструкции, то есть к тому, как себя позиционировал сам Мономах и привержен-

ные ему летописцы. При всем этом следует отметить, что Костомаров вовсе не был апологетом князя. В своем эссе о нем, опубликованном в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» он наряду с заслугами Мономаха отмечал и его неблагоприятные поступки³⁶.

Далек от апологетики Владимира Мономаха был и такой видный украинский историк как М.С. Грушевский, рассматривавший историю Руси с националистических позиций как историческую основу только украинского народа³⁷. Отсутствие апологетики, однако, еще не означает, что Грушевский создал реалистичный образ князя. Для него Владимир Мономах — это, прежде всего, политик. Признавая его заслуги в деле укрепления государства, Грушевский настаивал, что Владимир Мономах был «не столько братолюбом и добрым страдальцем за русскую землю, сколько политиком, осторожным, благо-разумным, лавирующим среди современных политических отношений и уступающим там, где чуял серьезные препятствия, серьезную борьбу»³⁸. В такой оценке на первый взгляд заметно стремление историка отойти от мифологизации князя. Однако это далеко не так. Смысл приведенных слов становится яснее, если взглянуть на биографию самого Грушевского. Будучи не только историком, но и политиком³⁹, вершиной карьеры которого стал пост председателя Центральной Рады — главы независимого Украинского государства (1917—1918 гг.), он, по существу, описывал черты политического лидера, который был нужен современной ему Украине. Мономах, с этой точки зрения, для него — историческое зеркало. При этом, если Костомаровым была предпринята лишь попытка его украинизации, то Грушевским, разработавшим целостную концепцию «Украины-Руси», он уже однозначно понимался как выдающийся деятель национальной украинской истории. Таким образом, анализируя исторические тексты Грушевского, можно увидеть, как формируется и «работает» миф; методы обращения украинского историка с текстами показывают, что мифологизация истории отнюдь не сводится к одной лишь фальсификации нарратива (хотя и в этом отношении классик украинской историографии был отнюдь не безгрешен), что подлинная природа мифа заключается не в «измышлении», а в определенной подмене буквального значения повествования метафорическим смыслом, в котором собственно и заключается основной «посыл». «Миф, — писал в этой связи Барт, — ничего не скрывает и ничего не демонстрирует — он деформирует, его тактика не правда и не ложь, а отклонение»⁴⁰.

Осмысление образа Мономаха в трудах Костомарова и Грушевского было своего рода начальной фазой его «присвоения» украинским историческим сознанием. Поэтому на данном этапе он не стал воплощением «национального типа». В основу украинского национального самосознания был положен «казацкий миф», то есть представление о казаках как о создателях украинской государственности⁴¹. Наверное поэтому исторические традиции Киевской Руси остались практически невостребованными и в украинском государственном строительстве XX столетия⁴². Национальная историография не смогла осмыслить, адаптировать и органически включить в свое ментальное пространство оба мифа сразу, поэтому выбор был сделан в пользу более близкого ей казачества.

Но, даже не попав в первый ряд исторических фигур идентификации, Владимир Мономах занял в когорте выдающихся героев украинской истории далеко не последнее место. После работ Грушевского Киевская Русь, до этого в целом все еще пребывавшая на периферии исторической и культурной памяти украинцев⁴³, заняла в ней более прочное место, став, по выражению Толочко, «безусловной частью исторического опыта украинцев»⁴⁴. «Присвоение» древнерусского прошлого уже давно и прочно освоенного другой историографической традицией — великорусской — нередко при этом сопровождалось использованием современной государственной терминологии, в частности заменой термина «Киевская Русь» («Древняя Русь» или просто «Русь») на «Украину»⁴⁵. Владимир Мономах изображался в таких трудах, как правило, в качестве все того же идеала правителя, защитника целостности «первого» украинского государства⁴⁶.

Заслуги Владимира Мономаха в деле объединения Украины и борьбе с угрожавшими ей половцами оказались привлекательны не только для историков, но и для писателей и деятелей культуры. Впрочем, в этой среде интерес к фигуре князя был не столь велик. Несмотря на некоторый всплеск в середине XIX — начале XX в. среди украинских интеллектуалов (особенно Галичины) интереса к древнерусскому прошлому⁴⁷, образ Владимира Мономаха остался на периферии литературного творчества здешних писателей. Среди произведений последних на темы древнерусского прошлого, не считая нескольких популярных работ по истории Руси в целом и изданий или переводов «Поучения» Владимира Мономаха⁴⁸, были лишь поэмы И. Франко и Н. Вороного, представлявшие из себя переделки знаменитой легенды, известной из Галицко-Волынской летописи под 1201 годом⁴⁹.

Несколько привлекательней фигура Владимира Мономаха стала в революционные годы, когда с падением российского самодержавия украинское национальное движение получило новый импульс⁵⁰. Захвативший идеей национального возрождения, к образу Владимира Мономаха обратился П. Филипович, поэзия которого приобрела с этого времени украинский колорит. Не случайно, по словам В. Державина, его «Мономах» «достоин того, чтобы быть известным каждому национально сознательному украинцу»⁵¹.

Автор воспел отвагу Мономаха, который должен был, по его мнению, реализовывать потенциал воина и охотника, а не учить рабской покорности. Перед нами, — резюмировал Державин, — «наимпозантнейшее... прославление героического величия княжеско-киевской Руси-Украины и варяжско-нордических начал украинской государственности»⁵².

Впрочем, в советской Украине такой образ Владимира Мономаха не был востребован. Он не укладывался в большевистскую концепцию коллективной идентичности⁵³, но нашел сторонников среди украинской эмиграции⁵⁴.

Владимир Мономах стал также героем исторических романов, вышедших из-под пера украинских авторов. Стремление увековечить его память можно проследить и на примере монументального искусства — памятников князю, возведенных в г. Прилуки (1992 г.) и с. Любеч (1997 г.) (оба — Черниговская обл.). Первый из них — это четырехметровый монумент князю, как основателю города⁵⁵. Он ус-

тановлен в центральном парке, на территории которого сохранились остатки валов старинной Прилуцкой крепости. Характерно, что Владимир здесь представлен не в образе полководца или государственного деятеля, как, например, на знаменитом памятнике «Тысячелетию России» в Новгороде, а в качестве писателя, деятеля культуры. Князь изображен сидящим, со своим «Поучением» на коленях и с пером в руке, поднятой вверх. Он без головного убора, одет в простое длинное платье и скорее походит на монаха-летописца, нежели князя. Любечский же монумент посвящен не самому Владимиру Мономаху, а 900-летию съезда князей 1097 г. в Любече, вдохновителем и организатором которого его принято считать.

Однако значение памяти о Киевской Руси в целом и о Владимире Мономахе в частности не следует преувеличивать. «Украинизация» образа князя стала делом не столько профессиональных историков, в основной своей массе отдающих себе отчет в ненаучности подобного подхода ⁵⁶, сколько публицистов и политиканствующих дилетантов. Государственной политики сохранения памяти о Владимире Мономахе, несмотря на стремление украинских властей заменить память о коммунистическом прошлом страны памятью о более отдаленных событиях и героях, в Украине не прослеживается.

Более востребованными для национальной самоидентификации украинцев являются герои казацкой эпохи и национальных движений XIX—XX веков. Да и из древнерусских князей по своему значению Владимир Мономах уступает не только Владимиру Святому, но и Ярославу Мудрому, а также Даниилу Галицкому, который, согласно Н.И. Костомарову, заложил традицию западной ориентации Украины ⁵⁷.

Таким образом, несмотря на отдельные попытки возрождения в Украине мифа о Владимире Мономахе, образ этого князя, занявший заметное место в российской исторической памяти, так и не попал в разряд наиболее значимых украинских национальных героев, остался на периферии общественного сознания и коллективной памяти.

Примечания

1. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 289.
2. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И. Миф. Л. 1976, с. 9.
3. БАРТ Р. Мифологии. М. 2010, с. 293.
4. ЯКОВЕНКО Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М. 2012, с. 137; ТАЙРОВА-ЯКОВЛЕВА Т.Г. Украинские земли в Новое время (середина XVI—XIX вв.). В кн.: История Украины. СПб. 2015, с. 100—101.
5. Речь идет о Берестейской церковной унии 1596 г., согласно которой православная церковь признавала примат папы, но сохраняла традиции восточного христианства.
6. РИЧКА В.М. Пригадування Русі (осмислення спадщини св. Володимира в українській суспільно-політичній думці XVII ст.) — Український історичний журнал. 2012, № 1, с. 29; ЕГО ЖЕ. «...И просвьти ю крещеньем святым» (Християнізація Київської Русі). Київ. 2013, с. 179. Ср.: ТОЛОЧКО О.П. «Русь» очима «України» в пошуках самоідентифікації та континуїтету. — Сучасність. 1994, № 1, с. 112—113, 117; КОГУТ З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ. 2004, с. 136—137; ЗАТИЛЮК Я. «Перепрочитання історії хрещення Русі князем Володимиром в історичній культурі ранньомодерної України. — Україна в Центрально-Східній Європі. Київ. 2014, вип. 14, с. 85.

7. МАРЧЕНКО М.І. Українська історіографія (з давніх часів до середини ХІХ ст.). Київ. 1959, с. 35; МЫЦЫК Ю.А. Украинские летописи XVII века. Учебное пособие. Днепропетровск. 1978, с. 13; МАКАРЧУК С. Писемні джерела з історії України. Курс лекцій. Львів. 1999, с. 131; ТОЛОЧКО О.П. Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (до питання про реконструкцію архетипу) — Український археографічний щорічник. 1999, вип. 3/4, с. 161—163.
8. Об историческом значении походов киевских князей на Византию и их осмыслении в исторической памяти см.: РИЧКА В.М. Візантійські походи київських князів в історичній пам'яті східного слов'янства. — Український історичний журнал. 2012, № 4, с. 4—20.
9. Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 40. СПб. 2003, с. 74.
10. Там же, с. 75.
11. Эта грамота представляет собой, по наблюдению И. Жданова, переделку того наказа, который, по другим пересказам, был дан Константином Мономахом его послам, отправленным в Киев. См.: ЖДАНОВ И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб. 1895, с. 74.
12. Могушество Владимира Мономаха и его заслуги в борьбе с внешними врагами наряду с его греческим происхождением были выделены в княжеском помяннике, входящем в состав Киево-Печерского патерика в редакции архимандрита киевского Печерского монастыря Иосифа Тризны (1647—1656). Так, по сообщению последнего, восходящему к Галицко-Волынской и, вероятно, Густынской летописям, Владимир Мономах «бысть страшен сопротивным, загна половцы за Обезы, Великого Дону воду пил шелоном золотым. Родися от царицы грекини Манамахи и наречен бысть Владимир Манамах, бе бо за Всеволодом дщи греческаго царя Константина Манамаха». См.: КУЧКИН В.А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М. 1997, с. 223.
13. Подробнее об источниках, использованных Софоновичем и его исторических взглядах см.: МЫЦЫК Ю.А. Украинские летописи XVII века, с. 16—21; ЕГО ЖЕ. Історія Київської Русі у висвітленні українського хроніста XVII ст. Феодосія Софоновича. В кн.: Київська Русь: культура традиції. Збірник наукових праць. Київ. 1982, с. 103—109; МИЦИК Ю.А., КРАВЧЕНКО В.М. Передмова. В кн.: СОФОНОВИЧ Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ. 1992, с. 21—31.
14. СОФОНОВИЧ Ф. Ук. соч., с. 85.
15. ЖДАНОВ И. Ук. соч., с. 119—121.
16. СОФОНОВИЧ Ф. Ук. соч., с. 85.
17. РОГОВ А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника), М. 1966, с. 94.
18. ШЕВЧЕНКО І. Багатоликий світ Петра Могили. В кн.: ШЕВЧЕНКО І. Україна між Сходом і Заходом: Нариси з історії культури до початку ХVІІІ ст. Львів. 2001, с. 195. Ср.: КОГУТ З. Ук. соч., с. 141—143, 178—181; ЗАТИЛЮК Я.В. Давньоруська історія на службі у київських церковних ієрархів середини — другої половини ХVІІ ст.: політична риторика та статус митрополії — Український історичний журнал. 2012, № 6, с. 53—55.
19. Синопис, или Сокращенная история, собранная от разных авторов. СПб. 1718. Цит. по: Великий князь Владимир Мономах. М. 2006, с. 268. Ср.: Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674). М. 2006, с. 128.
20. КІНАН Е. Російські міфи про київську спадщину. В кн.: ЕГО ЖЕ. Російські історичні міфи. Київ. 2003, с. 33.
21. Ср.: РИЧКА В.М. Володимир Святий в історичній пам'яті. Київ. 2012, с. 146, 198.
22. Имя византийского императора Константина Мономаха в повествовании о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий в Синописе было заменено на имя Алексея Комнина, что объяснялось тем, что именно последний был современником князя. Демонстрируя критическое отношение к источникам, воспроизводившим миф о Владимире Мономахе, Синопис, тем самым, служил разрушению этого мифа. См.: КОРЕНЕВСКИЙ А.В. Идея «византийского наследия» в древнерусской книжности. Восток. Запад. Россия. Тезисы всероссийской

- конференции. Ростов-на-Дону. 1993, вып. 2, с. 7; ЕГО ЖЕ. Идея «византийского наследия» в русской религиозно-политической мысли XV—XVI вв. Дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 1995, с. 228.
23. О ее значении для формирования национальной украинской идентичности см.: ПЛОХИЙ С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. Київ. 2013.
 24. История Русов или Малой России. В кн.: Сочинение Г. Конискаго, архиепископа Белорускаго. М. 1846, с. 4. Позднейшие исследования установили, что называемый этим изданием в качестве автора «Истории Русов» архиепископ Георгий Конисский таковым на самом деле не являлся.
 25. Там же, с. 204; КОГУТ З. Ук. соч., с. 195.
 26. ТОЛОЧКО А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев. 2012, с. 148.
 27. В появившейся примерно в это же время «Истории Малой России» Д. Бантыша-Каменского, также практически полностью игнорирующей древнерусские времена, Владимир Мономах занял еще более скромное место. Так, автор счел целесообразным лишь заметить, что в годы его «владычествования» «Россия несколько отдохнула от непрерывных смятений». См.: БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. История Малой России. От водворения славян до уничтожения гетманства. Киев. 1903, с. 6. По оценке З. Когута, написанная в духе Н.М. Карамзина, «история Бантыша-Каменского была не более чем детальною историей одной из провинций России». См.: КОГУТ З. Ук. соч., с. 197.
 28. ТОЛОЧКО А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке, с. 137, 144—147.
 29. Казацкие авторы, как замечал С. Величенко, «только тщательней обработали идею о том, что их древние предки исправно служили Рюриковичам и Гедиминовичам на основе добровольных договорных контрактов». См.: ВЕЛИЧЕНКО С. Володарі і козаки: замітки до проблеми історичної легітимності і тягlosti в українській історіографії XVII—XVIII ст. В кн.: Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 1. Київ. 1992, с. 120. Ср.: КОГУТ З. Ук. соч., с. 194.
 30. РИЧКА В.М. Пригадування Русі..., с. 39; ЕГО ЖЕ. Спадщина Володимира Мономаха. — Український історичний журнал. 2013, № 3, с. 98.
 31. КОГУТ З. Ук. соч., с. 187.
 32. КАППЕЛЕР А. Мала історія України. Київ. 2007, с. 99—105, 113; История Украины: научно-популярные очерки. М. 2008, с. 370—372, 386—393; МИЛЛЕР А. Украинский вопрос в Российской империи. Киев. 2013, с. 66—70; ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА Т.Г. Ук. соч., с. 243—244.
 33. КОСТОМАРОВ Н.И. Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмельницкий. В кн.: ЕГО ЖЕ. Казаки. М. 1995, с. 386—387.
 34. ПІНЧУК Ю.А. Постать Богдана Хмельницького в публіцистиці М. Костомарова. — Український історичний журнал. 1994, № 5, с. 142.
 35. ШАПИРО А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М. 1993, с. 459—465; КОГУТ З. Ук. соч., с. 201—202; МИЛЛЕР А. Ук. соч., с. 97—99.
 36. КОСТОМАРОВ Н.И. Князь Владимир Мономах. В кн.: ЕГО ЖЕ. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1995, с. 45—75.
 37. СВЕРДЛОВ М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб. 1996, с. 149; ДВОРНИЧЕНКО А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб. 2014, с. 156.
 38. ГРУШЕВСКИЙ М.С. Волынский вопрос 1097—1102 г. (окончание) — Киевская старина. 1891, № 5, с. 270—271. Общую оценку политики Владимира Мономаха Грушевским см.: ГРУШЕВСКИЙ М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев. 1891, с. 130—134; ЕГО ЖЕ. Історія України-Руси. Т. II. Львів. 1905, с. 81—120. ЕГО ЖЕ. Очерк истории украинского народа. СПб. 1906, с. 87—88.
 39. О Грушевском как историке и политике в единстве двух этих его ипостасей см.: ПЛОХИЙ С. Великий переділ: Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ. 2011.
 40. БАРТ Р. Ук. соч., с. 280.
 41. История Украины: научно-популярные очерки, с. 372; ПЛОХИЙ С. «Национализация» украинского казачества в XVII—XVIII вв. — Ab Imperio. 2004, № 2, с. 568—569; КАППЕЛЕР А. Казачество. История и легенды: монография. Ростов-на-Дону. 2014, с. 74, 77—79.

42. РИЧКА В.М. Володимир Святий..., с. 199.
43. История украинцев, как подчеркивал А.П. Толочко, «возникла и утверждалась как отдельная дисциплина без опоры на “Киевскую Русь”. Длительное время она существовала и обходилась без “Руси”, вполне удовлетворительно решая свои... задачи». См.: ТОЛОЧКО А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке, с. 45.
44. Там же, с. 43.
45. Заметим при этом, что М.С. Грушевский, в отличие от своих последователей в деле украинизации древнерусского прошлого, таких вольностей, как правило, не допускал. У него сказано вполне корректно: «Русь», «Русская земля», «Русское государство». Следует обратить внимание и на то, что его продолжатели здесь отнюдь не были изобретателями. Использование современной автору государственной терминологии для описания далекого прошлого характерно для многих «национальных» историй. Активно такой терминологией пользовался в своей «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, определению «Киевская Русь» нередко предпочитавший «Россию». Владимира Мономаха он характеризовал, в частности, используя такие выражения, как «друг отечества и благоразумнейший из князей российских», который «всего более любил Россию»; сражался с половцами как «истинный герой», «даруя победы отечеству». См.: КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Кн. I. Т. 1—3. Ростов-на-Дону. 1989, с. 271, 276, 287. Подобная авторская манера создает, как подметил Ф.Б. Шенк, впечатление непрерывности национальной истории от средних веков и до времени ее автора, способствует актуализации прошлого. См.: ШЕНК Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М. 2007, с. 179—180.
46. См. напр.: АРКАС М. Історія України-Русі. Краків. 1912, с. 52—57; ТОМАШІВСЬКИЙ С. Українська історія. Старинні і Середії віки. Львів. 1919, с. 63—65; ТЕРЛЕЦЬКИЙ О. Історія української держави. Т. 1. Княжа доба. Львів. 1923, с. 64—67.
47. Этот интерес был, очевидно, связан с явлением, получившим в историографии название «украинское национальное возрождение». См.: История Украины: научно-популярные очерки, с. 370—371. Об интересе украинских писателей того времени к древнерусскому прошлому см.: РИЧКА В.М. Володимир Святий..., с. 196—198.
48. ЛЕВИЦЬКИЙ І. Історія Русі. Львів. 1878—1881; СВЕНЦИЦКИЙ И.С. Поучение Владимира Мономаха детям. Львов. 1902.
49. ФРАНКО І. Ор і Сирчан. В кн.: ФРАНКО І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Художні твори. Т. 5. Поезія. Київ. 1976, с. 310—322; ВОРОНИЙ М. Євшан-зілля. В кн.: Дніпрова хвиля. Київ. 1990, с. 471—472.
50. ВЕРСТЮК В.Ф. Революція 1917—1920 рр і Українсько-російські відносини. В кн.: ВЕРСТЮК В.Ф., ГОРОБЕЦЬ В.М., ТОЛОЧКО О.П. Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. Київ. 2004, с. 412 и далее.
51. ДЕРЖАВИН В. Великий поет-мислитель. В кн.: ФИЛИПОВИЧ П. Поезії. Мюнхен. 1957, с. 18.
52. Там же, с. 18.
53. После сталинского «великого отступления» к традиционным общественным и культурным ценностям в середине 1930-х гг. и как следствие — «реабилитации» тех князей и царей, которые внесли вклад в создание сильного государства или выступали против внешних врагов, образ Владимира Мономаха вновь приобрел положительные черты, и имя князя было возвращено на страницы исторических трудов. Однако писать о нем украинским историкам и писателям как о «своем» было «идеологически рискованно», ибо «старший российский брат» считал Киевскую Русь «началом своей исторической традиции». См.: КОГУТ З. Ук. соч., с. 223—224. Советская историческая политика середины 1930-х — начала 1950-х гг. была во многом руссоцентричной. Об этом см.: БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). М. 2017. В своих немногочисленных писаниях о Владимире Мономахе (страницах в общих трудах по истории Киевс-

кой Руси или Украинской ССР) украинским авторам приходилось следовать официальному канону, согласно которому прославленный князь изображался с позиций классового подхода и отчасти под влиянием советской великодержавной доктрины. Тон в таком двойственном отношении к Владимиру Мономаху задавали труды академика Б.А. Рыбакова. См. напр.: РЫБАКОВ Б.А. Обзор общих явлений истории IX — середины XII века. — Вопросы истории. 1962, № 2, с. 45; ЕГО ЖЕ. Первые века русской истории. М. 1964, с. 121—144; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 451—468; ЕГО ЖЕ. Мир истории. Начальные века русской истории. М. 1987, с. 196—214. Влияние автора обнаруживается и в построениях украинских историков. См.: ТОЛОЧКО П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев. 1987, с. 99—106; ЕГО ЖЕ. Київська Русь. Київ. 1996, с. 88—97; КОТЛЯР М.Ф. Історія України в особах. Давньоруська держава. Київ. 1996, с. 118—124; ЕГО ЖЕ. Полководці Давньої Руси. Київ. 1996, с. 108—124.

54. Интерес украинской эмиграции (как и любой другой) к славному прошлому неслучаен. Для людей, вынужденно оказавшихся вдали от Родины, образы прошлого, как отмечал М.В. Ковалёв, «служили социальными, пространственными и временными ориентирами, ведь они содержали в себе представление о потерянной Родине. Бегство в прошлое должно было не только излечивать душу, но пробуждать чувство национальной гордости». При этом «на первый план выходил культ выдающихся исторических деятелей», чьи образы становились своего рода «идеальными типами», призванными служить моральным примером для современников. См.: КОВАЛЁВ М.В. Историческая память и идентичность российской эмиграции 1920—1930-х годов: Очерки. Саратов. 2013, с. 13. Сказанное в полной мере имеет отношение к появлению в среде украинской диаспоры ряда поэтических произведений, посвященных Владимиру Мономаху.
55. С именем Владимира Мономаха связано первое упоминание о Прилуках в источниках. Так, в своем «Поучении» князь писал: «...и едучи к Прилуку городу, и сретоша ны внезапно Половечьскыя князи — 8 тысяч, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхомъ оуслали напередь на повозехъ, и внидохом в городь...». На следующий день, собравшись с силами, Мономах выступил против нападавших и в битве под Белой Вежей разгромил их, захватив в плен несколько половецких князей. См.: Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М.—Л. 1962, стб. 248. А.С. Орлов относил эти события к 1086 г., а А.Ю. Карпов — к 1087. См.: ОРЛОВ А.С. Владимир Мономах. М.—Л. 1946, с. 145; КАРПОВ А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М. 2015, с. 49—51.
56. ФИЛЮШКИН А.И. «Киевская Русь» в академическом и культурном дискурсе Восточной Европы последних лет: историографические и культурные перспективы. В кн.: Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Сборник научных статей по материалам международной конференции. Пинск. 2016, с. 13.
57. КОСТОМАРОВ Н.И. Князь Данило Романович Галицкий. В кн.: КОСТОМАРОВ Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1995, с. 147—148; ШЕНК Ф.Б. Ук. соч., с. 221, 262. Костомаров, по наблюдению В.М. Рычки, «прославлял галицкого князя как исторического предшественника независимости Украины». См.: РИЧКА В.М. Володимир Святий..., с. 198.

Михаил Юзефович — идеолог русского политического предмодерна

А.Э. Котов

Аннотация. Работа посвящена интеллектуальной биографии М.В. Юзефовича (1802—1889) — консервативного публициста, в настоящее время известного лишь своими воспоминаниями об А.С. Пушкине, примечаниями к «Запискам декабриста» Н.И. Лорера, а также ролью в подготовке «антиукраинского» Эмского указа. Лишь отчасти затрагивая события 1876 г., автор уделяет основное внимание общественно-политическим взглядам Юзефовича. Несмотря на смену отдельных оценок и суждений, «базис» убеждений Юзефовича на всем протяжении его жизни оставался неизменным, представляя собой своеобразное сочетание стандартных для своей эпохи «деталей»: национализма, демократизма, монархизма и служилого этоса. При том, что с годами в этом комплексе все более преобладал консервативный элемент, монархизм Юзефовича носил не сословный, а скорее «цезаристский» характер.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, славянофильство, украинский вопрос, польский вопрос, Юзефович, Катков, Аксаков.

Abstract. The work is devoted to the intellectual biography of M.V. Yuzefovich (1802—1889) — a conservative publicist, currently known only for his memories of A.S. Pushkin, notes to the «Memoirs of the Decembrist» by N.I. Laurer, as well as the role in the preparation of the «anti-Ukrainian» Emsky decree. Only partly affecting the events of 1876, the author pays much attention to socio-political views Yuzefovich. Despite the change of individual judgments, Yuzefovich's «basis» of belief throughout his life remained unchanged, representing a peculiar combination of standard for his era «details»: nationalism, democracy, monarchism and service ethos. Despite the fact that over the years in this complex the conservative element increasingly prevailed, the monarchism of M.V. Yuzefovich was not of aristocratic, but rather of a «caesarist» character.

Key-words: conservatism, nationalism, slavophilism, the Ukrainian question, the Polish question, Yuzefovich, Katkov, Aksakov.

Имя Михаила Владимировича Юзефовича в наши дни вряд ли знакомо широкому кругу читателей. Для российских литературоведов он, в первую очередь, — собеседник А.С. Пушкина во время путешествия в Арзурум, автор коротких воспоминаний о нем и комментариев к мемуарам декабриста Н.И. Лорера. Для украинских историков

Котов Александр Эдуардович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: akotov@inbox.ru.

Kotov Aleksandr E. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: akotov@inbox.ru.

и литературоведов Юзефович более значим как душитель первых ростков украинской идентичности, демонический предтеча последующих деятелей: В.Е. Маланчука и Д.В. Табачника ¹. Разумеется, реальный исторический деятель всегда и проще, и сложнее своего пропагандистского образа. В.П. Мещерский характеризовал Юзефовича так: «Старик этот ума не громадного, но горячей души, всегда сочувствующей всему хорошему» ². В данном контексте формулировка «все хорошее» лишь подчеркивает вторичность нашего героя — не только как администратора, но и как мыслителя. Однако именно эта вторичность — в сочетании с принадлежностью к декабристскому поколению и немалой продолжительностью дальнейшего жизненного и творческого пути — и делает Юзефовича интересным.

Михаил Владимирович родился в 1802 г. в Полтавской губернии; происходил из реестровых казаков, получивших дворянство от польских королей. По окончании благородного пансиона при Московском университете служил в Чугуевском уланском полку. Участвовал в персидской кампании 1828 г. и турецкой 1829 года. Был адъютантом Паскевича, отличился при взятии Карса. У крепости Ахалцых получил тяжелое ранение, однако, несмотря на оставшуюся в ноге пулю, прослужил до 1839 г., поучаствовав и в подавлении польского восстания. Во время службы на Кавказе «поэт Юзефович» познакомился с А.С. Грибоедовым, Д.В. Давыдовым и А.С. Пушкиным. Начиная с 1840 г. карьера Михаила Владимировича пошла по ведомству народного просвещения: он стал инспектором народных училищ Киевской губернии, а с 1843 по 1856 г. был сначала исполняющим обязанности помощника попечителя Киевского учебного округа, а затем и собственно помощником. С 1844 г. по поручению генерал-губернатора Д.Г. Бибикова Юзефович участвовал в работе Киевской комиссии для разбора древних актов, благодаря чему в 1845 г. стал членом Копенгагенского общества северных антиквариетов. Наконец, в 1856 г. он был назначен председателем упомянутой комиссии, а незадолго до смерти, в 1888 г., — председателем комиссии по устройству памятника Богдану Хмельницкому.

Археографическое дело Юзефович рассматривал как инструмент «народного самопознания» и, в конечном итоге, политической борьбы ³. Под его руководством Киевская археографическая комиссия издавала «Акты Юго-Западной России», в которых печатались по преимуществу материалы, посвященные тяжелому положению русского населения Польско-литовского государства. В свое время издание выдержало немало упреков польской и либеральной русской печати ⁴. Так, «Современник» утверждал, что в данном случае «комиссия изменяет свою почтенную ученую холодность и предпосылает собранию актов рассуждения чисто политические, вовсе неуместные в учебном издании». Критиковалась и односторонняя подборка документов: «Из памятников повседневной общественной письменности края, пользовавшегося свободою слова, нет ничего легче, как выписать места, выражавшие негодование современным состоянием, и по ним рисовать черными красками быт страны» ⁵.

С другой стороны, Киевскую археографическую комиссию поддерживал петербургский украинофильский журнал «Основа», перепечатавший обращение Юзефовича ⁶ — еще не окончательно разошедше-

гося тогда с идеологией издания. Кроме того, «Акты» были высоко оценены единомышленниками. М.О. Коялович находил в них «прекрасное, документальное раскрытие позднейшей судьбы казачества»⁷. И.П. Корнилов, бывший при М.Н. Муравьеве попечителем Виленского учебного округа и председателем Виленской археографической комиссии, писал Юзефовичу: «Великому делу и великой правде служите Вы и Ваша комиссия. Что бы с нами было, если б Киевская комиссия молчала, если б она не отвечала на польские притязания, клевету и ложь, прикрываемую личиною будто бы истории»⁸. Но высокие оценки относились не только к идеологическим вопросам. Корнилов положительно характеризовал подход Юзефовича к изданию источников: «Избранный Вами способ издания актов по предметам способствует тому, что каждый том представляет одно целое, посвященное известному вопросу, который может быть рассмотрен и подробно исследован в предисловии к актам, служащим основанием и материалом для исследований... Виленский учебный округ и Виленская археологическая комиссия не держались, к сожалению, Вашей системы, вследствие чего издания их суть сборники документов самого разнообразного содержания, при которых ученые предисловия... решительно невозможны»⁹.

Так или иначе, изданные Юзефовичем исторические источники и сейчас используются современными исследователями¹⁰. Михаил Владимирович приложил немало усилий для введения в научный оборот материалов не только местных, но и центральных архивов. Так, в РГИА сохранилась ведомственная переписка за 1861 г., посвященная допуску Юзефовича к Литовской метрике (которую сам археограф называл «метрикой Русской»), перевезенной в 1795 г. из Варшавы в Петербург¹¹.

В пореформенный период Юзефович активно занимался общественной деятельностью и стал, по свидетельству Мещерского, «центром всего русского в Киеве»¹². Под «всем русским» в данном случае следует понимать прежде всего «кружок “Киевлянина”», куда входили В.Я. Шульгин, Н.К. Ренненкампф, Н.Х. Бунге, а также ряд других местных профессоров и чиновников, разделявших основной тезис редакционной программы: «Этот край русский, русский, русский». Статьи Юзефовича появлялись на страницах и других изданий «русского направления»: в «Вестнике Западной и Юго-Западной России», «Московских ведомостях» и аксаковском «Дне». Большинство этих текстов носило полемический характер и было направлено против поляков и нарождавшегося украинского национализма. С последним Михаил Владимирович боролся и административными методами. История этой борьбы, в достаточной степени отраженная в украинской¹³ и современной российской¹⁴ историографии, и сделала «северного антиквария» региональным символом доносительства, карьеризма и даже (с украинской точки зрения) коллаборационизма.

Поводом для обвинений послужило, прежде всего, активное участие Юзефовича в подготовке Эмского указа 1876 г., ограничивавшего использование «малорусского наречия» в пределах Российской империи. За это во второй половине 1870-х гг. «благодарные» оппоненты адресовали Михаилу Владимировичу целую оду, в которой, в частности, содержались намеки на его участие в ликвидации местных цент-

ров украинофильства — газеты «Киевский телеграф» и Киевского отделения Русского географического общества: «Для честных деятелей мысли / Ты был врагом и будешь век...»¹⁵

Впрочем, умеренный украинофил А.Ф. Кистяковский, считавший Юзефовича «мерзавцем, идущим по пути доносов и подстрекательства», сохранил в своем дневнике и свидетельство противоположной стороны: «Тернавский стал уверять меня, что дядюшка его доносов не писал. Вся его вина заключалась в том, что он написал статью для напечатания в “Киевлянине”, и когда статья эта не была пропущена, то он представил ее с жалобой министру внутренних дел. А этот сановник представил ее государю. Государь... назначил Юзефовича в особую комиссию по малороссийским делам. Результаты известны»¹⁶.

Тем не менее, оппоненты были безусловно убеждены в оппортунизме «северного антиквария». Так, М.П. Драгоманов иронизировал: «... г. Юзефович, переживший столько систем, пережил их столько, что трудно составить себе ясное понятие о том, какой же он системы защитник... Самоотвержение... с коим г. Юзефович переживает разные эпохи, служит разным системам и высказывает разные мнения с одинаково стоической силою»¹⁷. К этому «общему мнению» Кистяковский чуть позднее прибавлял уверенность в том, что «если бы восторжествовала революция, он бы и ей предложил свои услуги»¹⁸.

Во многом эти обвинения носили субъективный характер: они раздавались и, вероятно, будут раздаваться в адрес многих «государственников». Тем более, ни святым, ни мучеником идеи Юзефович не был. Служилый человек по происхождению и воспитанию, он действовал доступными ему методами и, разумеется, не отказывался от служебной карьеры, которую, впрочем, делал не вполне умело. Например, в 1862 г. Михаил Владимирович обратился к управлявшему тогда III отделением А.Е. Тимашеву с просьбой о назначении губернатором в одну из малороссийских губерний. В своем прошении Юзефович утверждал: «Я предпочитаю службу по министерству внутренних дел всякой другой, во-первых, потому, что в нем сосредоточены все главные вопросы, составляющие основу нашей современной жизни, а во-вторых, потому, что высокое уважение к лицу министра и глубокое доверие к его направлению разделяется у нас всеми благомыслящими людьми, облегчают путь тому, кто хочет быть чистым и искренним исполнителем правительственной воли». Соискатель считал, что «мог бы не без пользы занять губернаторский пост. Живя постоянно в провинции, я имел возможность близко узнать современное положение у нас вещей и уяснить себе не с одной формальной стороны, как преследуемые правительством цели, так и препятствия, их затрудняющие»¹⁹.

Столь «неформальный» губернатор Министерству внутренних дел не понадобился, и год спустя Михаил Владимирович при посредстве генерал-губернатора П.В. Анненкова обратился уже к министру просвещения А.В. Головнину с просьбой. Записка эта во многом характеризует своего автора и понимание им собственной миссии:

«Прослужа 40 лет и в том числе последние 6 лет без жалованья, я никогда не утруждал правительства просьбою о каком бы то ни было пособии. Служба моя, как военная, так и гражданская, всегда была

одобряема. Я участвовал в войнах персидской, турецкой и против польских мятежников, был ранен и остался с невынутой пулей в ноге. Потом в звании помощника попечителя киевского учебного округа, в продолжении 13 лет, постоянно принимал деятельное участие в управлении оным, а во время подчинения округа генерал-губернаторам, нес непосредственно на себе все заботы и ответственность по наблюдению за внутренним порядком университета и учебных заведений, которые в этом отношении, всегда признавались в состоянии удовлетворительном и удостоивались высокого одобрения покойного государя. Наконец, будучи принужден оставить учебную службу и принять на себя звание председателя временной комиссии для разбора древних актов, я дал новое направление занятиям, привел, по новому плану, в правильную систему все труды, подвергнул исторические материалы ученой разработке в самой комиссии, и прежние сухие сборники актов обратил в издания, заинтересовавшие публику и положившие у нас прочные основы правильному взгляду на отношение западного округа к Польше, для отпора польским на него притязаний. В этом отношении издания комиссии были у нас первым серьезным органом по исследованию русско-польскому вопроса.

Я говорю это не с тем, чтобы возвысить свои заслуги, а с тем, чтобы представить свидетельства, что во всю мою службу я честно старался не казаться, а быть полезным, по мере моих сил и разумения. Моя нынешняя служба не представляет никаких выгод ни в почетном, ни в материальном отношении. Множество моих сверстников и даже некоторые бывшие подчиненные далеко уже стали выше меня по служебной лестнице; но я довольствовался сознанием той пользы, какую мог приносить отечественному делу, оставаясь при нынешних моих занятиях, и рад был служить безмездно, пока не истощились мои собственные средства и не расстроилось небольшое мое состояние, угрожая мне и семейству безвыходным положением в будущем»²⁰.

Наличие у себя определенных принципов Юзефович подтвердил в частности своим конфликтом с генерал-губернатором А.М. Дондуковым-Корсаковым, которого В.А. Бильбасов характеризовал тогда «крайним негодяем, прочитывающим ежедневно единственно лишь “Весть”»²¹. Глава администрации Юго-Западного края враждебно относился к идеям «русского направления» и стремился всячески препятствовать общественной деятельности кружка Юзефовича-Шульгина. Это, по свидетельству Мещерского, привело к разделению Киева на две партии: «административную» и «русскую», во главе которой и оказался Юзефович²². Князь писал наследнику, что «III отделение считает его красным за то, что несмотря на положение неофициальное, нет русского человека в Киеве, который бы к нему не поехал с приветствием сочувствия, за то, что по пятницам у него собираются все мыслящие люди в Киеве, и беседа бывает оживлена столько же умом, сколько благородным патриотизмом, за то, наконец, что этот человек никогда не молчал, когда русскому делу грозила опасность в этом крае»²³. Не молчал Юзефович и в 1875 г., когда на обеде, данном в честь принятия Дондукова-Корсакова в почетные граждане Киева, он фактически обвинил верховного начальника края в потакании украинофилам. Таким образом, вопреки утверждениям совре-

менников о том, что конфликт носил субъективный характер (то есть был следствием исключения Юзефовича из Киевского отдела Русского географического общества), обусловлен он был скорее логикой идейной борьбы.

Впрочем, и ранее Юзефовичу случалось попадать в неловкие ситуации, схожие с теми, в которых регулярно оказывался М.Н. Катков. Так, в марте 1868 г. вполне лояльный кружку «Киевлянин» предшественник Дондукова-Корсакова А.П. Безак телеграфировал «северному антикварию»: «Генерал-адъютант граф Шувалов, в конфиденциальном письме от 9 марта № 713 сообщил мне, что Государь Император, прочитав благосклонно всеподданнейшее письмо Ваше, в котором Вы выражаете Ваши верноподданнейшие чувства, изволил отозваться, что Он не сомневается в преданности Вашей Ему, но что желательно, чтобы она не выражалась впредь резкими осуждениями правительственных действий»²⁴.

Таким образом, и безусловным оппортунистом Юзефович не был. Разумеется, его общественно-политические воззрения со временем менялись — но не столько в результате административных перемен, сколько под влиянием общественных настроений и прочитанных книг. Идейная эволюция «северного антикварию» во многом следовала за эволюцией его интеллектуальных авторитетов — славянофилов и Каткова. При этом определенный идейно-эстетический «базис» Юзефович пронес через всю жизнь, оставаясь последовательным монархистом и сторонником «русского направления».

В 1860 г. он писал Галагану: «Теперь с каждым днем становится более и более ясно, что мы не Европа, а Россия: самостоятельное звено между Европой, Азией и Америкой, особая между ними часть света, отличающаяся от них самобытными отличиями религиозной, племенной и исторической розни, и связывающая их, но не сливающаяся ни с одною из них»²⁵. Но наиболее полно свои историко-философские воззрения Юзефович изложил в статье 1857 г. «О значении личности у нас и на Западе», не пропущенной цензурой, но в сущности представлявшей собой не более, чем упрощенное изложение основных славянофильских тезисов: «Мы разошлись с западными народами с самой исходной точки исторической жизни: они образовались из завоевания, а мы устроились без всякого вмешательства внешнего насилия»²⁶. Своеобразие русского пути Юзефович видел, разумеется, в «нашей мирной равноправной общине», которая, впрочем, никак не отрицала развития личного начала: «Странно предполагать, чтобы христианский народ, проживший общественную жизнь несколько веков... остался сам в себе без всякого значения и нуждался в заимствовании самой о том идеи». Именно поэтому, в силу свойственных русскому человеку смирения и самопожертвования, у нас «значение человеческой личности было создано в пользу ближнего. На западе, напротив, среди общества, разделенного между насилием и сопротивлением... значение человеческой личности было им осознано в пользу свою»²⁷.

Как следствие, «в западном человеке... развилось по преимуществу чувство личного себялюбия», и в Европе «везде двигателем являлся эгоизм», породивший на первых порах феодальную систему. Следствием насильственной природы последнего стало противопос-

тавление народа и государства: «С одной стороны власть, не связанная с народом никаким нравственным началом, приобретает достаточную силу, пошла путем своих личных, т.е. деспотических стремлений; с другой стороны народы... стали смотреть на нее уже не как на ручательство общего права и общего блага, а как на посягательство на их»²⁸. Поэтому «борьба и насильственные перевороты составляют естественную двигательную силу и необходимое условие так называемого прогресса в западной общественной жизни»²⁹.

В противоположность Западу, в России «зародыш общины» «свободно и последовательно» вырос «в единство племенное, единство народное и единство государственное»³⁰. Отвечая польскому публицисту Пржещлавскому, характеризовавшему славянофильский образ русского народа как «большие Панургова стада», Юзефович утверждал: «У русского народа есть действительно табунные свойства, но опять-таки не те, которыми обуславливаются Панурговы стада, а те, которые почерпаются им из общинного быта»³¹.

При всем своем антизападничестве изоляционистом Юзефович не был. Он безусловно признавал и в целом положительно оценивал роль в русском историческом процессе внешнего воздействия: «варяжского», «татарского» и «византийского». По мнению «северного антиквария», «варяжская стихия» «не изменила основного характера нашего развития», а православно-византийская ему не противоречила. Власть же татар «имела и хорошую сторону»: содействовала восстановлению политического единства³². Положительно оценивал Михаил Владимирович и петровские реформы — впрочем, не рассматривая их как реальную вестернизацию. Русских дворян XVIII в. он характеризовал как «снаружи будто иноземных, но русских сердцем и душой»³³.

С этого момента Юзефович расходился со славянофилами. Государство представлялось ему не «бюрократическим средостением» между царем и народом, но, подобно общине, результатом органического развития «от шлема варяжского к шапке Мономаха»³⁴. Поэтому «личные, т.е. деспотические стремления противны существу ее»: «Деспотизм до того чужд нашему организму, что мы даже понять его не можем в лице Иоанна IV, и до сих пор ищем смысла его как загадки; искали этого смысла даже в сумасшествии. — Иоанн, устремясь в деспотизм, сам не мог сладить с своим положением: земский собор и опричина суть такие противоречия, которые можно объяснить только одним: что для деспотизма не существует у нас логического пути, что, выделяя себя из народа, власти нельзя у нас выражаться иначе как несообразностями, злоупотреблением средств, и, смотря по характеру лица, крайностями, от которых страдает народ, но в которых и сам деспот всегда находит заслуженное себе наказание»³⁵. Позднее, иронизируя над замечанием Лорера о русском «самодурном деспотизме», Юзефович заметил в своем комментарии: «Этот самодурный деспотизм освободил 20 миллионов крестьянских душ и положил такие основания русской жизни, о каких и не мечталось русским европейцам 25-го года»³⁶. Любопытно, что именно «органический» и «демократический» характер русской монархии и придавал ей цезаристские черты: «Но всех мечей Наполеонов / Славней петровский наш топор»³⁷.

Своего рода предсказанием «цезаристских» трансформаций XX столетия оказался небольшой панегирик Юзефовича в честь Николая I — правителя, первым почувствовавшего «несостоятельность нашего развития» и начавшего поворот от европейского пути к русскому: «...воздадим ему пока должную благодарность за возможное, им сделанное для великого вопроса нашей народности, за важную заслугу начатого им поворота, которого не остановит уже никакая противоборствующая сила: нашей крепкой несокрушимой народности, раз вызванной к самопознанию, не одолеют уже никакие чуждые ей убеждения, и ежели у нас еще недавно видели русских людей, которые после падения Севастополя говорили, что они плакали при известии об этом событии и чувствовали себя способными умереть за Россию, хотя и не желали ей победы, то на окопах того же Севастополя видели в первый раз и выпущенных на волю каторжников, которые геройски защищали свою тюрьму и умирали за нее, говоря: хоть тюрьма, да наша!»³⁸

Демократизм Юзефовича носил, по его собственному мнению, консервативный характер. В ответе польскому публицисту М. Грабовскому он подводил своего рода итог своим размышлениям: «Наш русский демократизм не что иное, как искреннее, бескорыстное, врожденное русским народолюбие, а в общинное понятие наше о народе равно входят все его стихии, все его члены, от царя до последнего человека... Следовательно, наш демократизм не только не носит в себе никакого разобщающего начала, а напротив, он весь проникнут началом единения... наш демократизм не только не революционен, — он даже очень консервативен. Его задача — не разрушать, не разобщать, а сближать, примирять, единить то, что временно разъединили было у нас чуждые, извне приращенные к нам начала. Против всякого иного демократизма мы первые будем протестовать всею силою наших убеждений»³⁹.

Но, разумеется, мракобесом и реакционером Михаил Владимирович себя не считал, расценивая произвол как признак слабости власти. В 1878 г. он писал И.С. Аксакову после закрытия Московского славянского благотворительного общества: «... Тут двойная игра, разоблачающая донага полнейшую несостоятельность нашей охранительной власти справиться с задачами нашей современной жизни... Нет человека, который громче меня требовал бы у нас сильной, законом уполномоченной охранительной власти, который глубже меня был бы убежден, что без нее свобода обращается в безобразнейшее из нравственных человеческих безобразий. Я не прочь даже и от диктатуры, если при известных обстоятельствах нормальный закон оказывается недостаточным. — Но как помириться с охранительными органами власти, которая, к допуссаемому ими безобразию свободы, прибавляет еще, где можно, безобразия своего произвола? Которые... разгоняют общество, честно служившее делу, самим Царем называемому и, рядом с этим, пропускают безнаказанно такие безобразия, которыми ознаменовалось у нас нынешнее время: в судах, где оправдывают убийц; в храмах Божьих, где негодяи справляют панихиды с сигарами в зубах, на улицах, где в столице среди бела дня совершается разбой, или ранят и убивают солдат, с запрещением им действовать оружием»⁴⁰.

Резкий тон статей Юзефовича нередко привлекал внимание чиновников Главного управления по делам печати. Так, в сентябре 1866 г. надворный советник Вильде заинтересовался его статьей «Несколько мыслей и соображений по поводу покушения 4 апреля», появившейся в № 107 «Киевлянина» и изданной отдельной брошюрой. В своем докладе цензор отметил, что предложение автора статьи остановить распространение нигилизма «посредством подчинения печати не административной, а судебной цензуре», противоречило законодательству: «Совет усматривает в данной статье не обсуждение закона 6 апреля, дозволенное в печати, но осуждение принимаемых на основании этого закона мер, и притом в подцензурном провинциальном издании, пользующемся от правительства пособием, полагает: сделать замечание цензору, дозволившему упомянутую статью к печатанию»⁴¹.

Цензурные злоупотребления Юзефович считал разновидностью все того же произвола. Еще в 1854 г. он писал М.П. Погодину: «Бессмысленно губят отечественную мысль и разрушают опоры отечественному чувству... Ежели некому, то хоть я готов поднять голос и высказать всю правду. Надеюсь, что в Петербурге вы заставите себя выслушать; но нужно, почтеннейший Михаил Петрович, им выставить не частности, а все вместе, потому что для этих бегемотовских лбов нужна не пуля, а доброе ядро»⁴². Позднее Юзефович также неоднократно выступал против специфики российской цензуры: «И враги наши не могли бы придумать лучшего средства для поддержания западного влияния на умы: стеснение отечественного слова в пределы какого-то официального формализма лишало возможности самые благонамеренные у нас умы не только свободно развивать полезные идеи, но даже разумно противодействовать самым опасным заблуждениям, развивавшимся у нас под влиянием западных теорий... Цензура, стесняя отечественное слово, не только не стесняла распространения у нас вредных мыслей, но содействовала ему»⁴³.

К «вредным мыслям» публицист относил не только «полонизм» и украинофильство, но также либеральное и консервативное западничество. Впрочем, все это он приводил к некоему общему знаменателю: «В переходные эпохи всегда и везде накаплиются и проползают наверх негодные люди всех величин, как новых зданиях негодные насекомые. Отсюда все аномальные явления в нашей современной жизни: возможность таких личностей, как высоко стоящие у нас покровители ксендзов и панов, таких газет, как “Весть”, доказывающая, что нам нужно дорожить польской интеллигенциею...»⁴⁴

Русское либеральное западничество Юзефович считал уникальным историческим явлением: «... в их глазах Европа такое же для нас Vaterland, как Германия для немцев. Этот европейский космополитизм свойственен нам одним. Он менее всего соединим с духом современной Европы»⁴⁵. Корни этого Михаил Владимирович видел не в петровских преобразованиях, но во временах Александра I, которого в переписке с Аксаковым характеризовал как «аракчеевского гуманиста»⁴⁶: «Сделавшись европейцами по приказу, мы в старину ограничивались одной европейской обрядностью, оставаясь внутри русскими. Но с тех пор, как наша политика обратилась из национальной в европейскую... с тех пор стало нарождаться у нас и племя нынеш-

них европейцев. Эти люди не могли, разумеется, превратиться ни в немцев, ни в французов, ни в англичан: они могли становиться только европейцами-космополитами. Подобные европейцы таковы, что принадлежи они к любому европейскому народу, в их руки не мог бы там попасть ни один политический вопрос..., но у нас они приобрели ход и влияние»⁴⁷.

Таким образом, либеральное западничество Юзефович рассматривал сквозь призму национального вопроса, считая современных ему западников отрицателями национального пути. Польский же вопрос Михаил Владимирович позиционировал не как национальный, но как сословный⁴⁸. Отвечая на страницах «Архива Юго-Западной России» на упреки в подтасовке публикуемых исторических документов, он первоначально занял примирительную позицию: «Тяжба между нами кончена, и у нас нет ни одного нравственного интереса, который побуждал бы нас к такого рода действиям». Тезис об ответственности поляков за притеснения русского населения Юзефович обосновывал довольно своеобразно: «Чем же мы виноваты, если исторические памятники не представляют здешнего прошедшего в таком свете, в каком желало бы его видеть польское патриотическое чувство? Но верно ли это чувство отзывается в груди польских патриотов? Вот вопрос. У какого народа не осталось в истории следа пороков, злоупотреблений, преступлений? К чему же гневаться на историческую правду?... Нас, русских, всего менее, кажется, можно упрекнуть в самолюбивом пристрастии к себе: мы сами о себе издаем, как драгоценные свидетельства, такие сказания, как сочинения Флетчера о русском государстве, и не сердясь смотримся в зеркало Гоголя. — При таком направлении духа несправедливо предполагать в нас склонность выгораживать себя за счет других»⁴⁹.

Однако русско-польская тяжба не была окончена, и в том же году Юзефович поместил две статьи по польскому вопросу на страницах издававшейся русскими властями за границей газеты «Le Nord» (№ 184, 293). Эти публикации вызвали ответ со стороны польского публициста Грабовского, из рыцарских соображений опубликованный Аксаковым на страницах «Дня». Грабовский настаивал на том, что Правобережная Украина принципиально отличается от Малороссии — она ближе к Польше, чем к России: «... Прошедшие судьбы дали такую могущественную организацию этим провинциям, что они до сих пор остаются почти тем же, чем были во времена Польши. Нет никакой возможности смешать их с центральными провинциями России. При самом поверхностном обозрении нельзя не заметить, например, значительной разницы между губернией Киевской и Тверской и даже Черниговской — хотя и пограничной, но уже носящей вполне тип малороссийский». Таким образом, в центре полемики был вопрос не о независимости Польши, но о принадлежности Западной России — то есть Юго- и Северо-Западного края. Объектом же критики Грабовского оказывались «такие защитники России монархической и самодержавной, которые проповедуют то же самое, что социалисты и самые отчаянные нивелеры-уравнители», призывающие к «восстанию одного сословия против другого»⁵⁰.

В ответ Юзефович утверждал: «Всем известная история свидетельствует о бывших стремлениях к единению не только между ли-

товско-русским и московско-русским государствами, т.е. между западною и восточною Русью, но даже между Польшей и Москвой. Такие стремления между последними выражались не только в сеймовых или соборных толках, но в формальном избирании на государство русского Царя». Живущим же в Западной России полякам публицист рекомендовал следующую стратегию: «Что же, однако, делать с собою здешним полякам? Скажу на это, что бы я сделал, будучи оседлым гражданином чуждого мне государства. Я спросил бы свою совесть и поступил бы по ее приговору: остался бы там на праве и с обязанностями туземного гражданина этого государства, как член его народа; или же, как член другого народа и другого государства, остался бы там на праве иностранца, владеющего в чужом краю поземельною собственностью»⁵¹.

В письмах Аксакову Юзефович был более откровенен: «В сочувствии бедному польскому народу, и даже в вере в него, я не уступаю никому, но для него, для польского народа, может быть еще более, чем для нас самих, необходимо сломить здешнюю шляхту». Говоря же о местных поляках, «северный антикварий» задавался риторическими вопросами: «... не будет ли с нашей стороны уж чересчур гуманно обвинять за них наше правительство. Чем обделила их в русских правах Екатерина? Не сделал ли для них Павел более, чем допускала здоровая политика? Наш аракеевский гуманист Александр не заботился ли о них более, чем о русском народе?»⁵²

Десять лет спустя, в полемике с другим польским публицистом, Пржецлавским, Юзефович был уже более резок в отношении шляхты: «Что такое польская история? Это жизнь одной касты, в государстве без народа и без правительства: с королевскою куклою сверху и с порабощенным до полного бесправия народом под ногами. Сочетав славянский демократизм с германским аристократизмом, эта каста произвела на свет ту беспримерную политическую аномалию, которая называлась Речью Посполитой...»⁵³ Тем не менее, польский народ Михаил Владимирович отделял от шляхты: «Мы уже достаточно ознакомились с польской историей..., чтобы не смешивать в одно понятие таких разнородных стихий, как польский народ, еще не существовавший в смысле исторического фактора, и как шляхетская каста, живущая паразитом на счет его и поглощавшая все его соки. Нынешний польский народ есть новорожденный младенец, принятый Россиею от купели и духовно усыновленный ею»⁵⁴.

Признавал Юзефович и просчеты русских властей: «благомыслящие поляки», по его мнению, далеко не всегда обеспечивались «и с нашей стороны твердою последовательностью и бесповоротностью действий»⁵⁵. Однако в целом «в Царстве Польском возможный прогресс не только не останавливался под Русскою державой, но на миллионы, ежегодно отпускавшиеся из Русского казначейства... такой прогресс шел безостановочно»⁵⁶.

Полемика с польскими публицистами принесла Юзефовичу известность и авторитет в консервативных кругах. Корнилов в 1884 г. писал ему: «Вы — старый, сильный и опытный боец за русские народные и государственные права. В самую горячую пору польского восстания, в 50-х и 60-х годах — Вы боролись в первых рядах с польскою пропагандою, руководили этою борьбою и своими превос-

ходными историческими статьями наносили врагам тяжелые удары»⁵⁷. Впрочем, польский вопрос не воспринимался Михаилом Владимировичем, как неразрешимая проблема западных окраин империи. Он был вполне уверен в том, что «против нас не Сципионы и не дальновидная политика мудрых людей, а бездушные интриганы, продажные журналисты, да козлы панургова стада; за нас — державное слово, торжественно произнесенное с трона: да будет Западный край русский вполне Русским»⁵⁸. Куда более принципиальным становился в это время вопрос украинский, который, к тому же, был тесно связан с личными взаимоотношениями различных киевских литературных и общественных деятелей того времени. Как известно, поддержав П.А. Кулиша в начале его деятельности, Юзефович сохранил отношения с ним и после событий 1876 г. — Кистяковский даже писал о «малороссийской солидарности» между основателем и гонителем украинства⁵⁹.

В.М. Белозерскому, редактору украинофильской «Основы», Михаил Владимирович писал в 1860 г.: «У нас с вами более недоразумения, чем разногласия». Допускал он и преподавание на народном языке в начальных школах⁶⁰ — главное требование тогдашнего украинофильства. Однако остальные его тезисы были менее приемлемы для адресата: «История Украины, как бы ни были славны ее подвиги и заслуги, есть все-таки не более как эпизод в нашей русской истории»⁶¹. Обосновывал это автор как геополитическими, так и философско-психологическими аргументами.

С одной стороны, «географическая площадь, на которой уселись и расселились славянские племена... не представляет никаких естественных разграничений... Отсюда... никогда ни при каких раздроблениях не терявшаяся в понятии народа идея единства русской земли; с другой стороны... вечное стремление отдельных частей к расширению и наконец та возникшая вековая борьба, которая приводила Литву с Польшей до Москвы и привела окончательно Россию в Варшаву... Тут должно было неминуемо образоваться и образовалось одно государство»⁶².

С другой, «главная отличительная черта между нашим и северным племенем заключается в том, что у северного племени общинное начало укреплено за счет начала личного, а у нашего наоборот личное начало развилось за счет общинного, этой коренной основы славянской жизни. Вследствие этого там вошел в нравы консерватизм, здесь либерализм. Ежели предоставить каждому из этих племен продолжать свое развитие порознь, то неминуемым следствием разобщения будет то, что там консерватизм впадает в неподвижность формальной стороны веры, а здесь либерализм увлечется в личную исключительность Запада: то и другое было бы совершенно противно самым важным интересам и помешало бы полноте того развития, от которого, по всем соображениям, зависит решение главного вопроса общеевропейской жизни»⁶³. Соответственно, «союз нашего племени с великорусским» Юзефович характеризовал как «духовный, так сказать, племенной брак,... акт в высшей степени законный и один из важнейших актов в истории человеческого развития», а заключал письмо следующим утверждением: «Охранение национального между нами единства взаимно связано для нас с высшими интересами бытия»⁶⁴.

В 1875 г. в не пропущенной цензурой статье для «Киевлянина» (1875) публицист уже говорил об украинофильстве как о политическом явлении: «Для России, для исторических задач ее, для задач всего славянского мира, украинофильство во всех своих формах — как национальный партикуляризм, как сопутствующий ему национальный сепаратизм или как демократический социализм — одинаково составляет величайшее общественное зло, не вызываемое обстоятельствами жизни..., а навязываемое искусственно недобросовестностью, обманом, иезуитскою интригою или самым пошлым самодурством»⁶⁵.

В адресованной А.Л. Потапову записке «О так называемом украинофильском движении» Юзефович развивал этот тезис: «Украинофильство есть ни что иное, как средство к произведению внутренней смуты для чисто революционных целей. Между русскими племенами никогда не было национальной розни. Вера, язык, исторические начала и идеалы — все у них общее. Для их этнографического обособления нельзя даже найти географической черты. Их этнографические цвета сливаются как радужные, неразделимые между собою полосы... Чувство преданности царям, при одинаковой силе, едва ли не живее отзывается в сердце малороссиянина, чем у остального народа, т.к. у нас оно свежее, подобно тому, как у людей, возвращенных в свою семью после долгой разлуки»⁶⁶.

В сущности, публицист не прибавлял ничего нового к аргументам, высказывавшимся тогда другими противниками украинского национализма. Как и Катков, Юзефович видел истоки украинофильства в «польской интриге». Однако, в отличие от «московского громовержца», киевский деятель называл точные имена и явки ее участников — встретившихся в Варшаве Грабовского и Кулиша: «Отправившись туда почитателем Хмельницкого до обожания, Кулиш вернулся назад ругателем его до ненависти. Оказалось, что умный и ловкий поляк, найдя в Кулише удобное орудие, в несколько недель перевернул на свой лад все его прежние взгляды и понятия: уверил его в самостоятельном значении и громадном историческом призвании малорусского племени, как особого народа». Легкомысленный и заносчивый Кулиш «отдался всецело внушениям Грабовского», а затем идею подхватили Белозерский и Костомаров. Благодаря последним, «украинофильская затея в смысле политической партии родилась не в Киеве, а в Петербурге»⁶⁷.

Как отмечалось выше, поддерживая основные историософские положения славянофилов, Юзефович далеко не во всем разделял их взгляды. Его положительная программа национального строительства, сформулированная в статье «Народность и государство», была скорее упрощенным изложением катковской версии русского национализма. Михаил Владимирович писал: «Исключительное значение русской народности не может распространяться на русское государство, так как государство есть организм не этнографический, а политический, которому ежели и необходимо народное средоточие жизни, то основным элементом существования его служит территория. В силу этого закона, племенная однородность не только не есть неизбежная потребность государства, а напротив того, на географических пространствах, которые по естественному своему образованию, предназначены природою для государственных единиц, подобно площади,

занимаемой Россией, требование такой однородности было бы отрицанием самой возможности государственного бытия. Государству нужно не этнографическое, а политическое единство, условия которого у нас те же, что везде. Эти условия ограничиваются так называемую политическую национальностью, которая не имеет нужды проникать глубоко во внутренний состав человека и довольствуется для объединения связующим узлом имени, языка и политических законов... Каждый русский подданный, без различия племен и вероисповедания, не только вправе, но и обязан считать себя и именоваться русским. Ограничивать такие национальные требования государства или простираť их далее, смешивая два начала, — государственное и народное, — в одно представление, значило бы упразднить самую возможность государственного объединения»⁶⁸.

Публицист выступал и против отождествления «русскости» с православием: «Русские люди, живя на русской земле, не могут считать себя детьми другого племени... Но по русско-православной теории, так как они иноверцы, им нельзя позволить быть русскими. Другими словами, им нельзя разрешить засыпать ту пропасть, которая теперь отделяет их от нас, и в последнем выводе мы должны, хотя бы и насильно заставить их (католиков. — А.К.), оставаться поляками!... Как ни всецело мы проникнуты истиною православия; но мы не можем согласиться с требованиями теории, так беспощадно изолирующей от национального центра составные части государства». Таким образом, Юзефович присоединялся к программе русификации католичества Каткова: «А ежели бы еще правительство решилось твердо заявить свои требования об упразднении здесь польского языка, польского обычая и польского имени во всех отправлениях общественной жизни, то для многих, убедившихся в своем русском происхождении, такие требования послужили бы поводом к честному выходу из ложного и тяжелого положения... Затрудняться нам на этом пути религиозным вопросом нет достаточной причины. Напротив того, обращение здешних ополяченных русских к родовому своему началу отняло бы у латинства то именно оружие, которое только и может одно наносить нам язвы — оружие польщизны». По мысли публициста, достаточно было вычеркнуть «гражданин Рима» «из латинских титулярных формул», а «остальное можно предоставить времени и той неотразимой силе, какую носит в себе всякая истина, а тем более такая истина, как православие»⁶⁹.

Тринадцать лет спустя в письме к П.И. Бартеневу Михаил Владимирович отвечал на критику этой статьи со стороны различных «шовинистов»: «Вот тут-то и накидывались на меня: как можно у нас татарину, немцу, поляку и жи́ду позволить называться русскими? Они должны повиноваться законам государства, но не смеют присваивать себе имя русского народа». Отвечая на это, Юзефович указывал: «... отнимая у них имя государственной народности, вы сами их выделяете из государственного единства, и лишаете их притом права и на общее отчество, т.е. заставляете их быть иностранцами в стране, которую, по данной им присяге, они обязаны признавать своею. А так как без отечества нет гражданина и не исполним никакой гражданский долг, то вы наших татар, немцев, поляков, жидов нравственно освобождаете от гражданского долга, оставляя их при одних обязан-

ностях формального закона»⁷⁰. Эти рассуждения также соответствовали взглядам Каткова на национальный вопрос.

Соответствовали идеологии «Московских ведомостей» и взгляды Юзефовича на еврейский вопрос. Считая еврейство Юго-Западного края орудием «шляхетского произвола», публицист отвергал мысль о его «органической порочности» и настаивал на отмене черты оседлости: «Держа евреев взаперти на занимаемой ими местности, мы, кроме того, заперли их еще в корпоративном устройстве, с особыми школами, особым языком, особым судом, особою системою общественных и государственных повинностей, со всеми атрибутами касты. А как известно, дух касты служит самым крепким оплотом для нравственного и гражданского застоя»⁷¹.

Иногда Михаил Владимирович опережал эволюцию воззрений, высказанных Катковым. Будучи сторонником университетской автономии до 1863 г., уже в 1866 г. Юзефович считал, что «автономия представляет живую силу и полезна там, где общий интерес непосредственно связан с интересами частными... Автономия в наших университетах, в совокупности с богатым профессорским содержанием, гораздо вероятнее может привести к патронатству, к клиентству...». Впрочем, и классическое образование публицист не считал панацеей, отмечая нехватку в стране квалифицированных кадров⁷². Позднее он заключил: «Проституцию нашей школы, сверху донизу, без всякой дисциплины, как нравственной, так и умственной, не мог исправить введенный в нее одиночно классицизм»⁷³.

С годами в публицистике «северного антиквария» не могли не усилиться консервативные тенденции. Так, критикуя в начале 1880-х гг. либеральную интеллигенцию, он обратился к теме телесных наказаний, настаивая на том, что «у большинства детей животные инстинкты опережают духовное развитие и могут быть укрощаемы... только страхом животного же наказания». Публицист утверждал, что розги — менее жестокая кара, чем исключение из школы: «Есть люди, достигшие значительного служебного положения, которые при нынешнем либеральном порядке неминуемо подверглись бы исключению и, может быть, погибли бы, но в то время были спасены розгой и мне лично напоминали о своем спасении с благодарностию»⁷⁴.

В целом, всю свою долгую жизнь Юзефович оставался убежденным и последовательным сторонником «русского направления». Его отдельные оценки и суждения менялись, однако в них на протяжении большей части XIX столетия сохранялся определенный «базис», который можно охарактеризовать как своеобразное сочетание стандартных для своей эпохи «деталей»: национализма, демократизма, монархизма и служилого этоса. Несмотря на то, что с годами в этом комплексе все более преобладал консервативный элемент, монархизм Михаила Владимировича носил не сословный, а скорее «цезаристский» характер. Впрочем, это было отличительной чертой пореформенного «русского направления», противопоставлявшей его сословно-легитимистскому консерватизму.

Примечания

- Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2018 г.).
Тема: «Российская консервативная печать 1860-х — 1890-х гг. в борьбе с революционным и национальным радикализмом». № гранта МД-5387.2018.6.
1. ПАНЧЕНКО В. Попередники Табачника: 3 історії українофобства (Михайло Юзефович і Валентин Маланчук). <https://web.archive.org/web/20160305013304/http://www.aej.org.ua/History/541.html>.
 2. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869—1878. М. 2014, с. 245.
 3. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Некоторые соображения о лучшей организации деятельности археографических комиссий. Киев. 1875, с. 1.
 4. БРАЧЕВ В.С. Киевская археографическая комиссия (1843—1917). — Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1987, вып. 2, № 9, с. 79.
 5. ПЫПИН А.Н. Рец.: Архив юго-западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. Часть вторая. Киев, 1861. — Современник. 1861, т. 86 (№ 3—4), с. 439, 444.
 6. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Объяснение от председателя Киевской комиссии для разбора древних актов. — Основа. 1861, № 3, с. 7—8.
 7. Коялович М.О. — Юзефовичу М.В. 27.02.1869. Центральный государственный исторический архив г. Киева (ЦГИА К), ф. 873, ед. хр. 35, л. 1.
 8. Корнилов И.П. — Юзефовичу М.В. 26 июня 1884. Там же, ед. хр. 37, л. 1.
 9. Корнилов И.П. — Юзефовичу М.В. 4.02.1870. Там же, л. 5.
 10. МАЙОРОВ А.В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб. 2011, с. 334.
 11. Дело о допущении в Литовскую метрику председателя Киевской археографической комиссии Юзефовича. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 59, д. 4072, л. 1—3об.
 12. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 245.
 13. САВЧЕНКО Ф. Заборона українства 1876 р. Київ. 1930.
 14. МИЛЛЕР А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. 2000.
 15. Ода «Юзефович». Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 253, ед. хр. 865, л. 2об.—3.
 16. КІСТЯКИВСЬКІЙ О.Ф. Щоденник (1874—1885). 1874—1879. Т. 1. Київ. 1994, с. 113, 290.
 17. А.А. (М.П. ДРАГОМАНОВ). По поводу киевских застольных речей. Письмо в редакцию. — Вестник Европы. 1873, № 12, с. 905—906.
 18. КІСТЯКИВСЬКІЙ О.Ф. Ук. соч., с. 174.
 19. Юзефович М.В. — Тимашеву А.Е. 15.09.1862. РГИА, ф. 908 (Валуев), оп. 1, д. 177, л. 1—1об.
 20. Дело департамента народного просвещений о награждении председателя Временной комиссии для разбора древних актов Тайного советника Юзефовича за труды его по сей комиссии. 20.12.1863. РГИА, ф. 733, оп. 120, д. 46, л. 2—2об.
 21. Бильбасов В.А. — Краевскому А.А. 26.10.1869. ОР РНБ, ф. 391, ед. хр. 197, л. 4.
 22. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 136.
 23. Там же, с. 123.
 24. Безак А.Н. — Юзефовичу М.В. 24.03.1861. ЦГИА К, ф. 873, ед. хр. 5, л. 2.
 25. Юзефович М.В. — Галагану Г.П. 1866. В кн.: САВЧЕНКО Ф. Ук. соч., с. 365.
 26. ЮЗЕФОВИЧ М.В. О значении личности у нас и на Западе. СПб. 1906, с. 12.
 27. Там же, с. 11—13.
 28. Там же, с. 17—20.
 29. Там же, с. 23.
 30. Там же, с. 14.
 31. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Ответное слово г-ну Пржещлавскому. М. 1873, с. 23.
 32. ЕГО ЖЕ. О значении личности..., с. 25—27.
 33. ЕГО ЖЕ. Князю П.А. Вяземскому. М. 1877, с. 1.
 34. ЕГО ЖЕ. О значении личности..., с. 14.
 35. Там же, с. 16.

36. ЛОРЕР Н.И. Записки декабриста. Иркутск. 1984, с. 181.
37. Цит. по: НЕЧКИНА М.В. Декабрист Н.И. Лорер и его «Записки». В кн.: ЛОРЕР Н.И. Ук. соч., с. 31.
38. ЮЗЕФОВИЧ М.В. О значении личности..., с. 31—32.
39. ЕГО ЖЕ. Ответ г. Грабовскому. М. 1862, с. 35—36.
40. Юзефович М.В. — Аксакову И.С. 3.11.1878. Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом) (ИРЛИ), ф. 3, оп. 4, д. 719, л. 34—34об.
41. Выписка из журнала заседаний о рассмотрении статей М.В. Юзефовича в «Киевлянине». 22.09.1866. РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 3, л. 157об.
42. БАРСУКОВ Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. СПб. 1899, с. 219.
43. ЮЗЕФОВИЧ М.В. О значении личности..., с. 9.
44. Юзефович М.В. — Галагану Г.П. 1866. В кн.: САВЧЕНКО Ф. Ук. соч., с. 366.
45. Там же, с. 365.
46. Юзефович М.В. — Аксакову И.С. 3.11.1878. ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 719, л. 34об.
47. Юзефович М.В. — Галагану Г.П. 1866. В кн.: САВЧЕНКО Ф. Ук. соч., с. 365.
48. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Ответ г. Грабовскому..., с. 4.
49. От председателя Киевской комиссии для разбора древних актов. Акты Южной и Западной России (АЮЗР), 1861, ч. 2, т. 1, с. VII, X.
50. ГРАБОВСКИЙ М. Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и западных губерниях. М. 1862, с. 6—7.
51. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Ответ г. Грабовскому..., с. 10, 34.
52. Юзефович М.В. — Аксакову И.С. 17.04.1862. ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 719, л. 19об.—20об.
53. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Ответное слово г-ну Пржецлавскому..., с. 12.
54. Там же, с. 25.
55. Там же, с. 28—29.
56. Там же, с. 9.
57. Корнилов И.П. — Юзефовичу М.В. 4.02.1870. ЦГИА К, ф. 873, оп. 1, д. 37, л. 1.
58. Юзефович М.В. — Галагану Г.П. 1866. В кн.: САВЧЕНКО Ф. Ук. соч., с. 364.
59. КІСТЯКИВСЬКІЙ О.Ф. Ук. соч., с. 107.
60. Юзефович М.В. — Галагану Г.П. 1866. В кн.: САВЧЕНКО Ф. Ук. соч., с. 357, 360.
61. Там же, с. 359.
62. Там же, с. 358—359.
63. Там же, с. 359—360.
64. Там же, с. 358, 360.
65. ЮЗЕФОВИЧ М.В. О так называемом украинофильском движении. В кн.: САВЧЕНКО Ф. Ук. соч., с. 372.
66. Там же, с. 372—373.
67. Там же, с. 374—375, 378.
68. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Народность и государство. — Киевлянин. 1867, № 132, 4 ноября.
69. Там же.
70. Юзефович М.В. — Бартеневу П.И. 18.04.1880. ИРЛИ, ф. 18, ед. хр. 67, л. 1об.
71. ЮЗЕФОВИЧ М.В. Еврейский вопрос. Киев. 1867, с. 3—7.
72. ЕГО ЖЕ. Несколько мыслей и соображений по поводу покушения 4-го апреля. Киев. 1866, с. 24—26.
73. ЕГО ЖЕ. Наша либеральная интеллигенция. Киев. 1882, с. 45.
74. Там же, с. 41—42.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201806Shkola01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«191»

Вторая мировая война в современном контексте

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена роли второй мировой войны в формировании принципов современного мироустройства и попыткам его пересмотра. Автор анализирует особенности развития ситуации в Европе на протяжении XX — начала XXI в. в контексте формирования, взаимодействия и противостояния ведущих военно-политических блоков. Особое внимание уделено ООН как ключевому международному институту, ответственному за урегулирование региональных — и в том числе балканских — конфликтов.

Ключевые слова: Россия, СССР, США, Великобритания, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Франция, Китай, Япония, Монголия, Сахалин, Курильские острова, первая мировая война, вторая мировая война, международные отношения, Европа, геополитика, Балканы, ООН

Abstract. The publication is devoted to the role of World War II in creating the contemporary international system. The author analyses the development in Europe in XX-XXI centuries in the context of the two political and military blocks. Special attention is paid to the UN as a key international regulator and peacekeeping institute in the Balkans and other crisis regions

Key words: Russia, Soviet Union, USA, Great Britain, Stalin, Roosevelt, Churchill, France, China, Japan, Mongolia, Sakhalin, Kuril Islands, World War I, World War II, international relations, Europe, geopolitics, Balkans, UN.

Журнал «Вопросы истории» начинает новую рубрику «В помощь учителю истории». В ее рамках мы планируем публиковать материалы, посвященные ключевым проблемам российской и мировой истории, которые традиционно находятся в центре общественно-политических дискуссий и в связи с этим вызывают дополнительные сложности при организации учебного процесса в школе по историческим дисциплинам. На страницах рубрики будут помещаться как теоретические статьи, так и практические разработки, связанные с организацией преподавания тех или иных тем в средней школе. В связи с этим журнал «Вопросы истории» приглашает к активному сотрудничеству преподавателей истории, которые смогут публиковать на страницах нашего журнала собственные теоретические и практические разработки, конспекты и программы уроков, письменные презентации и другие авторские материалы.

Открывает нашу рубрику материал, посвященный такой злободневной на сегодняшний день проблеме, как роль второй мировой войны в формировании принципов современного мироустройства и попыткам ее пересмотра в современных условиях. Публикацию подготовил **П.А. Искендеров**.

Возникновение двух общемировых военных пожаров XX в. имело свои объективные причины и внутреннюю логику. Ключевую роль здесь играли военно-политические и финансово-экономические интересы в Европе в целом и в отдельных ее регионах. Великие державы, «готовясь к кровавой схватке», в том числе «пытались заполучить на Балканах новых союзников». Вряд ли можно спорить с тем, что именно Балканский полуостров являлся «объектом непосредственной экспансии великих держав и был исходной базой для ее расширения в бассейне Средиземного моря, в Северной Африке, на Ближнем Востоке»¹. Сыграл свою роль и фактически признанный на Берлинском конгрессе 1878 г. отход великих держав от принципа сохранения статус-кво, а именно «неприкосновенности владений Османской империи: от нее в Европе осталось не так уж много»².

Но если первая мировая война ознаменовалась, в первую очередь, крушением существовавших на момент ее начала двух ведущих европейских военно-политических блоков (Антанты и Тройственного союза) и распадом трех ведущих империй (Российской, Австро-Венгерской и Османской), то вторая мировая война, наоборот, имела своим непосредственным результатом возникновение новых линий противостояния и формирование военно-политических союзов, по своей мощи многократно превосходивших картину начала XX века. А созданная в ходе мирного урегулирования в 1945 г. международная система безопасности на многие десятилетия определила принципы современного мироустройства.

Ключевыми для понимания исторических предпосылок рассматриваемой проблемы, а также ее места в общем историческом процессе и последующей роли в европейских делах представляются следующие вопросы, нуждающиеся в более подробной проработке в рамках преподавания истории:

1. Выявление взаимосвязи двух мировых войн с точки зрения интересов вовлеченных в них государств с особым акцентом на истоки германского реваншизма.

2. Анализ истории 1930-х гг. в контексте провала политики западных держав по «умиротворению агрессора».

3. Всестороннее рассмотрение советско-германского пакта о ненападении 1939 г. с точки зрения обеспечения интересов СССР³.

4. Вычленение основных принципов и форм взаимодействия СССР, США и Великобритании в рамках подготовки, проведения и воплощения в жизнь решений Ялтинской мирной конференции 1945 года.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

5. Анализ разработанных в ходе конференции моделей и договоренностей по разрешению международных кризисов с точки зрения их последующей реализации и современной ситуации в мире.

Состоявшейся в феврале 1945 г. в Ялте Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании принадлежала без преувеличения ключевая роль в формировании послевоенной системы отношений в Европе и в мире в целом. В связи с этим принципы и, главное, уроки Ялты приобретают сегодня особую актуальность.

Продолжавшаяся неделю (с 4 по 11 февраля 1945 г.) Ялтинская конференция держав антигитлеровской коалиции стала последним подобным форумом в эпоху, которую принято именовать «доядерной». Следующая встреча лидеров СССР, США и Великобритании, состоявшаяся в Потсдаме в июле-августе 1945 г., прошла уже на фоне сообщений об успешном испытании американцами ядерной бомбы, которая спустя несколько дней была применена против японских городов Хиросима и Нагасаки. В Ялте же о новом разрушительном оружии и начале «атомной эры» речи не шло, и все внимание лидеров было сосредоточено на послевоенном европейском урегулировании.

В центре дискуссий лидеров СССР, США и Великобритании Иосифа Сталина, Франклина Делано Рузвельта и Уинстона Черчилля оказалась проблема восстановления старых и проведения новых государственных границ в освобожденной Европе. Ее решение требовало серьезных уступок со стороны всех трех стран-участниц, поскольку речь шла, по сути, о создании территориальной системы сдержек и противовесов между Востоком и Западом.

Ключевым в этом плане оказался польский вопрос, имевший особую остроту вследствие наличия в Польше двух правительств — признанного Советским Союзом и эмигрантского, находившегося в Лондоне. Благодаря тому факту, что польская территория была освобождена благодаря действиям Красной армии, И.В. Сталину удалось добиться от Вашингтона и Лондона согласия на создание в Польше «Временного правительства национального единства» на базе существовавшего там правительства — правда, «с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Со своей стороны, советский лидер пошел на уступки западным державам по другим вопросам: в частности, на Балканах. Сталин согласился не претендовать на участие в урегулировании ситуации в Греции, где вскоре вспыхнула кровопролитная гражданская война⁴.

Что же касается одного из наиболее сложных тогдашних вопросов в балканском регионе — югославского, то еще 9 октября 1944 г. Сталин и У. Черчилль в ходе переговоров в Москве достигли негласной договоренности о паритетном влиянии на события в этой стране (50% на 50%). Причем, инициатива подобного соглашения исходила от британского премьера. Вот как сам Черчилль описывал данный эпизод на переговорах в своих мемуарах: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: “Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занима-

ли также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?» Советский лидер ответил согласием⁵.

Примечательно, что в тексте опубликованного официального «Коммюнике о Крымской конференции» данный пункт фигурировал в следующей редакции: «Был также сделан общий обзор других балканских вопросов»⁶.

Объективно подобное соглашение означало, что великие державы предоставляли различным политическим силам в самой Югославии самостоятельно решить вопрос о власти. В этой связи следует отметить, что к моменту начала Белградской операции Красной армии по освобождению Югославии на территории этой страны проводила активные боевые операции Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), фактически добившаяся перелома в борьбе против местных коллаборационистов. Численность подразделений НОАЮ, занимавших к осени 1944 г. прочные позиции в западных и центральных районах Сербии, составляла 350 тыс. человек. При этом, следуя логике невмешательства во внутривнутриполитическую борьбу в Югославии, командование Красной армии поддерживало контакты не только с НОАЮ, но и с лидерами четников Драже Михайловича. Последний заранее издал особый приказ, запретив своим подчиненным вступать в вооруженные столкновения с частями Красной армии.

Контакты Красной армии с четниками оказались эффективными, в частности, при освобождении сербского города Крушевац, когда четники сначала вынудили сдать находившийся там немецкий гарнизон, а затем передали пленных представителям Красной армии. Это стало возможным благодаря прямым переговорам, в которых приняли участие один из командиров четнических отрядов Драгутин Кесерович и представитель Красной армии полковник Патовкин.

Однако события в Югославии в период второй мировой войны важны еще в одном контексте, который перебрасывает мостик в события конца XX века. В день православной Пасхи, 16 апреля 1944 г., англо-американская авиация подвергла массированной бомбардировке югославскую столицу — город Белград. Это событие вошло в историю под названием «Кровавая пасха». В результате погибли более тысячи мирных жителей. Массированные налеты на югославскую столицу продолжались до 18 сентября 1944 года.

Командование западных союзников оправдывало массированные бомбардировки Белграда необходимостью уничтожить крупный транспортный центр германских войск на Балканах, через который проходила значительная часть военных и промышленных грузов. Югославская столица представляла тогда важный пункт на пути в охваченную боевыми действиями Грецию, а также крупный порт на Дунае, использовавшийся для переправки баржами в Германию нефти с румынских месторождений. Формально на карте бомбардировок значились преимущественно промышленные и транспортные объекты Белграда.

Тем не менее, выбор даты и практические результаты бомбардировок не подтверждают вышеуказанную версию. Следует подчеркнуть, что сама Югославия к этому времени уже являлась ареной нарастающего вооруженного сопротивления против германских нацистов и их союзников. Однако дело не только в этом.

Основная роль в начавшихся в полдень (время пасхальных богослужений) бомбардировках отводилась американским бомбардировщикам В-24 под красноречивым названием «Liberator» («Освободитель»), оснащенным двухтонными бомбами. Согласно свидетельским показаниям, в налете 16 апреля участвовали порядка 600 бомбардировщиков. Системы югославской ПВО оперативно отследили самолеты и подали сигнал воздушной тревоги. Однако жители города в первый момент высыпали на улицы, приветствуя самолеты. Среди белградцев распространились слухи, что они летят бомбить румынские нефтяные терминалы. Однако бомбы стали падать на Белград.

И падали они отнюдь не только и не столько на промышленные и военно-транспортные объекты. Вот лишь краткий перечень пораженных 16—17 апреля 1944 г. целей: центральные кварталы Теразия и Славия, центральные городские улицы Княгини Натальи, Милоша Великого, Немани, Сараевская, Новый рынок, Народный театр, рынок «Зелени венац», лагерь для военнопленных в Старом Саймиште, где немцы содержали пленных бойцов Народно-освободительной армии Югославии. Жертвами бомбардировки лагеря стали порядка 150 человек. Что же касается военных объектов, использовавшихся Германией, то был разрушен лишь один — здание белградского отделения гестапо. Показательно и соотношение потерь в результате бомбардировок 16 апреля 1944 года. Среди гражданского населения Белграда они составили порядка 1160 чел., а среди расквартированных в югославской столице немцев — около 200 человек.

Бомбардировки в день православной Пасхи вызвали горечь и возмущение среди сербов. Тогдашний патриарх Сербской православной церкви Гаврила заявил, что англо-американская коалиция утратила «чувство христианской любви». Симптоматично, что на время Пасхи и Рождества приостанавливались даже боевые действия между партизанами и немецкими оккупантами. Однако у США и Великобритании оказалось собственное понимание этого вопроса.

Необходимость столь массированных бомбардировок Белграда не вытекала и из оперативной обстановки на югославских фронтах. К этому времени в боевых действиях наметился перелом в пользу партизан. В январе-феврале 1944 г. они прорвались на территорию Сербии, и к апрелю перешли к проведению военных операций против гитлеровцев и их пособников практически на всей сербской территории.

Определенный ответ на вопрос о причинах, по которым англо-американское командование перешло с апреля 1944 г. к постоянным бомбардировкам Белграда, кроется в изменении расстановки военно-политических сил в самом югославском народно-освободительном движении. К началу 1944 г. его руководство уже разработало структуры устройства будущей народной власти в послевоенной Югославии. В частности, на втором заседании Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в ноябре 1943 г. в городе Яйце было решено, что именно данное вече будет являться высшим органом власти в Югославии до конца войны. В его руководство вошли члены Коммунистической партии Югославии во главе с маршалом Иосипом Броз Тито. Народно-освободительные комитеты были признаны единственными законными органами власти на всей территории Югославии. Одновременно югославское правительство в изгна-

нии, на которое делали ставку в Вашингтоне и Лондоне, было объявлено незаконным, а королю Петру II Карагеоргиевичу вообще было запрещено возвращаться в страну.

И еще один немаловажный момент. В декабре 1943 г. о своей поддержке решений АВНОЮ заявило руководство СССР, а в феврале 1944 г. в Югославию прибыла советская миссия.

Таким образом весной 1944 г. США и Великобритания уже фактически стали рассматривать Югославию не как своего союзника в борьбе с нацистской Германией, а как будущего геополитического оппонента. Что характерно: в американской боевой эскадрилье, бомбившей Белград, несли службу четыре сербских экипажа. И командование союзников предоставило им отпуск на период бомбардировок, даже не посвятив в свои планы.

В сегодняшней Сербии погибшие в апреле 1944 г. традиционно поминаются молитвами, как и погибшие в еще более страшных бомбардировках 1999 года.

Однако вернемся к решениям, достигнутым в рамках Крымской конференции. Особое место в дискуссиях лидеров СССР, США и Великобритании закономерно заняла судьба Германии. Именно в Ялте было решено создать на ее территории оккупационные союзнические зоны, которые позднее превратились сначала в ГДР и ФРГ, а на рубеже 1980—1990-х гг. — в современную объединенную Германию.

Нельзя отрицать и конструктивный подход, проявленный Советским Союзом в отношении столь болезненной для всех проблемы разделенной Германии. В этой связи показательной является фраза, произнесенная в 1947 г. Сталиным в беседе с представителями Социалистической единой партии Германии, после решения западных держав расколоть Германию, принятого на совещании в Лондоне: «В вопросе о единстве Германии мы должны шаг за шагом продвигаться вперед. Мы должны продвигаться вперед всем препонам вопреки. Только не следует предаваться иллюзии, что борьбу за единство удастся выиграть скоро. Она может длиться пять, шесть или семь лет. Германии нужно единство и мирный договор. Только в этом случае придет успех и в борьбе за прочный мир. А это главное»⁷.

Происходящее в настоящее время вокруг Украины — как и на пространстве бывшей Югославии в 1990—2000 гг. — демонстрирует всю пагубность отказа от норм и моделей сотрудничества, заложенных в 1945 г. в Ялте.

Главным программным документом, подписанным участниками Крымской конференции, стала «Декларация об освобожденной Европе», предусматривавшая «согласование политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами». Документ гласил:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех правительств в деле помощи на-

родам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической Хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве-сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и д) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению Трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств-сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре»⁸.

Справедливости ради следует сказать, что вышеуказанные цели так и не были достигнуты в полной мере, что лишний раз подчеркивает актуальность «уроков Ялты».

Отдельным документом была принципиально решена проблема Дальнего Востока. В обмен на вступление СССР в войну с Японией через «два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе», США и Великобритания согласились на «восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным напа-

дением Японии в 1904 г.», в том числе возвращение южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов. Кроме того, СССР, согласно отдельному пункту соглашения, получал Курильские острова, а Монголия обретала статус независимого государства.

Наконец, историческим примером достижения компромиссов между великими державами следует считать решение Крымской конференции о создании ООН взамен дискредитировавшей себя в предвоенный период Лиги Наций. Именно в Ялте СССР, США и Великобритания договорились о том, что в основу деятельности новой всемирной организации будет положен принцип единогласного принятия решений постоянными членами Совета Безопасности. Соответствующий пункт решений трех держав гласил:

«Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов.

Основы были заложены в Думбартон-Оксе. Однако по важному вопросу о процедуре голосования там не было достигнуто соглашения. На настоящей Конференции удалось разрешить это затруднение. Мы согласились на том, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах, будет созвана конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить Устав такой организации, соответствующий положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе.

С Правительством Китая и Временным Правительством Франции будут немедленно проведены консультации, и к ним будет направлено обращение принять участие совместно с Правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик в приглашении других стран на конференцию.

Как только консультации с Китаем и Францией будут закончены, текст предложений о процедуре голосования будет опубликован»⁹.

Кроме того, Сталину удалось добиться согласия партнеров на то, чтобы в числе учредителей и членов ООН был не только СССР, но и как наиболее пострадавшие от войны Украинская ССР и Белорусская ССР. И именно в ялтинских документах впервые появилась дата «25 апреля 1945 г.» — дата начала Сан-Францисской конференции, которая должна была выработать Устав ООН.

Ялтинская конференция руководителей США, СССР и Великобритании имела большое историческое значение. Она явилась одним из крупнейших международных совещаний военного времени, важной вехой сотрудничества держав антигитлеровской коалиции в ведении войны против общего врага. Принятие на конференции согласованных решений вновь показало возможность сотрудничества государств с различным общественным строем. Это была одна из последних конференций дядеиной эпохи, а созданный в Ялте «биполярный мир» и раздел Европы на Восток и Запад фактически сохранились в неизменном виде до конца 1980-х годов.

Особую роль в успехе Ялтинской мирной конференции сыграла конструктивная позиция США, которая, в свою очередь, была про-

диктована, прежде всего, военно-политическими расчетами Ф.Д. Рузвельта. В Вашингтоне «не рисковали предпринимать действия, которые бы могли повести к разрушению антигитлеровской коалиции, тем более в обстановке, когда война с фашистским блоком вступала в завершающую фазу, и Советский Союз являлся первостепенной силой в разгроме врага. К тому же администрация Рузвельта, внешне-политическая стратегия которого включала в себя сосуществование и определенное сотрудничество с СССР, была заинтересована в скорейшей победе над Германией и с точки зрения последующего вступления Советского Союза в войну с Японией: на Тегеранской конференции глава Советского правительства Сталин заявил президенту США, что СССР выступит против Японии после капитуляции Германии»¹⁰.

Ялтинская система начала разрушаться на рубеже 1980—1990-х гг. с распадом СССР и «Восточного блока» социалистических стран. Однако отдельные ее механизмы существуют и сегодня: ООН, а также сохранение в целом принципа нерушимости послевоенных границ в Европе и на Дальнем Востоке (в том числе между Россией и Японией).

Кроме того, на протяжении послевоенных десятилетий Устав ООН, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций и имеющееся у его постоянных членов (СССР/Россия, США, Великобритания, Франция, Китай) право вето неоднократно предотвращали попытки «продавливания» крайне опасных для международного мира и безопасности решений.

Впрочем, следует признать и еще одно весьма прискорбное для Европы и всего мира обстоятельство. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в последние годы ООН фактически самоустранилась от урегулирования ключевых региональных конфликтов, передав эти функции НАТО, ЕС и другим структурам. В то время как во многих мировых столицах существуют (и реализуются) программы конкретного политического «перезаформирования» Балкан, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, ООН ограничивается риторикой общего характера и даже не пытается вернуть ситуацию в международно-правовое поле.

В последние годы США наиболее активно пытаются «перевести стрелки» в вопросе об ООН и ее подлинной роли в международных делах. Признавая факт «ослабления Объединенных Наций», американские СМИ обвиняют в этом Россию и Китай, которые не только не спешат поддерживать внешнеполитические инициативы Вашингтона, но и зачастую блокируют их одобрение — как это произошло, в частности, в процессе голосования по Сирии. Например, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Нейл Макфаркьюхар полагает, что Москва и Пекин опасаются утратить влияние в арабском мире в ситуации, когда «авторитарные правительства, построенные по ныне обветшавшей советской модели, рушатся одно за другим». Однако с другим утверждением ведущего американского издания можно согласиться: «Китай и Россия все чаще сообща противостоят шагам, которые понимают как попытки Запада с помощью санкций “завизировать в ООН” смену правящих режимов на прозападные»¹¹.

Именно использование ООН в качестве средства «перезаформирования» тех или иных участков геополитического пространства в

выгодном для Запада смысле и является главным фактором, подрывающим роль Объединенных Наций.

Заместитель директора парижского Института международных и стратегических отношений Дидье Бийон полагает, что голосование в Совете Безопасности ООН по ключевым региональным проблемам последнего времени засвидетельствовало «относительную неспособность ООН оказать давление на некоторые государства», а потому механизм ее работы нуждается в реформировании. «Проблема в том, что структура ООН осталась такой же, как в 1945 г., поэтому необходимо реформировать механизм ее работы. Но это долгий процесс, требующий, чтобы пять постоянных членов Совета Безопасности согласились с этим и прекратили цепляться за собственные прерогативы», — считает Дидье Бийон ¹².

В истории второй мировой войны тесно переплелись все те особенности геополитики, которые в мирное время не особенно заметны. Миллионы европейцев заплатили жизнями за соглашательскую политику своих правительств в предвоенные годы. Надеясь направить германскую агрессию на Восток, последние пытались договориться с Гитлером, откупиться от него австрийскими, чешскими, словацкими землями. Вероломное нападение на Бельгию, оккупация Франции, разгром Югославии, итало-фашистская агрессия против Албании и Греции продемонстрировали подлинную цену подобного «миротворчества».

Западные военные историки до сих пор спорят о том, какой именно фактор стал решающим в победе советских войск над нацистской Германией. Наряду с признанием безусловных полководческих заслуг советских военачальников, беспримерного героизма солдат и тружеников тыла, присутствуют и весьма сомнительные аргументы: войскам вермахта в решающие моменты якобы не хватило горячего для танков, или российские морозы вызвали замерзание смазки в бронетехнике. Говорится и о предательстве и трусости союзников и сателлитов Германии — Италии, Болгарии, Румынии, Венгрии.

Однако даже самые убежденные критики СССР не могут отрицать того факта, что именно победы советских войск способствовали коренному изменению всей военно-политической ситуации в тылу фашистских войск — в том числе в регионе Центральной и Восточной Европы. Например болгары или румыны не проявляли особого рвения в боях на Восточном фронте потому, что у них дома сгущались тучи над монархо-фашистскими режимами. Героическая оборона Москвы, победы под Сталинградом и на Курской дуге сразу же становились известны партизанам и подпольщикам, сражавшимся за освобождение Албании, Югославии, Греции и других балканских стран. 18 декабря 1942 г. советское внешнеполитическое ведомство даже выступило со специальным заявлением в поддержку свободы и независимости далекой от Москвы Албании. В документе выражалась уверенность, что балканские народы совместно «изгонят захватчиков со своей земли» ¹³.

К сожалению, сегодня в ряде восточноевропейских стран активизировались попытки переписать историю, представить героев предателями, а предателей объявить героями. В прибалтийских странах, в Польше и Украине пытаются возложить равную ответственность за

вторую мировую войну на нацистскую Германию и Советский Союз, поставить знак формального равенства между фашистской идеологией и социалистическими и коммунистическими идеями.

Две мировые войны — такова цена, которую заплатили народы мира за преступления, амбиции и ошибки собственных правителей. Но если первая мировая война действительно оказалась неожиданной для подавляющего большинства европейцев, то о второй мировой этого сказать нельзя. На всем протяжении 1930-х гг. в разных уголках Европы и всего мира полыхали конфликты, и их глобальный вектор был вполне ясен.

Правда, как оказалось, ясен не для всех. Лидеры западных государств — прежде всего, Великобритании и Франции — вместо реального противодействия набравшему силу агрессору в лице гитлеровской Германии взяли курс на его «умиротворение». Именно по вине этих стран в конце 1930-х гг. был упущен последний реальный шанс создать превентивную единую антигитлеровскую коалицию и тем самым предотвратить войну. Вместо этого Европа стала свидетельницей позорных сделок с участием в том числе тех государств, которым было суждено стать очередными жертвами нацистской Германии. Вместо того, чтобы в зародыше пресечь укрепление германской военно-политической мощи, Гитлеру предоставляли Австрию, Судеты, затем всю остальную Чехословакию, сквозь пальцы смотрели на появление в стране концлагерей и разгул пещерного антисемитизма, содействовали приходу к власти в Испании одного из союзников нацистской Германии генерала Франко. А некоторые из современных активных критиков России — в частности, Польша — даже сами приняли участие в расчленении Чехословакии, не забывая при этом адресовать свои обвинения Москве, предложившей военную помощь Праге.

Известно заявление, озвученное в мае 1938 г. польским послом в Париже, заверившим своего американского коллегу в том, что Польша немедленно объявит войну Советскому Союзу в случае, если Москва попытается передислоцировать свои войска в Чехословакию через польскую территорию. Тогда же министр иностранных дел Франции Жорж-Этьенн Бонне заверил Варшаву в том, что «План Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией с передачей Тешинской Силезии Польше не является тайной». В Тешинской Силезии на тот момент проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов.

Еще более циничной была позиция тогдашних лидеров Великобритании, в том числе премьер-министра Невилла Чемберлена. По свидетельству заместителя министра иностранных дел Александра Кадогана, глава кабинета заявил в те дни, что «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»¹⁴.

А уже 10 сентября 1938 г., накануне решающей встречи Чемберлена с Гитлером по проблеме Чехословакии, ближайший советник премьер-министра по политическим вопросам сэр Гораций Уилсон предложил Чемберлену заявить немецкому лидеру о высокой оценке мнения о том, что «Германия и Англия являются двумя столпами, поддерживающими мир порядка против разрушительного напора большевизма», и что поэтому он «желает не сделать ничего такого, что могло бы ослабить тот отпор, который мы можем вместе оказать тем, кто угрожает нашей цивилизации»¹⁵.

По сути, именно Мюнхенское соглашение 1938 г. «на деле предоставило Германии свободу рук в Восточной Европе и узаконило оккупацию части территории ЧСР, отошедшей к ней по Версальскому миру». Реакция президента Чехословакии Эдварда Бенеша, по словам его секретаря П. Дртины, была следующей: «Это — конец. Вероломство наказывается. Уму непостижимо. Они думают, что спасут себя от войны и революции за наш счет. Ошибаются»¹⁶.

Неудивительно, что уже в годы второй мировой войны Э. Бенеш уже в качестве президента Чехословацкой республики в изгнании стал «одним из самых активных сторонников сближения с СССР»: «С одной стороны, сотрудничество с Советским Союзом должно было послужить ЧСР дополнительной гарантией безопасности от немецкой угрозы, а с другой — дружественная позиция Чехословакии призвана была обеспечить безопасность западных границ СССР и предотвратить вмешательство Москвы во внутренние дела республики»¹⁷.

Цена попустительства нацистской Германии хорошо известна: 1 сентября 1939 г. Гитлер обрушился всей своей военной мощью не на СССР — на что втайне надеялись в Лондоне или Париже — а на Польшу. Затем настала очередь и других западноевропейских стран. Окрепший германский фашизм переступил через все предыдущие договоренности и начал перекраивать карту Европы по своему собственному усмотрению, обрекая на смерть миллионы людей.

Однако и после этого в западных столицах не спешили менять свои подходы к международным делам, привычно возлагая ответственность за все проблемы на Москву. Уже в 1946 г. администрация президента США Трумэна приняла решение о том, что, какую бы политику ни проводил СССР, само его существование несовместимо с интересами американской национальной безопасности. Данное решение продолжило вышеупомянутую линию Чемберлена: для того, чтобы жила Великобритания, должен погибнуть «большевистский» Советский Союз.

Сегодня в Европе по инициативе США и ряда западноевропейских лидеров снова разыгрывается циничный антироссийский геополитический сценарий. «Мы не находимся в состоянии новой “холодной войны”, однако публичные обвинения, требования и угрозы со стороны наших политических руководителей явно способствуют воссозданию такой атмосферы», — весьма справедливо указывает на страницах американского издания «The National Interest» бывший посол США в России Джек Мэтлок-младший. Он подчеркивает, что «если правительство США желает добиться ослабления неправомерного экономического и военного давления Москвы на Украину, или российской поддержки сепаратистских настроений в отдельных областях этой страны, оно должно делать все возможное, дабы снизить российские подозрения в том, будто Соединенные Штаты и их европейские союзники плетут интриги, намереваясь отделить Украину от российской сферы влияния и превратить ее в санитарный кордон в целях “сдерживания”, а в конечном счете и порабощения России.

Однако американские официальные лица и администрация своими действиями и заявлениями, особенно с началом демонстраций на киевском Майдане, как будто стремятся усилить российские подозрения, а не ослабить их»¹⁸.

Об уроках военной и послевоенной Европы вспоминает ныне и авторитетный французский политик, бывший комиссар ЕС по торговле и экс-генеральный директор Всемирной торговой организации Паскаль Лами. Он убежден, что в отношении Украины изначально ошибочным было принуждение Киева к однозначному выбору между интеграцией с ЕС или присоединением к евразийскому экономическому пространству: «В конце концов, на мой взгляд, нужно допустить, чтобы на какое-то время Украина находилась одновременно по обе стороны. Мы же не требуем от Мексики определиться с тем, является ли она североамериканской или южноамериканской. Никто не говорит, что Мексика должна делать такой выбор. Так и в случае с Украиной, я считаю плохой идеей выбора между Европой и Россией».

По мнению П. Лами, Украина должна хотя бы на время получить «промежуточный статус» — как это уже бывало в истории международных отношений в Европе: «Необходимо найти некий статус для Украины на ближайшие 10—20 лет. Есть чувство, что нам следовало в общих чертах сделать то, что было сделано с Финляндией в 1950-е гг., когда было сказано: Финляндия находится рядом с Европой и рядом с Россией, но на 20 лет мы как-то договариваемся, чтобы не поднимать больше этот вопрос».

«Украина — это страна, которая одной ногой стоит в Европе, а другой — в Русском мире, что обусловлено историческими причинами, и я считаю, что с этой точки зрения нужно найти баланс» — справедливо подчеркивает бывший глава ВТО. Кроме того, по его мнению, Украину придется «реформировать». Ведь сегодня «об этой стране можно рассуждать с таким же успехом, как о Конго или Сомали. Все это — государства, которые не функционируют, это коррумпированные и внутренне разобщенные государства» — указывает Лами ¹⁹.

«Может ли украинский кризис вызвать новую мировую войну?» — задается вопросом в еще одной своей статье американское издание «The National Interest». Публикация напоминает о тех международных послевоенных кризисах, которые удалось урегулировать в том числе благодаря сдержанной позиции США: «Государственные деятели Америки обдуманно и внимательно анализировали самые худшие сценарии, особенно в отношениях между великими державами и, в первую очередь, между ядерными сверхдержавами... Они отмечали то, что Джон Кеннеди после Карибского кризиса называл “исходным правилом благоразумия”. Они соглашались на сдержки и компромиссы в том соперничестве, конечной целью которого было похоронить друг друга...» ²⁰

Характерно в этой связи, что именно уроки предыстории второй мировой войны сегодня активно обсуждаются как в европейских столицах, так и в США. Согласно образному выражению чешского историка Петра Мареша, «Мюнхен» стал постоянным компонентом американского политического дискурса на уровне как политических элит, так и широкого общественного мнения» ²¹.

Не следует сбрасывать со счетов и традиционно болезненный для западных столиц финансовый фактор. «Геополитический риск снова поднимает свою жуткую голову», — свидетельствует аналитик финансовой компании IG Ltd. в Мельбурне Стэн Шейму ²².

И еще одна красноречивая цитата из западных средств массовой информации. «Россия победила нацистов, а сегодня США их возрождают», — подчеркнул в статье на американском интернет-сайте OpEdNews.com Марк Сашин. «Приближается 9 мая, но нам здесь, в Соединенных Штатах, нет до этого никакого дела. 9 мая 1945 года в Берлине маршал Жуков первым подписал Акт о капитуляции Германии, но мы здесь не хотим об этом знать. 9 мая одним из первых приказов Советского командования в Берлине было распоряжение о том, чтобы накормить население, но мы не хотим об этом знать. 9 мая в России проводится традиционный военный парад, но мы не направляем поздравления. Вместо этого мы целуемся с демонами: мы возрождаем бандеровцев и восхваляем убийц; наши самые высокопоставленные чиновники подстрекают их к убийству русских, а правительство Германии посылает на помощь хунте в Киеве деньги и консультантов»²³.

Сложившаяся ситуация требует и от России активизации собственной глобальной политики. Стратегическим курсом Москвы могли бы стать, с одной стороны, противодействие любым попыткам лишить ее права вето в Совете Безопасности, а с другой — более активное участие в создании многосторонних международных механизмов, способных действовать в тех или иных кризисных районах евразийского геополитического пространства. Подобными структурами, действующими автономно от ООН, НАТО (во главе с США) и Европейского союза, видятся Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийский экономический союз и другие модели, наработанные в том числе на постсоветском пространстве. Использование опыта односторонних действий западных структур в кризисных районах мира помогло бы России и ее союзникам, не отказываясь от формального признания мандата ООН, более активно продвигать свои интересы, используя в том числе проявившиеся в последнее время слабости международно-правовых норм и практики их применения.

Примечания

1. ПИСАРЕВ Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М. 1985, с. 3.
2. В «пороховом погребе Европы». 1878—1914 гг. М. 2003, с. 12.
3. Подробнее см.: ФИЛИТОВ А.М. Существовал ли пакт Сталина-Гитлера? Характер, значение и интерпретация германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года. — Вопросы истории. 2017, № 10.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. Т. 4. М. 1984.
5. ЧЕРЧИЛЛЬ У. Вторая мировая война. Т. 3. М. 1991, с. 448—449.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) М. 1979, с. 270.
7. ФАЛИН В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М. 1999, с. 53.
8. Советский Союз на международных конференциях..., с. 267—269.
9. Там же, с. 267.

10. ГИБИАНСКИЙ Л.Я. Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции. — Советское славяноведение. 1981, № 3, с. 26.
11. With Rare Double U.N. Veto on Syria, Russia and China Try to Shield Friend. — The New York Times. 05.10.2011.
12. Le Monde. 05.10.2011.
13. СМЕРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 210.
14. NIEDHART G. Grossbritannien und die Sowjetunion. 1934—1939. München. 1972, S. 62.
15. VY NЭ P. The collapse of mediation. — The Runciman mission to Czechoslovakia, 1938: prelude to Munich. Palgrave Macmillan. 2003, p. 295.
16. МАРЬИНА В.В. СССР — Словакия 1939—1945 гг.: военно-политические аспекты. М. 2017, с. 42.
17. ЗОРИН А.В. Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г. — Вопросы истории. 2017, № 5. с. 4—5.
18. URL : <http://nationalinterest.org/feature/ukraine-crisis-time-reach-resolution-11156>.
19. ИТАР-ТАСС. 29.08.2014. 15:09.
20. URL: <http://nationalinterest.org/feature/could-the-ukraine-crisis-spark-world-war-10387>.
21. MARE P. American Policy, Korean War and the Lessons of Munich. — Czech Journal of Contemporary History, vol. 5 (2017), p. 61.
22. ИНТЕРФАКС. 29.08.2014. 08:43.
23. URL: http://www.opednews.com/Diary/Russia-defeated-the-Nazis-by-Mark-Sashine-Betrayal_Blood_Evil_Hitler-140506-269.html.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ББК 63.3(2)632/УДК 94(47)084.9«1950/1960»

Попытка Ярославля потеснить Иваново в управлении Верхневолжским совнархозом

Ю.С. Никифоров

Аннотация. В работе реконструируются обстоятельства борьбы Ярославского обкома КПСС за управление Верхневолжским совнархозом в 1963 году. На основании рассекреченных документов (переписка Ярославского обкома с ЦК КПСС, отчеты в ЦК КПСС, стенограммы беседы Н.С. Хрущёва и совещаний по вопросам его пребывания в Ярославле) Центра документации новейшей истории (г. Ярославль) анализируется характерный сценарий взаимодействия региональной партийной элиты с Центром. Основная проблема исследования — взаимодействие регионов и Центра в ракурсе борьбы региональных элит за управление хозяйственными структурами и дефицитными ресурсами на фоне политики укрупнения совнархозов и разделения обкомов. В публикации делается вывод о том, что в условиях укрупнения совнархозов автоматически происходило ущемление властных полномочий и обделение экономическими ресурсами одних региональных элит в пользу других — более удачливых.

Ключевые слова: региональные элиты, СССР, архивные документы, историческая память, советская провинция, поздний социализм, лоббизм, Н.С. Хрущёв, Верхневолжский совнархоз.

Abstract. In the work circumstances of struggle of Yaroslavl regional committee of the CPSU for management of the Upper Volga economic council at the end of N. S. Khrushchev's era (1963) are reconstructed. Based on declassified documents (correspondence of Yaroslavl regional committee with the Central Committee of the CPSU, reports in the Central Committee of the CPSU, the shorthand report of the conversation with N.S. Khrushchev and meetings on his stay in Yaroslavl) from the Center of documentation of the contemporary history (Yaroslavl), the characteristic scenario of interaction of the regional party elite with the center is analyzed. The central problem of the research is interaction of regions and the center in a perspective of struggle of regional elite for management of economic structures and scarce resources against the background of Khrushchev's policy of integration of economic councils and division of regional committees. In the publication the conclusion is drawn that in conditions of integration of economic councils there was automatically infringement of authority powers and some regional elites were given more economic resources at the price of others.

Key words: regional elites, the USSR, archival documents, historical memory, the Soviet province, late socialism, lobbyism, N.S. Khrushchev, the Upper Volga economic council.

Никифоров Юрий Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru.

Nikiforov Yuriy S. — candidate of historical sciences, associate professor, scientific secretary at the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru.

В 2017 г. исполнилось 60 лет началу одной из самых критикуемых и спорных управленческих реформ Н.С. Хрущёва — реформы совнархозов. В историографии существенное внимание уделяется «эпохе оттепели» в целом (труды Ю.В. Аксютин, Е.Ю. Зубковой, Р.Г. Пихоя, А.В. Пыжикова, У. Таубмана и др.), а также региональной политике Хрущёва, в том числе проблеме совнархозов¹. Из последних публикаций можно отметить статью К.А. Юдина, в которой автор анализирует трансформацию модели управления при Хрущёве, которую он обозначает термином «аморфная институциональная эклектика»².

В.А. Шестаков, характеризуя результаты реформы совнархозов, акцентировал внимание на методе административных перестановок, лежавшем в ее основе и не изменявшем олигархической сущности советской номенклатуры: «Тенденция накапливать дефицитные материалы и преследовать узколичные интересы за счет общенациональных “переселились” из министерств в территориальные органы управления». По его меткому выражению, «совнархозы брали на себя управление достаточно большим количеством предприятий, и это закладывало мину замедленного действия под реформы управления»³. В подтверждение приведем воспоминания бывшего Первого секретаря Ярославского обкома Ф.И. Лощенкова: «Ничего путного из нововведений не получилось. Нет в природе таких руководителей-универсалов, которые могли бы одинаково хорошо разбираться в производстве носков, гуталина, сапожных щеток и тракторов, самолетов, ракет»⁴.

Как известно, в 1959 г., спустя два года с момента организации совнархозов, началось их укрупнение. Так, в РСФСР вместо 67 создавалось 24 совнархоза. Например, Ярославский совнархоз, обнародованный, в соответствии с Постановлением Совмина РСФСР от 1 июня 1957 г. № 499, и утвержденный Постановлением Совмина СССР от 26 сентября 1957 г. № 1150, был ликвидирован, а его функции, согласно Постановлению Совмина РСФСР от 16 марта 1963 г., принял на себя Верхневолжский совнархоз⁵. Несмотря на звучное название нового укрупненного совнархоза, объединившего 4 области (Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Ярославскую), его управленческим центром, своеобразной столицей, стал вовсе не город на Волге, а Иваново.

Многолетний руководитель Ярославской области (1960—1980-е гг.) Лощенков вспоминал курьезный случай, произошедший на Рыбинском авиастроительном заводе и свидетельствующий об односторонней компетентности руководителей Верхневолжского совнархоза: «Приехал председатель Верхневолжского совнархоза, по специальности текстильщик, и начал устраивать разгон: “Почему не выполнен план по авиационным моторам?”. Ему отвечают, что военная приемка не приняла моторы из-за некоторых дефектов. Он говорит: “Ну, если не могли сдать первым сортом, сдали бы вторым”. Естественно, это вызвало взрыв смеха. Председатель совнархоза полагал, что с авиамоторами можно поступить так же, как с текстильными изделиями»⁶. Это наглядно иллюстрирует отрицательные последствия создания системы совнархозов в целом и их укрупнения в частности.

Образование совнархоза в составе нескольких регионов с преобладанием одного из них неминуемо должно было повлечь за собой

конфликт интересов региональных элит, желавших самостоятельно контролировать собственные предприятия и материальные ресурсы, а по возможности получить доступ и к ресурсам соседей — партнеров по совнархозу. Шестаков по этому поводу справедливо отмечал такой существенный недостаток системы совнархозов как «местничество и стремление регионов использовать ресурсы для собственных целей»⁷. Аналогичную мысль высказывал В.П. Мохов: «Деятельность региональных совнархозов начала сталкиваться со значительными трудностями, порождая, в частности, местничество»⁸. Яркой иллюстрацией данного тезиса является борьба региональных элит за управление ресурсами объединенного совнархоза, как правило, создававшегося на территории 3—4 соседних областей.

В центре внимания настоящего исследования находится рассекреченная в 2000-е гг. переписка Ярославского обкома с ЦК КПСС за 1963 г., впервые вводимая в научный оборот. Ее анализ свидетельствует о том, что уже буквально через несколько месяцев после создания нового укрупненного совнархоза руководство Ярославского промышленного обкома попыталось перетянуть «одеяло» управленческих полномочий из Иваново в Ярославль. Тогдашний фактический глава региона — Первый секретарь Ярославского промышленного обкома Лощенков — направил в ЦК КПСС служебную записку от 01.06.1963 г. № 0020 (с пометкой «совершенно секретно»), содержащую аргументы в пользу переноса из Иваново в Ярославль значительной части ключевых отраслевых управлений Верхневолжского совнархоза⁹, которая и станет предметом подробного анализа в настоящей публикации. Примечательно, что по случайному совпадению данная записка была направлена накануне неожиданного визита Хрущёва в Ярославль.

Из рассекреченной стенограммы областного партийного совещания 8 июня 1963 г. по итогам пребывания Хрущёва в Ярославле известно, что с ним, по словам Лощенкова, состоялся «разговор частного порядка», во время которого поднималась тема перевода совнархоза из Иваново в Ярославль. Приведем взятый из стенограммы совещания фрагмент короткого, но емкого обмена репликами по этому вопросу: «Н.С. Хрущёв: “Нам известно, что вы хотели Ивановскую область присоединить”. Ф.И. Лощенков: “Мы говорим, что не против и не теряем надежды”. Н.С. Хрущёв: «Ишь, какие империалисты: все хотят присоединить!»»¹⁰

В преамбуле к служебной записке Лощенков, не желая показать руководству, что он подвергает сомнению саму идею совнархоза, рассыпает хвалебные дифирамбы, призванные смягчить и замаскировать последующую критику: «Со времени начала деятельности Верхневолжского совнархоза прошло около 5 месяцев. За этот период положительно решены многие вопросы, связанные с дальнейшим развитием специализированных производств, расширением кооперации, улучшением работы ряда предприятий». После этих ритуальных комплиментов Первый секретарь Ярославского промышленного обкома переходит к постепенной аргументированной критике недостатков в управленческой деятельности Верхневолжского совнархоза: «Вместе с этим возникли затруднения в работе заводов, изготавливающих радиотехнические и электронные изделия по выполнению но-

менклатуры, а так же предприятий пищевой и легкой промышленности из-за несвоевременного обеспечения комплектующими изделиями и сырьем». Ярославский руководитель интерпретирует причину создавшихся проблем предельно четко и просто: «Это явилось следствием того, что отраслевые Управления СНХ этих отраслей промышленности, расположенные в г. Иваново, оказались в отрыве от предприятий и ослабили оперативное руководство их работой»¹¹. Эта фраза позволяет увидеть главную мишень критики Лощенкова — руководителей г. Иваново, координировавших и контролировавших деятельность Верхневолжского совнархоза. Далее он приводил вполне обоснованную, рациональную и развернутую характеристику проблем, которые, вероятно, имели место и в других укрупненных совнархозах, в итоге снижавших эффективность реального производства. Судя по записке, Лощенков достаточно откровенно лоббировал интересы своего города. От имени Бюро Ярославского промышленного обкома КПСС он просил рассмотреть вопрос «о переводе управлений радиотехнической и электронной, пищевой и легкой промышленности Верхневолжского совнархоза из г. Иваново в г. Ярославль»¹². Глава ярославского промышленного обкома последовательно отстаивал перевод каждого из указанных управлений.

Во-первых, ярославский секретарь акцентировал внимание на пространственно-временном факторе, подчеркивая слабость транспортной инфраструктуры между Ярославлем и Иваново: «Из-за отсутствия необходимой железнодорожной и автомобильной связи работники Управлений затрачивают на посещение предприятий не менее трех дней, из них два на дорогу. Аналогичные затруднения испытывают и работники заводов при поездке в Управления». Кроме того, говоря о предприятиях, связанных с ВПК, Лощенков указывал в качестве весомого аргумента и на режим секретности: «Использование в полной мере телефонной связи для руководства предприятиями радиотехнической промышленности по причине секретности не представляется возможным». Резюмируя пространственно-временной аргумент, Лощенков отмечал также рост бумажной волокиты и бюрократизацию производственного процесса: «В связи с этим увеличилось число различных форм оперативной отчетности, что привело к отвлечению многих инженерно-технических работников предприятий для выполнения учетно-отчетных операций в ущерб производству»¹³.

Во-вторых, в служебной записке Лощенкова можно выделить ключевой ресурсно-сырьевой фактор — «усложнились решения вопросов, связанных со снабжением сырьем и материалами». При этом лидер Ярославского региона безошибочно подобрал самый весомый аргумент — авторитетное мнение Хрущёва: «Исходя из указаний товарища Н.С. Хрущёва о целесообразности размещать отраслевые управления совнархозов ближе к производству и учитывая размещения действующих предприятий, специальных конструкторских бюро в экономическом районе». Кроме того, Лощенков ссылаясь на планы «намеченных к строительству крупных заводов в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 февраля 1963 г. в г. Рыбинске и Ростове». Наконец, в качестве заключительного аргумента-поддержки фигурируют контрольные цифры, призванные количественно подтвердить предыдущие качественные ар-

гументы и наглядно показать необходимость перевода Управлений радиотехнической и электронной промышленности совнархоза в г. Ярославль: «... 9 заводов из 12 имевшихся в этом управлении с объемом производства 222 тыс. рублей из 343 тыс. рублей находятся в гг. Ярославле, Рыбинске, Ростове и Александрове, т.е. в непосредственной близости от Управления»¹⁴.

Надо сказать, что у ярославского промышленного обкома были действительно весомые основания для того, чтобы заявить о своих претензиях на управление Верхневолжским совнархозом. Статистические данные по таким показателям как структура размещения предприятий, объем производимой валовой продукции, численность работающих свидетельствовали о серьезных диспропорциях внутри совнархоза. Так, например, во внушительном управлении пищевой промышленности Верхневолжского совнархоза, объединявшем «38 предприятий с объемом выпуска валовой продукции 164 млн рублей и численностью работающих более 13 тыс. человек», наблюдался явный дисбаланс между 4 регионами, входившими в совнархоз: «Из общего объема валовой продукции предприятиями Ярославской области выпускалось 49%, Костромской — 7,6%, Ивановской — 28,3%, Владимирской — 15,1%. Количество работающих в данной отрасли промышленности распределялось следующим образом: Ярославская область — 50,5%, Костромская — 8,9%, Ивановская — 21,6%, Владимирская — 19%»¹⁵. Из приведенных статистических данных наглядно видно преобладание Ярославской области в указанном секторе народного хозяйства по ключевым индикаторам — объему валовой продукции и численности работающих.

Лощенков приводил и другие, как кажется, более субъективные данные в пользу своей «вотчины»: «... в Ярославской области размещены наиболее крупные предприятия пищевой промышленности, требующие более оперативного руководства... предприятия Костромской области и Александровский ликеро-водочный завод по территориальному расположению и роду выпускаемой продукции больше тяготеют к Ярославским предприятиям... небольшие однородные предприятия Владимирской области (ликероводочные, спиртовой, паточный заводы и др.) могут быть объединены в более крупные специализированные производственные объединения»¹⁶.

И далее Лощенков резюмировал: «Все это свидетельствует о том, что Управление пищевой промышленности Верхневолжского совнархоза более целесообразно разместить в г. Ярославле». Практически аналогичные статистические данные Первый секретарь Ярославского промышленного обкома предложил в служебной записке и по другому ключевому сектору Верхневолжского совнархоза — Управлению легкой промышленности, которая традиционно, исторически была незыблемой прерогативой текстильного края — Ивановской области. Однако и здесь производственные цифры говорили в пользу Ярославля: «Из общего объема валовой продукции... на предприятия Ярославской области приходится — 46,3%, Костромской — 16,7%. Владимирской — 27,2%, Ивановской — 9,8%. Соотношение общих трудовых ресурсов в легкой промышленности по Верхневолжскому совнархозу также свидетельствовало о существенном отрыве Ярославля от своих партнеров (Ярославская область — 46,8%, Костромс-

кая — 14,8%, Владимирская — 19,5%, Ивановская — 18,9%)»¹⁷. Правда, стоит отметить, что в данные по легкой промышленности Ивановской области не были включены показатели комбината по производству искусственной подошвы, который, по мнению Лощенкова, необходимо было передать в Управление химической и резинотехнической промышленности совнархоза, что вполне соответствовало интересам Ярославля, так как данное управление уже и так было под его контролем¹⁸. Затем, как и в случае с Управлением радиотехнической промышленности, ярославский руководитель указал на пространственное тяготение предприятий Костромской области и г. Александра Владимирской области к Ярославлю («территориально расположены ближе к Ярославлю... также целесообразно Управление легкой промышленности перевести из г. Иваново в г. Ярославль») ¹⁹.

Стоит сказать, что буквально через несколько дней ярославским промышленным обкомом в ЦК КПСС был направлен казался бы дежурный отчет (от 07.06.1963 г. № 015) о проведенных партсобраниях в Ярославской области. Однако он содержал серьезную критику Верхневолжского совнархоза через глас народа. Так, с одной стороны, главный инженер предприятия п/я 9 т. Лохин и инженер Волжской шерстопрядильной фабрики т. Альтименко раскритиковали Верхневолжский совнархоз «за непринятие должных мер по внедрению в производство пластмасс и замене на предприятиях давно устаревшего оборудования новым», а, с другой стороны, на Тутаевском и Гаврилов-Ямском городских собраниях партийный актив подверг критике Верхневолжский совнархоз «за плохое снабжение предприятий сырьем и запасными частями»²⁰. Приведенные критические высказывания рядовых коммунистов, содержащиеся в отчете для ЦК КПСС, вероятно, должны были стать дополнительным аргументом в поддержку основной служебной записки Лощенкова о необходимости переноса значительной части властных полномочий укрупненного совнархоза из Иваново в Ярославль.

Лоббизм Лощенкова увенчался относительным успехом. По крайней мере несколько управлений Верхневолжского совнархоза (химической и резинотехнической, радиотехнической промышленности, автотракторного машиностроения) расположились в Ярославле²¹, что имело неоднозначные последствия для регионов укрупненного совнархоза. С одной стороны, частично были решены проблемы, изложенные в записке Лощенкова. С другой стороны, для более слабых регионов в квартете объединенного совнархоза хаос в производственном процессе только усилился. Так, заводы «Автоприбор» и «Электроприбор» г. Владимира испытали проблемы в управлении производством: «Отраслевое Управление радиотехнической промышленности расположилось в Ярославле. Если раньше заводчанам для решения вопросов достаточно было спуститься по улице Батурина на 500 метров, и вот он Совнархоз, то теперь надо было колесить по трем областям, то до Иванова, то до Ярославля. Да и в Москве кое-что надо было решать у разработчиков, в Госснабе, в Госплане. И длилось это три с лишним года»²².

Таким образом, ситуация, сложившаяся с Верхневолжским совнархозом, проанализированная на основе рассекреченных документов, иллюстрирует достаточно типичную модель взаимодействия ре-

гиональной элиты с Центром на закате эпохи Хрущёва. Реформа совнархозов, а затем и разделение партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные²³ неминуемо привели к перманентному конфликту интересов местных партийных и хозяйственных элит. Борьба региональных руководителей за ограниченные ресурсы и управление хозяйственными структурами значительно усилила такое негативное явление как местничество, изначально внутренне присущее советской региональной партийной номенклатуре и еще больше разросшееся в последующую эпоху Брежнева. В условиях укрупнения совнархозов автоматически происходило ущемление властных полномочий и обделение экономическими ресурсами одних региональных элит в пользу других, более удачливых. Из-за присущей Хрущёву поспешности и непродуманности реформ разделение полномочий и ресурсов нередко приводило к крайне несправедливому положению вещей, когда регион, изначально более сильный, экономически развитый и диверсифицированный, оказывался в фактическом хозяйственном подчинении у более узко специализированного.

Такое положение вещей естественно не устраивало некоторых сильных руководителей регионов, прежде всего первых секретарей обкомов. Ключом к решению проблемы внутри укрупненного совнархоза был активный, иногда откровенно агрессивный, но в большинстве случаев вполне обоснованный поиск путей перераспределения ресурсов в свою пользу через лоббизм партийных региональных лидеров. Этот лоббизм проявлялся как через представление в союзный Центр аргументированных служебных записок, носивших нередко подчеркнуто секретный характер, как это видно из проанализированного выше источника, так, вероятно, и через личные встречи с высокопоставленными покровителями из центрального руководства (ЦК, Политбюро, Совмина СССР/РСФСР и т.п.), которые требуют отдельного аналитического исследования.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950—1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти».

1. См., например: АКСЮТИН Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М. 2008; ЗУБКОВА Е.Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М. 1993; ПИХОЯ Р.Г. Советский союз. История власти. 1945—1991. М. 1998; ПЫЖИКОВ А.В. Хрущевская оттепель. 1953—1964. М. 2002; ТАУБМАН У. Хрущёв. М. 2009; Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. М. 2009; ХЛЕВНЮК О.В. Региональная власть в СССР в 1953 — конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты. — Отечественная история. 2007, № 3, с. 31—49; МЕРЦАЛОВ В.И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957—1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): автореф. дисс. докт. ист. наук. Иркутск. 2001; ГОРЛОВ В.Н. Московские городской и областной совнархозы (1957—1965 гг.): противоречия становления и развития. М. 2014; ПОДОЛЬСКИЙ С.И. Ленинградский совет народного хозяйства: организация, методы деятельности; отношения с партийными и советскими структурами (1957—1966): дисс. канд. ист. наук. СПб. 2011.
2. ЮДИН К.А. От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации». — Вопросы истории. 2016, № 12, с. 14.

3. ШЕСТАКОВ В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М. 2006, с. 262—263.
4. РАЗМОЛОДИН М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенко (интервью с бывшим первым секретарем Ярославского обкома КПСС). Ярославль. 1995, с. 76.
5. Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО), ф. Р-3651, оп. 1, д. 295, л. 1—12.
6. РАЗМОЛОДИН М.Л. Ук. соч., с. 76.
7. ШЕСТАКОВ В.А. Ук. соч., с. 266.
8. МОХОВ В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950—1990). Пермь. 1998, с. 87.
9. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО), ф. 7386, оп. 1, д. 7, л. 1—3.
10. Там же, д. 131, л. 36.
11. Там же, д. 7, л. 1.
12. Там же, л. 3.
13. Там же, л. 1.
14. Там же, л. 1—2.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же, л. 2—3.
18. ГА ЯО, ф. Р-841.
19. ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 7, л. 3.
20. Там же, д. 6, л. 69—70.
21. ГА ЯО, ф. Р-490, Р-841, Р-842.
22. Прощание с автоприборами. (URL:http://electropribor.ru/files/13_13_glava__1964_.pdf).
23. ХЛЕВНЮК О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущёва: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962—1964 гг. — Российская история. 2012, № 4, с. 164—179.

К вопросу о количестве рабочих-двадцатипятитысячников на Нижней Волге в 1930 г.

В.А. Поляков

Аннотация. В работе впервые через выяснение количества пролетариев, направленных из разных промышленных центров страны, предпринимается попытка определить численность рабочих-двадцатипятитысячников, прибывших в Нижневолжский край для проведения социалистической коллективизации деревни.

Ключевые слова: коммунистическая партия, сельское хозяйство, коллективизация, рабочий класс, деревня.

Abstract. For the first time the work makes an attempt to determine the number of urban workers known as the twenty-five-thousanders who arrived to the Lower Volga Krai for the carrying out socialistic collectivization in the village. It does so by clarifying the number of proletarians.

Key words: Communistic Party, agriculture, collectivization, working class, village.

Социалистическому преобразованию сельского хозяйства в СССР посвящены тысячи монографий и научных статей¹, в ряду которых значительное место занимают работы, раскрывающие тему участия рабочего класса в колхозном строительстве². Но в условиях ограниченного доступа к архивным документам авторы этих работ, к тому же опиравшиеся на марксистско-ленинскую методологию, не могли абсолютно полно воссоздать историю коллективизации российской деревни, включая не только характер и последствия участия рабочих города в этом процессе, но и их численность. Если в 1947 г. говорилось о 26,5 тыс. рабочих, то в последующем назывались и 27 519 чел. с округлением до 27,5 тыс., и о 27 тыс., и о 23 409 чел.³, а в ряде работ их численность определялась даже в 35 тыс. человек⁴. Такие разночтения преодолимы только через выяснение количества двадцатипятитысячников по отдельным регионам страны, поэтому целью данной публикации стало определение численности городских пролетариев, прибывших в Нижневолжский край на начальной стадии колхозного строительства.

Поляков Вячеслав Александрович — доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета. E-mail: vavpoliakov@rambler.ru; muzeum@volsu.ru.

Poliakov Vyacheslav A. — doctor of historical sciences, professor at the Volgograd State University. E-mail: vavpoliakov@rambler.ru; muzeum@volsu.ru.

Нижнее Поволжье входило в группу районов первоочередной коллективизации, поэтому сюда, в соответствии с решениями ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК ВКП(б) ⁵, был направлен один из самых больших отрядов двадцатипяти тысячников. Их количество, как и в случае с общесоюзными данными, в ряде исследований было представлено с разбросом цифр от 2 600 до 3 264 человек ⁶. При этом в архивных документах есть и иные сведения, например, 3009 и 3269 человек ⁷.

Такие разночтения объяснимы рядом причин: одни исследователи не располагали достаточной источниковой базой; другие не всегда критически относились к ним, не сопоставляли одни данные с другими; третьи могли допускать ошибки, принимая плановые наметки за действительность; четвертые брали за основу количество рабочих в более поздний период, когда часть их уже вернулась на предприятия.

Добиться более точной информации можно только путем сопоставления количества рабочих, отправленных с предприятий восьми городов страны, с числом двадцатипяти тысячников, прибывших в 8 округов и 2 автономные республики Нижневолжского края. По данным на середину февраля 1930 г. они были распределены следующим образом: Аткарский округ — 351 чел. из Ленинграда и 40 из Саратова; Астраханский округ — 259 местных жителей и 22 из Нижнего Тагила; Балашовский округ — 393 из Ленинграда (хотя первоначально было отобрано 397, но 4 были задержаны на предприятиях ⁸); Вольский округ — 70 были местные, 214 из Ленинграда, 35 из Саратова и 1 из Баку; Камышинский округ — 242 из Ленинграда и 93 из Саратова; Пугачёвский округ — 251 из Ленинграда и 78 из Саратова; Сталинградский округ — 375 (все местные); Хопёрский округ — 203 из Москвы и 92 из Саратова; АССР НП — 318 и Калмыцкая АССР — 109 рабочих (все из Ленинграда).

Таким образом, общее число составило 3146 чел. ⁹, где представителями местных городов — Сталинграда, Саратова, Астрахани, Вольска — было 1042 рабочих, а крупных союзных центров — Москвы, Ленинграда, Нижнего Тагила, Баку — 2104. При этом надо заметить, что 22 нижнетагильских рабочих ранее исследователями не упоминались. Кроме того, о верности представленных данных свидетельствует и информация ВЦСПС в ЦК ВКП(б) от 13 мая 1931 г., где общая цифра двадцатипяти тысячников в Нижнем Поволжье также определялась в 3146 рабочих. К тому же надо заметить, что о правильности представленных данных свидетельствует и информация ВЦСПС в ЦК ВКП(б) от 13 мая 1931 г., где общая цифра также определялась в 3146 человек ¹⁰.

Эти рабочие, прибывшие кто добровольно, кто по партийно-производственной мобилизации, внесли свой вклад в социалистическую реконструкцию деревни. Прежняя положительная оценка этого факта, подтвержденная высокими процентными показателями коллективизированных крестьянских хозяйств и обобществленной земли, исключавшая упоминание о потерях государства из-за спада аграрного производства, как в растениеводстве, так и в животноводстве, а также последовавшем голоде, не омрачалась данными о потерях в промышленности из-за отрыва специалистов, в ней занятых.

С позиции сегодняшнего дня ясно, что принципы производственного разделения труда нарушать нельзя: промышленные предприятия должны давать качественные машины, удобрения и другую про-

дукцию, позволяя аграрному сектору экономики добиваться высоких результатов в производстве продуктов питания. Именно поэтому вместо закупки зерна при советском колхозно-совхозном строе (в 1989 г. СССР закупил 44 млн т) ныне, как когда-то в Российской империи (в 1909—1913 гг. она ежегодно вывозила около 10,5 млн т зерна) ¹¹, вновь стал возможен экспорт зерновых культур.

Примечания

1. ПОГУДИН В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М. 1975; История советского крестьянства. Т. 2. М. 1986.
2. МАКСИМОВ А. Двадцатипятидесятники в колхозах. Л. 1931; АНАСТАСЕНКО Ф.И., КРИЧЕВСКИЙ А.О. Двадцатипятидесятники-краснопутиловцы на колхозной стройке. Л. 1931; РОЗЕНФЕЛД В.Я. Двадцатипятидесятники. М. 1957; БОРИСОВ Ю.С. Двадцатипятидесятники. М. 1959; СЕЛУНСКАЯ В.М. Рабочие-двадцатипятидесятники. М. 1964; ИВАШКИН С.С. Новейшая литература о роли рабочего класса в социалистическом преобразовании и развитии сельского хозяйства СССР. — Вопросы истории. 1979, № 6, с. 147—154.
3. ЗОМБЕ Е.Б. 25-тысячники. — Вопросы истории. 1947, № 5, с. 19; Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.). Сб. документов. М. 1956, с. 544; СМЫШЛЯЕВ В.А., ЖИЛКИН Н.С. Полпреды рабочего класса. По зову партии. Л. 1961, с. 12; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М. 1969, с. 96; Славный путь ленинского комсомола. М. 1978, с. 223.
4. Краткая история советского рабочего класса (1917—1967). М. 1968, с. 203; Советское крестьянство: Краткий очерк истории, 1917—1970. М. 1973, с. 255.
5. Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства: Резолюция, принятая ноябрьским (1929 г.) пленумом ЦК ВКП(б). КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 34.
6. ЗОМБЕ Е.Б. Ук. соч., с. 11; АЛЕКСЕЕНКО И.И. Рабочие-двадцатипятидесятники — проводники политики Коммунистической партии в колхозном строительстве. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Красноярск. 1957, с. 425; ДЕНИСОВА А.М. Роль 25-тысячников в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. Доклады научных конференций ССХИ. Т. 1. Сталинград. 1958, с. 30; МЕДВЕДЕВ В.К. Решающий этап колхозного строительства в Нижне-Волжском крае (1929—1931). Из истории Великой Октябрьской революции и социалистического строительства. Саратов. 1958, с. 250; АБРАМОВ Б.А. Коллективизация сельского хозяйства в РСФСР. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М. 1963, с. 102; История Саратовского края. 1917—1965. Саратов. 1967, с. 176; ФЕДОСЕЕВА В.И. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по развитию массового социалистического соревнования в деревне в 1931—1932 гг. В кн.: История партийных организаций Поволжья. Саратов. 1977, с. 105.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5451, оп. 14, д. 85, л. 28; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИ СО), ф. 55, оп. 1, д. 146, л. 119.
8. ГАНИ СО, ф. 55, оп. 1, д. 169, л. 139.
9. Подсчитано автором по данным: ГА РФ, ф. 5451, оп. 15, д. 311, л. 9; Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7446, оп. 12, д. 131, л. 30; ГАНИ СО, ф. 55, оп. 1, д. 169, л. 19, 99, 110, 112, 114, 116, 120, 132, 134—136, 138—141, 180; д. 176, л. 15; д. 218, л. 24, 61, 64, 65, 90—92; ф. 175, оп. 1, д. 110, л. 20, 21; ф. 466, оп. 1, д. 165, л. 69; ф. 596, оп. 1, д. 105, л. 27; Центр хранения современной документации Астраханской области, ф. 6, оп. 1, д. 56, л. 21; д. 27, л. 37об.; Центр документации новейшей истории Волгоградской области, ф. 76, оп. 1, д. 103, л. 14; Путь трудовых побед: Сб. док. и материалов. Волгоград. 1967, с. 195.
10. ГА РФ, ф. 5451, оп. 15, д. 311, л. 9.
11. См.: Валюта за зерно: своим или чужим? (Интервью начальника Управления статистики агропромышленного комплекса Госкомстата РСФСР, кандидата экономических наук В. Нефёдова). — Аргументы и факты. 1990, № 26, с. 1, 7.

Взаимоотношения Джарской республики и Кахетинского царства в конце XVII — первой четверти XVIII в.

Р.С. Абдулмажидов, Ш.М. Хапизов

Аннотация. В работе рассматривается история взаимоотношений Джарской республики (союза джарских общин) и Кахетинского царства в конце XVII — начале XVIII века. Используя разнообразный круг источников, авторы анализируют военно-политические события, происходившие в исследуемый период на Южном Кавказе. Кроме того, впервые публикуется перевод составленного на арабском языке договора, заключенного между кахетинской знатью и предводителями джарских обществ.

Ключевые слова: Дагестан, Грузия, Южный Кавказ, Джарская республика, Кахетинское царство, лекианоба.

Abstract. The work deals with the history of the relationships between the Djar Republic (the union of Djar communities) and the Kingdom of Kakhetia at the end of the XVIIth — the beginning of the XVIIIth centuries. Using a diverse range of sources, the authors analyze the military-political events that took place in the investigated period in the South Caucasus. Moreover, a translation of a treaty in Arabic concluded between the Kakheti nobility and the leaders of the Djar societies is published for the first time.

Key words: Dagestan, Georgia, the South Caucasus, the Djar Republic, the Kingdom of Kakhetia, Iekianoba.

В конце XVII в. южные склоны Главного Кавказского хребта и прилегающее к ней левобережье Алазанской долины стали центром формирования нового государственного образования, которое в русских источниках называлось Джарская республика. Исторически данная территория, известная среди населения Нагорного Дагестана как Цор, являлась регионом проживания закавказских аварцев.

Абдулмажидов Рамазан Султанович — заведующий отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: ramazana@yandex.ru; *Хапизов Шахбан Магомедович* — научный сотрудник Отдела древней и средневековой истории Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: markozul@mail.ru.

Abdulmajidov Ramazan S. — chief of the department of Oriental Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: ramazana@yandex.ru; *Khapizov Shakhban M.* — researcher at the Department of Ancient and Medieval History of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: markozul@mail.ru.

Наряду с названием Цор, часто обозначавшим всю Алазанскую долину, а иногда и Закавказье в целом, у авторов XIV—XIX вв. известно и наименование собственно аварской его части — Голода. Оно употреблялось в основном в XVI — начале XVIII вв., когда политическим центром аварского государства в Закавказье являлось одноименное поселение. Однако постепенно, по мере значительного расширения территорий заселения закавказских аварцев, пик которого пришелся на начало XVIII в., крупнейшим поселением стал Джар (ныне г. Закатала в Азербайджане). Переломным моментом в этом процессе стало нашествие войск иранского завоевателя Надир-шаха в 1741 г., в ходе которого поселение Голода было разрушено, а все уцелевшее население переселилось в Джар — более благоприятную в хозяйственном отношении местность. Позднее, по наименованию нового политического центра, сложившееся государственное образование закавказских аварцев стало называться Джарской республикой.

Известно, что управление Джарской республикой было сосредоточено в руках у избираемого кадия, выполнявшего функции главы не только судебной, но и исполнительной власти. Местные письменные источники дают возможность проследить за хронологией пожизненного исполнения «кадиями Чара» обязанностей руководителей Джарской республики. Арабоязычный источник XIX в. приводит имена кадиев и последовательность их правления на протяжении 1730—1760 годов.

В период становления Джарской республики в Южном Кавказе значительно усилилось влияние сефевидского Ирана. Завоевания шаха Аббаса I привели к утрате политического суверенитета местными феодальными владениями, попавшими в полную зависимость от иранского шаха. Особенно сильным это влияние было в Восточной Грузии, правители которой нередко воспитывались при шахском дворе и принимали ислам. Появление в регионе независимого политического образования противоречило интересам как кахетинской знати, так и их сюзерена. Вследствие этого, с их стороны неоднократно предпринимались попытки ликвидировать зарождавшееся в Закавказье аварское государственное образование.

Одной из таких попыток являлся поход кахетинских феодалов в 1695 г., когда произошло крупное сражение между цорскими аварцами и войском кахетинских феодалов. По сведениям автора «Джарской хроники»¹, «в месяце шабан 1106 г. (начался 17 марта 1695 г.), у села Голода произошло решающее сражение, в ходе которого кахетинцы были разбиты и потеряли убитыми 500, а джарцы — 21 человек»². Эта же информация повторяется и в другом местном источнике: «произошла война между неверующими и жителями Чара, в нем же, в тысяча сто шестом году, в месяце шабан, в воскресенье. Из числа мусульман мучеником пал двадцать один муж, а из грузин было убито пятьсот мужей»³. При этом, в другой версии вышеупомянутой «Джарской хроники» указано, что это событие имело место в 1108 г.х. (начался 30.07.1696) и было убито в сражении 24 аварца и около 400 грузин⁴. Кроме того, в этом источнике сообщается об участии в сражении аварцев из горных общин Нагорного Дагестана.

Данное событие нашло отражение и в грузинских источниках, в частности у автора XVIII в. Вахушти Багратиони, который сообщил некоторые подробности, связанные с ходом сражения и его причина-

ми. По его сведениям, в 1695 г. очередным наместником (сардар) Ирана в Восточной Грузии был назначен некий Калбали-хан. По прибытии в Тбилиси царя Картли Ираклия I (он же — Назар-’Алихан) и Калбали-хана к ним прибыла депутация кахетинцев с просьбой разрешить им «идти на чарцев и перебить их, ибо они больше всех творили насилие в Заречье⁵ и Элисени⁶ и дагестанцам служили проводниками и [устраивали] пристанища, и было от них пленение, разорение и убийства путем предательства, воровства и грабежа после царя Арчила⁷ по сего времени»⁸. Получив в ходе этих переговоров разрешение, кахетинцы отправились в поход на «чарцев».

Само сражение, согласно Вахушти Багратиони, происходило следующим образом: кахетинское войско, перейдя реку Алазани в районе села Алибад, встало там лагерем. Джарцы просили не нападать на них, обзавясь платить дань, что было проигнорировано нападавшими. Вступив в Джар, грузины начали теснить аварские отряды, защищавшие его, «перебили их, опустошили и разрушили их укрепления». Захватив город, они стали «в продолжение трех дней уходить отсюда на грабеж» в соседние аварские селения. После этого грузинские «крестьяне», взяв добычу, начали уходить из города, несмотря на увещевания кахетинской знати. Увидев это, джарцы открыли «ружейную пальбу, убили Душиа и других вельмож». Таким образом, складывавшаяся вначале удачно для кахетинцев военная кампания, закончилась их поражением и вынужденным отступлением.

В начале XVIII в. кахетинские цари проводили активную политику по восстановлению своего политического и экономического влияния в регионе. Пытаясь восстановить разоренное шахом Аббасом в начале XVII в. хозяйство и увеличить народонаселение, они стали активно переселять в Кахети жителей центральной Грузии — Картли⁹. В 1703 г. иранский шах сменил прежнего наместника в Кахети на Давида (Имамкули-хана) — 25-летнего представителя грузинского царского дома, принявшего ислам и воспитывавшегося при шахском дворе. Его жена также была мусульманкой и принадлежала к «фамилии шамхалов» Газикумуха¹⁰. Очевидно этим назначением Сефевиды стремились снизить влияние Джарской республики в регионе и получить в союзники правителей одного из феодальных владений Дагестана.

Вместе с тем, одним из важнейших факторов в социально-политической жизни народов Восточного Кавказа на рубеже XVII—XVIII вв. стали внутриконфессиональные противоречия местных мусульманских народов. Один из последних представителей династии Сефевидов Султан-Хусайн (1694—1722) проводил жестокие репрессии против суннитского населения в регионе. Такая политика вызвала противодействие суннитского населения Восточного Кавказа. Одним из наиболее активных центров противостояния шиитской агрессии стала Джарская республика.

Весной 1705 г. к шаху было доставлено послание от Реваза Андроникашвили — моурава (управляющего) Енисели¹¹. Он сообщал, что «Али-султан, являющийся правителем Цахура и числящийся наибом высокостепенного Аллахверди-хана, собрав аварцев — джарцев, тальцев, мухахцев, кусурцев, совершил нападение на Кахетию... Али-султан обрушился на него, перебил и пленил много грузин, а также угнал тысячу голов лошадей, коров и баранов... большая часть участ-

ка, который лежит на границе, превращена теперь в руины и мало того — джарцы стали теперь распоряжаться Енисельским участком». В письме также указывалось, что во всем этом вина «высокостепенного Аллахверди-хана», который не дал надлежащего воспитания» своему наибу¹². В связи с произошедшими событиями, Султан-Хусайн издал указ¹³, в котором приказывал Аллахверди-хану, собрав своих воинов, направить их в Кахетию и вернуть захваченное имущество и пленных грузин¹⁴. Однако исполнить приказ шаха ширванскому наместнику не удалось, что привело кахетинскую знать к решению самим совершить карательный поход на Джарскую республику. Этот поход был осуществлен в 1706 г. и окончился поражением кахетинцев¹⁵.

В 1708 г. Имамкули-хан решил совершить новый поход. Вахушти Багратиони смешивает факты из обоих походов и приписывает все первому, состоявшемуся в 1706 году¹⁶. Однако «Джарская хроника» уточняет, что походов было два, и второй состоялся в 1120 г.х. (начался 22.03.1708)¹⁷. Эту же дату называет и одна из выявленных памятных записей: «Приход Имамкули-хана в Чардах, и его поражение — в 1120 г.»¹⁸

Имамкули-хан поначалу «успокоил чарцев, и обещали они платить дань», однако, как видно из последовавших событий, обе стороны не собирались выполнять достигнутые договоренности. Согласно Вахушти Багратиони, кахетинская знать уговорила его «разорить Чари и избавить Кахети от этого бедствия». Собрав войска со всей Кахетии, присоединив к нему тушин, пшавов и хевсур, он, перейдя Алазани, остановился в «Вардиани»¹⁹. Согласно грузинским источникам, здесь к нему пришли джарцы с просьбой не разорять их и обязуясь выплачивать дань. Кахетинский царь был склонен согласиться, но знать настояла на необходимости продолжить поход на Джарскую республику. Ввиду явного превосходства сил противника, джарцы соорудили крепостной вал при въезде в село Эхеда Чардах со стороны Мухаха. Они засели на левой стороне речки Банди-ор, а кахетинцы безуспешно их атаковали. Тогда джарцы прибегли к своей излюбленной тактике, которую они позже применили и при нашествии брата Надир-шаха — Ибрагим-хана — в 1738 году. Около 60 отборных стрелков, окружным путем вошли в тыл кахетинцам и приблизились к лагерю самого Давида, которого в это время развлекали музыкой. Джарцы начали «палить из ружей», что вызвало смятение в лагере противника. Свита Давида стала убегать, в то время как сам он рвался в бой. Предвидя возможность убийства или пленения их предводителя, тушины доставили его на другой берег Алазани. Туда же вскоре перебрались и остатки разбитого кахетинского войска, которые, узнав о случившемся в лагере своего предводителя, начали в беспорядке отступать под натиском джарцев²⁰. После этого тяжелого поражения, Имамкули-хан вынужден был перенести свою ставку из крепости Карагаджи, расположенной на правом берегу Алазани, в город Телави.

Осознав свое военное превосходство в регионе, цорские аварцы сами организовали в начале XVIII в. ряд крупных походов против соседних феодальных владений²¹. Основным их организатором стал Али-султан (он же Али-паша) Елисуйский²². обстоятельное повествование о становлении Али-султана как видного военачальника дано в «Краткой истории страны Албанской (1702—1722 гг.)», написанной

карабахским католикосом Есаи Хасан Джалаяном. По его сведениям, в Джаре, Тала и Кахе были организованы военные отряды, во главе которых встал Али-султан, «до этого по приказу шаха управлявший страной. Все они объединились, объявили себя самостоятельными, отвратились от царя и восстали против него в 1161 г. (1712 г.). До этого они опустошили и пленили области: Инисели, Шекинскую, Пасынджуг, Мумпарак и много других селений»²³. Взяв под свой контроль всю территорию Шекинского ханства и большую часть Алазанской долины, закавказские аварцы продолжили расширять зону своего влияния.

Вахушти Багратиони сообщает, что Имамкули-хан с 1710 до 1715 г. находился в Иране, оставив вместо себя родного брата Теймураза. В 1714 г. состоялись несколько стычек джарцев с картлийскими и кахетинскими отрядами на правом берегу Алазани, в исторической области Кизики, в которых грузины потерпели поражение²⁴. В 1715 г., согласно его данным, в окрестностях селения Манави произошло столкновение грузинского отряда с джарцами, которые «убили элисенского мурава Мераба, Зазу и Реваза и 24 знатных кахов и крестьян многих, захватили добыч и ушли»²⁵. В том же году картлийское войско потерпело еще одно поражение в Кизики от джарцев²⁶. А в 1716 г. кахетинцы «установили мир» с джарцами, а также «дали им проводников, чтобы они разорили Казах, Болниси, Шамшадилу и Карабах»²⁷.

Таким образом, в начале XVIII в. политическое влияние Джарской республики в Закавказье значительно выросло. Джарцы стали играть важную роль в экономической и политической жизни региона, нередко за помощью к ним обращались правители Османской Турции и сефевидского Ирана²⁸. Как отмечает И.П. Петрушевский, в XVIII в. «не только в политических комбинациях мелких ханств Азербайджана и Дагестана их поддержка нередко играла решающую роль, но и обе главные соперницы — Турция и Персия — стремились заручиться союзом с Джаром. Чаше джарцы поддерживали суннитскую Турцию. Их отряды хозяйничали порой и на очень отдаленных от Джара территориях. В 1710 г. они взяли Шемаху и разграбили Ширван. В 1714 г. кахетинский царь Имам-Кули-хан обязался платить Джару ежегодную дань в размере 100 туманов»²⁹. «Джарская хроника», повторяя эту информацию, приводит другую дату заключения договора о выплатах со стороны Имамкули-хана — 1715 год³⁰.

О высоком военном потенциале Джарского государства писал и французский консул в Тбилиси Ж.Ф. Гамба (назначен в 1819 г.). По его словам, «альянс с ними (джарцами. — *Р.А., Ш.Х.*) всегда был желателен для соседей. Они нанимались в волонтеры, без различия в том, что народ, нанимавший их мусульмане или христиане. Они в разные эпохи составляли особые части у турков, персов, грузин, и старый Ираклий в последние годы своего царствования имел постоянно их на своей службе... Когда подвластные феодалы отлынивали от уплаты ему денег, он посылал к ним определенное количество лезгин, которые оставались у них, пока те не уплатят положенную с них сумму»³¹. Схожие оценки встречаются в турецких источниках, в частности, у автора начала XVIII в. Алибея Бедреддинзаде: «Из четырех деревень, именуемых Джархар» выступили 2000 аварцев, возглавляемых «Канлы Шабаном» и «Молла Абдуллахом». Три года подряд

они неоднократно совершали нападения на Тифлис и Гянджу, постепенно наращивая военный потенциал»³².

Следует также отметить, что под влиянием Джарской республики в XVIII в. находился ряд горных аварских обществ Дагестана, с которыми джарцев связывали не только общие политические и экономические интересы, но и кровнородственные узы. Они обеспечивали джарцам надежный тыл, что было крайне важно в борьбе с региональными державами. Горцы Юго-Западного Дагестана активно участвовали практически во всех военных предприятиях джарцев. Кроме того, тесные союзнические отношения республика установила и с Аварским нуцальством.

Своеобразным итогом военного противостояния между Джарской республикой и Кахетинским царством стало заключение в 1715 г. договора между ними, по которому Имамкули-хан обязывался ежегодно выплачивать 100 туманов³³. В 1129 г.х. (начался 15 декабря 1716 г.) этот договор был нарушен дагестанским отрядом, прибывшим в Белоканы, и оттуда совершившим поход на селение Магаро, на правом берегу Алазани³⁴. В свою очередь, тушины угнали у джарцев стада овец, убив пастухов³⁵. Видимо после этого, в 1718 г., джарцы покорили все левобережье Алазани от Гавази до Сабуге³⁶, население которого обязалось выплачивать подати. В том же году, согласно «Джарской хронике», Имамкули-хан прибыл в Гавази для заключения нового мирного договора с джарцами и принял там ислам суннитского толка, что по-видимому было одним из условий его заключения³⁷.

В Центральном историческом архиве Грузии удалось выявить один документ, озаглавленный «Перевод с договора, заключенного царствовавшим в Грузии Имамкули-ханом и кахетинскими главными князьями с лезгинами деревень: Мухах и Чардахлу»³⁸, и датированный мартом 1718 года. Однако, как следует из содержания самого договора, заключен он был не только с «лезгинами» Мухах и Чардахлу, а с «главами мусульман Мухах, Тала и Джар» то есть с политическим руководством Джарской республики. Этот документ попал в грузинский архив вместе с материалами Закатальской сословно-поземельной комиссии, куда он был доставлен влиятельными лицами селения Мухах Закатальского округа в 1862 г. для доказательства своих наследственных прав³⁹. Согласно этому документу, Имамкули-хан и прочие князья ранее уже договаривались с политическим руководством джарцев об уплате им денег за то, чтобы они «не допускали булгадаров⁴⁰ до ограбления края и пленения людей силою ли оружия или увещеваниями»⁴¹. Видимо, по истечении некоторого времени стали учащаться факты нарушения этого договора, что и привело к заключению нового соглашения со значительным увеличением выплачиваемой суммы.

Вот текст этого документа (пер. Р.С. Абдулмажидова и М.Г. Шехмагомедова):

«И затем, после произнесения того, с чего следует начинать каждое важное дело⁴².

Этот документ от знатных лиц Кахетии.

Причиной и поводом к его составлению стало то, что ранее между нами и главами мусульман Мухах, Тала и Джара был заключен мирный

договор на [определенных] условиях и договоренностях, которые содержались и разъяснялись в документе, составленном при заключении того договора. Однако этот договор начал постепенно терять свою силу, потому что, некоторые с обеих сторон, начали совершать то, что противоречило условиям и соглашениям, содержащимся в указанном договоре. И тогда собрались ученые и предводители мусульман у величайшего из правителей, почтеннейшего, знатнейшего, благороднейшего и наищедрейшего из них, великого хана Имамкули-хана, да пребудут все под сенью его справедливости, четвертого месяца тысяча сто тридцатого года хиджры (Начало четвертого месяца 1130 г.х. — 3 марта 1718 г. — *Р.А., Ш.Х.*).

Мы обновили с ними тот мирный договор, а также условия и соглашения, которые заключались в предыдущем документе. Мы также укрепили его основы и подтвердили его положения. И дали обет нашим богам, Отцу, Сыну и Святому духу в том, что мы не отойдем от того, что требует от нас этот договор, условия и соглашения, которые в нем содержится. И будем всячески препятствовать совершению того, что противоречит им. И тот из нас, кто нарушит данный обет, не будет иметь ничего общего с нашими богами, крестом и церковью. И также будет отрешен от нас.

Однако из-за того, что отряды булк'адарцев периодически нападают на области Кахетии, убивая и порабощая, чиня насилие против ее жителей. При этом грузинские христиане оказывают им сопротивление, защищая себя свое имущество и семьи. Тем самым, разжигается огонь смуты и бесчинства, сжигая города и людей. В присутствии благочестивого и достойного ученого, проницательного Мухаммад Казима ан-Наври (ан-Нури?) мы обязались выплачивать через служащих хана, да продлится его правление, вышеуказанным мусульманам 60 туманов, сверх того, что мы платили им согласно предыдущему мирному договору. [Это] помимо обязательств перед правителем мусульман и тем, кого он назначил править над нами. И тем самым общая сумма [выплачиваемого] составляет 100 туманов, с условием, чтобы мусульмане из жителей вышеуказанных сел и их соседи препятствовали джамаату Булк'адара в совершении грабежей, убийств, пленений и разжиганию бесчинств. [И делали это] путем назидания, или же силой, или же мечом и войной, если есть на то возможности. Или хотя бы, приводя их предводителей к хану, да будет вечным его правление, чтобы мы уговорили их прекратить указанные непристойные деяния.

Они (главы мусульман Мухах, Тала и Джар — *Р.А., Ш.Х.*) также обязались перед нами выполнять все условия, прописанные в нашем договоре.

И мы дали обет нашим богам, кресту и церкви выполнять эти обязательства до тех пор, пока они также будут соблюдать условия и соглашения, изложенные в предыдущем и последнем договорах. И да проклянут боги тех из нас, кто нарушит этот договор, пока другие продолжают соблюдать свои обязательства. Данное соглашение было составлено в вышеуказанное время в качестве довода против нас в случае необходимости.

И был утвержден мирный договор без ущерба, халатности... И предводители этих мусульман Мухаммад ал-Мухахи, [назначенный] управляющим (вали) сыном царя, Исмаил К'уджа, Шайх-Мухаммад, Шабан, Раджаб ⁴³, Нурав ⁴⁴, Шайх-Ахмад из Мухаха и К'анбур Сафар, Х'уршан, Умар ⁴⁵ из Чардах.

Дополнение к договору:

И взятое обязательство в виде уплаты 100 туманов, которая указана в данном договоре является тем же обязательством, которое указано во вто-

ром договоре. Однако эти два договора были составлены для того чтобы один из них хранился у жителей Мухах, а другой у жителей Джар. Тем самым сумма взятого обязательства для жителей обеих селений составляет 100 туманов. Они обязались не требовать с нас больше чем указанная сумма. И дали в этом обет всевышнему Аллаху. И лучшее воздаяние будет тому, кто исполнит данное им обещание.

Кроме того, что мы обязались выплатить нашему правителю...»⁴⁶

Как следует из вышеуказанного турецкого источника начала XVIII в., заключение подобных договоров стали практиковать и другие феодальные правители Грузии. В частности, когда «Тифлисский хан» Вахтанг, осознав губительность для Картли военных походов джарцев, обсудил этот вопрос со своим окружением, они «попросили пощады у вышеупомянутого племени. А названное племя же... пощадило их». Между ними воцарилось относительное спокойствие. Каждый год картлийцы и кахетинцы приглашали к себе влиятельных аварских предводителей и «дарили ткани и товары, драгоценные изделия, много красивых одежд, исполняли церемонию установления искренних отношений»⁴⁷.

В то же время, Персия не могла равнодушно наблюдать за усилением Джара и безуспешными попытками своих наместников в Грузии ликвидировать аварское государство. Закавказские аварцы представляли угрозу для интересов Ирана в Закавказье и неоднократно громили их войска, упорно сопротивляясь политике шаха Султан-Хусейна, вырезавшего суннитское население Восточного Кавказа и проводившего политику насильственной шиитизации. Согласно грузинскому историку Сехниа Чхеидзе, в 1721 г. имело место «обозление на лезгин», вызванное тем, что во время пребывания шаха Султан-Хусейна в Тегеране, первый визирь («этимадовле») государства — Фатали-хан «замышлял измену». Являясь дагестанцем по происхождению, представителем фамилии газикумухских шамхалов, он якобы собирался «воцариться» на престоле Сефевидов, свергнув Султан-Хусейна. Узнав о готовящемся перевороте, шах ослепил Фатали-хана и разорил его имущество. Вместе с тем, царю Картли Вахтангу пришло указание «напасть на лезгин и истребить их»⁴⁸. Картлийский царь, собрав свое войско, выступил с походом в Кахети, где к нему присоединился его зять — Теймураз, брат Имамкули-хана. Объединенное войско Картли и Кахети дошло до Алазанской долины, но к этому времени прибыло указание Султан-Хусейна о том, что поход на Джар будет осуществлен наместником Ширвана. Вахтангу пришлось распустить войско и вернуться в Тбилиси⁴⁹.

В это же время, по приказу шаха Султан-Хусейна, ширванский наместник Хасан Али-хан собрал «сорок тысяч шейтаноподобных воинов» для нападения на Джарскую республику и разбил лагерь на широкой равнине в Шекинском ханстве. Джарцы, как передал Алибей Бедреддинзаде, «напали рано утром на армию кызылбашей, убили упомянутых военачальников, прочих ханов и большинство воинов, а остальных захватили в плен, в их распоряжение попало все имущество, казна и скот. Убитых было так много, что от зловонных трупов через поле боя ни люди, ни дикие животные не могли пройти,

птицы не могли пролетать, а люди перестали пользоваться этим коротким путем»⁵⁰. Эти сведения подтверждает и очевидец тех событий С. Чхеидзе: «Ширванский хан выступил, пришел, и пока кахи присоединились к нему, напали на него лезгины, убили хана Ширвана, перебили, разорили их имущество, напали на Кахети и поработили и олезгинили Кахети»⁵¹.

После такого поражения сефевидский Иран был уже не в состоянии каким-либо образом влиять на ситуацию в Алазанской долине, тем более, что в этот период, на Южном Кавказе стало усиливаться влияние Османской империи. В ноябре 1722 г. кахетинский царь Имамкули-хан (Давид II) умер, и началась борьба за престол между его родным братом Теймуразом и сводным братом Махмудкули-ханом (Константин). Последнему удалось заручиться поддержкой как Сефевидов, так и джарцев, которые помогли ему в борьбе с картлийским царем Вахтангом. В 1723 г. джарцы, которых призвал себе на помощь Махмудкули-хан, 16 мая⁵² взяли штурмом Тбилиси и изгнали оттуда царя Вахтанга⁵³.

Уже в 1724 г. территория Грузии была полностью занята турецкими войсками, которые с помощью дагестанцев вытеснили из Закавказья Сефевидов. Таким образом, вплоть до 1734 г., когда Иран был объединен усилиями захватившего власть Надир-шаха, Южный Кавказ был поделен на сферы влияния между турками и дагестанцами, а в случае с Кахети — с Джарской республикой, находившейся на тот момент в зените своего военно-политического влияния, обладавшей одними из наиболее боеспособных вооруженных сил в регионе. Царства Восточной Грузии — Картли и Кахети — были охвачены внутренними распрями и были вынуждены выплачивать аварским общинам Цора крупные суммы с целью недопущения нападений со стороны Джарской республики и их дагестанских союзников. Такое положение сохранялось вплоть до середины 30-х гг. XVIII в., когда Надир-шах, в противовес Джарской республике и в целом дагестанцам, поддержал и усилил Теймураза II (1733—1744) и его сына Ираклия II (1744—1798).

Примечания

1. «Джарская хроника» — историческое сочинение, составленное на арабском языке и позднее переведенное на аварский язык, с включением в него ряда местных преданий. Ее автором, как установила С. Сулейманова, является кади Малла-Мухаммад ал-Гулуди, умерший в 1180 г.х. (начался 8.06.1766 г.). Неполный арабоязычный вариант этой хроники («Хроника войн Джара в XVIII столетии»), в переводе на русский язык, был опубликован в Баку в 1931 году. Более расширенный вариант хроники (на аварском языке) — «История войн аварцев Цора» — был издан в 1996 г. в Махачкале Т.М. Айтберовым. Кроме того, оригинальный текст хроники оказался в распоряжении Сулеймановой, которая издала его в переводе на азербайджанский язык в 1997 году. См.: Молла Мэнэммед Эл-Чари. Баку. 1997, с. 8 (на азерб. яз.).
2. Цоралъул аваразул рагъазул тарих. XI адур гъабун Т.М. Айтберовас. МахIачхъала. 1996 (на аварском языке).
3. АЙТБЕРОВ Т.М. Памятные записи. — Письменные памятники Дагестана XVIII—XIX вв. Махачкала. 1989, с. 137—140.

4. Молла Мэнэммэд Эл-Чари, с. 21.
5. Заречье — калька грузинского названия левобережья Алазани выше Лагодехи, то есть современного Кварельского района и восточной части Телавского района Грузии.
6. Элисени — микрорегион на левобережье р. Алазани, грузинские населенные пункты, расположенные вокруг сел Алибад и Мосул юго-восточной части Закатальского района Азербайджана.
7. Арчил II — царь Кахети в 1664—1675 годах.
8. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. История царства грузинского. Тбилиси. 1976, с. 162.
9. Там же, с. 163.
10. Там же, с. 164.
11. Енисели — южная часть современного Закатальского района, населенная грузинами-мусульманами.
12. Цит. по: АЙТБЕРОВ Т.М., ХАПИЗОВ Ш.М. Елису и Горный магал в XII—XIX веках (очерки истории и ономастики). Махачкала. 2011, с. 328—329.
13. ХУБУА М. Персидские фирманы и указы Музея Грузии. Тбилиси. 1949, ч. I, с. 46—50 (на груз. яз.).
14. Цоральгул аваразул рагъазул тарих, гь 21.
15. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 165.
16. Молла Мэнэммэд Эл-Чари, с. 21.
17. АЙТБЕРОВ Т.М. Ук. соч., с. 137—140.
18. Под ним грузинские исследователи XX в. предлагают понимать современное село Гюллюк.
19. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 165.
20. Там же, с. 166.
21. Наиболее известны по русским источникам походы 1707, 1711 и 1720—1721 годов. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. VI. Тифлис. 1875, ч. II, с. 1091.
22. Правитель небольшого владения — Елисуйского султаната, включавшего в себя некоторые общины в верховьях реки Самур и в Алазанской долине. Елисуйский султанат фактически входил в состав Джарской республики, поскольку назначение его правителей из числа представителей правящей фамилии зависело от кадиев Джара, которые также распространили на Елису действие своих законов.
23. ЕСАИ ХАСАН ДЖАЛАЯН. Краткая история страны Албанской (1702—1722 гг.) Баку. 1989, с. 23.
24. Цоральгул аваразул рагъазул тарих, гь 21.
25. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 168.
26. СЕХНИА ЧХЕИДЗЕ. История Грузии («Жизнь царей»). Тбилиси. 1976, с. 31.
27. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 169.
28. ГАДЖИЕВ В.Г. Сочинение Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся», как исторический источник по истории народов Кавказа. М. 1979, с. 248.
29. ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. Тифлис. 1934.
30. Молла Мэнэммэд Эл-Чари, с. 21.
31. ГАДЖИЕВ Т.В. Джаро-Белоканский союз сельских общин в освещении французского консула Гамбы. В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала. 1981, с. 101.
32. МАМЕДОВ М.Г. «Каиме» Бедреддинзаде Алибея (перевод), ч. 1. — Известия АН Азербайджанской ССР. Баку. 1988, № 3, с. 71.
33. Молла Мэнэммэд Эл-Чари, с. 21.
34. Цоральгул аваразул рагъазул тарих..., гь. 23.
35. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 169.
36. Сейчас на территории Кварельского района Грузии.
37. Цоральгул аваразул рагъазул тарих..., гь. 24.

38. Центральный исторический архив Грузии (ЦИА Г), ф. 1638, оп. 1, д. 6.
39. Там же, л. 31—33.
40. Булгадары (булкадары) — термин, употреблявшийся для обозначения дагестанских горцев, проживавших вдоль границы с Грузией.
41. ЦИА Г, ф. 1638, оп. 1, д. 6, л. 31—33.
42. Речь идет о мусульманской литературной традиции начинать с басмалы (упоминание имени Всевышнего) и хамдалы (вознесение хвалы Всевышнему).
43. ЦИА Г, ф. 1638, оп. 1, д. 6, л. 36об.
44. Там же, л. 25об.—26.
45. Там же, л. 31—33.
46. Последнее предложение видимо относится к другому месту в тексте письма. Из-за реставрации письма указатель не сохранился.
47. МАМЕДОВ М.Г. Ук. соч., с. 71.
48. СЕХНИА ЧХЕИДЗЕ. Ук. соч., с. 32.
49. Там же, с. 32—33.
50. МАМЕДОВ М.Г. Ук. соч., с. 72.
51. СЕХНИА ЧХЕИДЗЕ. Ук. соч., с. 33.
52. Цоралгул аваразул рагъазул тарих..., гь. 26.
53. ГЕРБЕР И.Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. М. 1958, с. 1158.

Историография принудительных миграций

Н.М. Игнатова

Аннотация. В работе рассматриваются основные направления изучения массовых принудительных миграций периода 1930—1950-х гг., определяются наиболее разработанные проблемы, малоизученные вопросы и новые тенденции. Выделяются этапы и определяются ключевые моменты развития историографии.

Ключевые слова: историография, принудительные миграции, депортации, спецпереселенцы, принудительный труд.

Abstract. The work examines the main directions of the study of mass forced migrations of the period 1930—1950-ies, identifies the most developed problems, poorly studied questions and new trends. Steps are singled out and key moments in the development of historiography are identified.

Key words: historiography, forced migrations, deportations, forced migrants, forced labor.

Проблема массовых насильственных переселений в 1930—1950-х гг. в исторической науке на сегодняшний день является достаточно разработанной. Намечены основные пути исследования, выработаны методологические подходы к данной проблеме.

В 2001 г. исследователем П.М. Поляном в монографии, посвященной внутренним и внешним миграциям репрессивного характера, был введен объединяющий термин «принудительные миграции» (термин использовался ранее, но не употреблялся и не обосновывался как обобщающий). На этом этапе закончилась определенная терминологическая разобщенность, существовавшая в 1990-х гг., когда термины «спецссылка», «высылка», «депортация», «спецпереселение» применялись исследователями к разным этапам насильственных переселений, зачастую без четкого определения, что под ними понимается. Принудительные миграции — это перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Прямое принуждение подразумевает насильственные миграции, когда государство с откровенно репрессивным (карательным) характером воздействует на гражданина. Определяющими особенностями насильственных переселений являются их административный (внесудебный) характер и направленность не на индивидуального гражданина, а на группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям¹.

Игнатова Надежда Максимовна — кандидат исторических наук, зав. сектором Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. E-mail: ignatova11@rambler.ru.

Ignatova Nadezda M. — candidate of historical sciences, head of sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural branch of the RAS. E-mail: ignatova11@rambler.ru.

Следует выделить два периода в развитии историографии насильственных переселений — советский и современный (постсоветский). Различие в подходах исследователей в эти периоды объясняется не только политическими установками государства, но и уровнем доступности архивных материалов для исследователей.

В советский период наиболее изученными были процессы коллективизации и выселения раскулаченных с мест постоянного проживания. Первые работы появились уже в 1930 г., в них выселение раскулаченных рассматривалось как закономерное явление, носившее характер трудового перевоспитания бывших кулаков². В 1960-е гг. исследователь В.Л. Сидоров, сделавший в своей работе, по его определению, попытку осветить действительную судьбу бывших кулаков в СССР и показать истинную политику советского государства в отношении кулачества, утверждал, что в течение 1930—1932 гг. бывшим кулакам и их семьям, переселенным в целях трудового перевоспитания в малообжитые районы страны, были созданы все необходимые условия для жизни и труда³. Несмотря на то, что выводы были необъективны, материал, представленный в работе, прежде всего статистический, представляет определенный интерес. Схожие оценки раскулачивания и выселения раскулаченных на спецпоселения были сделаны в работе А.П. Финарова⁴.

В 1970-х — начале 1980-х гг. коллективизация представлялась как «великая революция, вторая после Октябрьской революции», которая, кроме всего прочего, «закрывает последние источники и каналы расслоения капиталистической эксплуатации в деревне»⁵. В монографии, посвященной коллективизации, И.Я. Трифонов писал, что «осуществляя ликвидацию эксплуататорских классов, диктатура пролетариата ни к какой мере не руководствовалась мотивами социальной мести в отношении бывших эксплуататоров, а ставила задачей вовлечение их в активную трудовую деятельность и постепенное перевоспитание в духе социализма». Автором были освещены вопросы численности, трудоустройства и культурно-бытового обслуживания раскулаченных⁶.

Отдельные работы сохраняют свою актуальность, например, труды Н.А. Ивницкого, отличавшиеся обилием фактического материала, в которых рассматривались происхождение, характер и последствия «перегибов в политике сплошной коллективизации»⁷. Кроме того, в некоторых региональных изданиях были сделаны попытки объективно оценить роль спецпереселенцев в развитии индустриального потенциала регионов. В 1974 г. вышел обобщающий труд «Промышленные рабочие Коми АССР. 1918—1970 гг.», выпущенный авторским коллективом, где указывалось, что значительное место среди работающих в промышленности занимали спецпереселенцы⁸.

Изменения в общественной жизни, произошедшие во второй половине 1980-х гг., привели к тому, что проблемы репрессивной политики государства, в том числе массовые насильственные переселения, наряду с другими «закрытыми» ранее темами, стали одними из самых обсуждаемых в научной литературе и публицистике. Первоначально публикации основывались на воспоминаниях современников и участников тех событий. После рассекречивания архивных материалов исследователи получили возможность работать с ранее секретными документами. В определенном смысле прорывом в исторической науке стали работы В.Н. Земского, которые содержали большой статистический материал из рассекреченных документов и освещали период массовых насильственных переселений в целом⁹.

В современной историографии принудительных миграций можно выделить несколько направлений. К первому относятся непосредственно историографические работы. Исследователи представляют периодизацию изучения темы сталинизма и принудительных миграций в частности, а также анализируют современные дискуссии в научной литературе по наиболее актуальным вопросам¹⁰. Как отмечают исследователи Е.Ф. Кринко и С.А. Кропачёв, достижением российской исторической науки последних лет стали издания, посвященные институциональным и региональным аспектам проблемы ГУЛАГа и спецпоселений, которые ввели в научный оборот большое количество новых материалов из ведомственных и региональных архивов¹¹. В зарубежной историографии основные дискуссии разворачиваются вокруг понятий «сталинизм»

и «террор»¹², а также проблемы применения определения «геноцид» к массовым насильственным переселениям¹³.

Одной из новых историографических тенденций является научная литература «рефлексирующего» характера, в которой анализируется уровень изученности темы принудительных миграций на сегодняшний день и перспективы ее разработки в будущем. Например, в монографии П.М. Поляна «Историомор, или Трепанация памяти» 2016 г., рассматривается советско-российская историография принудительных миграций через анализ научных трудов и международных конференций по истории сталинизма. Автор рассуждает о соотношении политики и истории, доступности архивов, «табуизирования тем и источников, отрицания и релятивизации установленной фактографии». Историомор определяется автором как «тяга к забвению и беспамятству»¹⁴.

Ко второму направлению историографии принудительных миграций относятся обобщающие работы. Следует отметить монографию В.Н. Земскова «Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960», изданную в 2005 г., в которой через статистический материал освещается широкий круг вопросов, связанных с насильственными переселениями¹⁵. Важную роль играют работы, представляющие комплексное изучение насильственных переселений в рамках определенного региона через выявление причин, целей и последствий общих процессов¹⁶.

Одним из самых разработанных направлений является изучение вопросов коллективизации, раскулачивания и «кулацкой ссылки». В 1990-е гг. были опубликованы работы И.Е. Зеленина, Л.И. Гинцберга и других авторов, рассматривающие процесс спецпереселения с новых позиций с привлечением большого объема рассекреченных архивных материалов¹⁷. Исследование вопросов раскулачивания, высылки и положения «бывших кулаков» на спецпоселении активно продолжается, в том числе зарубежными авторами¹⁸. Основной вывод, к которому пришли исследователи, сводится к тому, что высылка раскулаченных на спецпоселение была фактом раскрестьянивания деревни, при которой спецпереселенцы становились трудовым потенциалом, используемым властью во всех сферах экономики¹⁹.

В 1980—1990-е гг. сформировалось направление, связанное с историей депортаций народов в 1940-е гг. и судьбой депортированных. Одним из первых, поднявших эту тему в исторической науке и активно ее разрабатывавших, является Н.Ф. Бугай²⁰. Исследователь выделяет 1940-е гг. как особый период в истории насильственных миграций, когда были упразднены многие национально-государственные образования, и утверждает, что до 1940-х гг. «волевого» переселения народов в нашей стране не проводилось. В связи с этим понятие «депортация» Бугай относит именно к организованным властями массовым переселениям представителей какой-либо нации в отдельные районы СССР в 1940-е годы²¹.

К концу 1990-х гг. сложился широкий круг исследователей, которые занимались историей депортированных народов. Наряду с изучением различных категорий высланных народов и национальных групп²², наибольшую актуальность для них приобрело изучение депортаций двух народов — немцев и поляков²³. Также исследователями анализируются процессы выселения греков, калмыков, карачаевцев, корейцев и других народов, а также политика депортаций в целом²⁴. Из зарубежных авторов можно выделить американского автора Н. Неймарка, который вводит понятие «этнические чистки», чтобы отделить их от понятия «геноцид»²⁵. В 2013 г. опубликовано справочное издание «Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке», где рассматриваются, в том числе, депортации, проходившие на территории СССР²⁶.

Отдельное направление в изучении принудительных миграций — демографическое. В начале 1980-х гг. аспект массовых насильственных переселений был в некоторой степени освещен в работах демографов. Л.Л. Рыбаковский, рассматривая миграционные процессы в СССР, выдвигает актуальный в нынешнее время тезис о том, что в Советском Союзе не было разграничения стратегии миграционной политики и тех задач, которые решались в стране: коллективизации, индустриализации, ликвидации эксплуататорских классов и других²⁷. В

1990-е гг. вышли первые публикации о численности репрессированных, в том числе спецпереселенцев, в 2000-е был издан широкий ряд обобщающих работ, в которых авторы, на основе рассекреченных архивных документов, представили анализ данных о населении в СССР в 1930—1950-е гг., включая заключенных и спецпереселенцев, и рассмотрели динамику численности отдельных категорий репрессированного населения²⁸.

Актуальными являются исследования социально-демографических последствий насильственных переселений для регионов вселения. По мнению Н.А. Михалёва, принудительные миграции в Ямало-Ненецкий автономный округ положили конец существованию края в рамках традиционной системы, вселение в начале 1930-х гг. в округ спецпереселенцев оказало непосредственное влияние на численность и национальный состав его населения²⁹. Исследователь Л.И. Вавулинская отмечает, что активные миграционные процессы, в том числе принудительные миграции, в 1940—1950-е гг. способствовали изменению этнокультурного и демографического облика территории Республики Карелия. Общая тенденция изменения этнического состава населения в указанный период заключалась в росте численности русского, украинского и белорусского населения и сокращении количества карелов и вепсов³⁰. Принудительные миграции в Архангельскую область и Ненецкий национальный округ привели, по мнению В.И. Каратаева, к демографическому кризису, который отразился на судьбе поморов и ненцев, их традиционных занятиях и культуре. Вследствие промышленного развития территорий, они были вытеснены к побережью Белого и Баренцева морей. Поморы сосредоточились в рыболовецких колхозах, постепенно утрачивая традиции самобытного хозяйства. Оленеводческие колхозы меняли жизнь ненцев-кочевников, переходивших к оседлому образу жизни³¹.

Отмечается авторами влияние принудительных миграций и на существование переселенных этносов, в частности, исследователь А.А. Шадт при изучении спецпереселенцев-немцев в Сибири, отмечает, что проживание в условиях спецпоселений негативно повлияло на численность, национальное самосознание, лингвистический и культурно-бытовой комплексы переселенных народов. При этом автор особо указывает, что спецпоселение выступало как метод ликвидации этнических внутригосударственных образований и как социально-экономический механизм освоения сибирских земель, при этом полученные им данные «не подтверждают мнения об особой национальной политике советского государства, направленной на ликвидацию немецкого этноса в СССР»³².

Интересное мнение высказывает исследователь С.А. Иванов, который, анализируя депортацию калмыков в Западную Сибирь, отмечает, что принудительное переселение «наказанных народов» и спецпоселение были единым комплексом мер, обеспечивавшим формирование населения, лояльного к режиму³³. Исследователь также определяет, что насильственные методы специальных мероприятий «политики населения» и попирающие правовые нормы придавали действиям государства репрессивный характер, приводя к многочисленным жертвам среди граждан и тяжелым этнокультурным потерям³⁴.

В целом внутренние насильственные переселения в СССР затронули, по данным П.М. Поляна, 6 млн человек. Как отмечает исследователь, принудительные миграции такого масштаба оказали весьма заметное влияние на всю систему населения бывшего Советского Союза. Резко нарушив или задержав естественный ход демографического развития этносов, принудительные миграции сказались на макропропорциях расселения жителей страны и способствовали последовательному смещению центра тяжести сначала в северном, а затем в восточном и юго-восточном направлениях³⁵.

Актуальный курс в развитии историографии — история принудительного труда, что подтверждается широким кругом публикаций³⁶. В исследовании «Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография» один из авторов, А. Литвин, отмечает два направления в историографии принудительного труда. Странники либерального направления рассматривают особенности сталинской модернизации, учитывая ее насильственные меры, приведшие к огромным людским потерям. Они ставят вопросы о неэффективности применения принудительного

труда заключенных и спецпереселенцев, использовании на восстановительных работах военнопленных. Иной точки зрения придерживаются сторонники консервативно-реставрационного направления, которые считают, что в результате модернизации Россия в XX в. шла в русле мирового процесса и преобразовалась в индустриальную страну³⁷.

Исследователь П. Грегори в монографии «Политическая экономия сталинизма» отмечает, что экономические и политические аспекты диктатуры были неразрывно связаны. Он также указывает на то, что с момента начала коллективизации развитие Советского Союза определялось общенациональными планами, направленными на индустриализацию страны в кратчайшие сроки³⁸. В своих работах В.Н. Земсков непосредственно связывает принудительные миграции с экономическими причинами: «направление больших масс людей на спецпоселение — следствие государственной политики спецколониализации, то есть освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений»³⁹. Исследователь С.А. Красильников вводит термин «репрессивная экономика», где ключевой категорией выступает принудительный труд. Этим термином определяется институционально оформленная социальная система, обладающая только ей присущими базовыми признаками: имеет особую подсистему организации и управления, снабжена всеми видами ресурсов, основана на эксплуатации труда различных групп «спецконтингента» и призвана обеспечить достижение тех или иных целей и результатов в сроки и в масштабах, не достижимых обычными, ординарными экономическими средствами. По мнению автора, репрессивная экономика может служить инструментом решения задач общеэкономического и военно-оборонного характера, и поэтому сферы ее распространения и приложения универсальны, как универсальна сама «рабсила», которую она эксплуатирует⁴⁰.

Поле активной дискуссии является вопрос эффективности принудительного труда (методы принуждения, формы стимулирования, принципы экономического управления). Данный дискурс нашел отражение в коллективной монографии «ГУЛАГ: экономика принудительного труда», изданной в 2008 году. В основном историки сходятся в том, что принудительный труд был неэффективен⁴¹. Исследователь истории спецпереселенцев — «бывших кулаков», подвергшихся выселению в период массовой коллективизации, Л. Виола делает обобщающий вывод о том, что крестьянство являлось «внутренней колонией» для страны, и указывает на то, что режим эксплуатировал эту внутреннюю колонию для пополнения несметной армии подневольного труда, что стало одним из наиболее дорогостоящих примеров подобной насильственной практики в XX веке. Со временем экономическая ситуация показала бессмысленность принудительного труда и неподдающиеся учету финансовые и людские затраты, ушедшие на попытки заселить отдаленные северные земли, где условия изначально были непригодны для жизни⁴².

Отдельно следует выделить исследования трудовой армии (военнизированные рабочие формирования) в годы Великой Отечественной войны и использования труда «мобилизованных немцев»⁴³. Г.А. Гончаров считает, что при формировании трудов армии был использован опыт гражданской войны, когда формирование трудовых отношений проходило в условиях милитаризации труда⁴⁴. Другие исследователи также развивают мысль о том, что спецпоселение — это способ производства в рамках традиции трудов армии военного коммунизма⁴⁵.

К отдельному направлению историографии можно отнести исследования, в которых рассматриваются вопросы социально-правового положения спецпереселенцев⁴⁶. В частности, А.Б. Суслов, анализируя социальное положение спецпереселенцев, сделал вывод о том, что они стояли на нижней ступени советской общественной иерархии и находились в худшем, чем заключенные, положении, поскольку заключенный «все же имел стабильный и физиологически удовлетворительный паек, одежду и жилье, а также пользовался своими лагерными “правами”»⁴⁷. Оригинальный концептуальный подход в определении социального статуса спецпереселенцев дан в коллективном труде новосибирских исследователей, изданном в 2007 г., «Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы)», в котором представлены уровни социальной мобильности граждан, в том числе репрессированных. Авторы вводят понятия «повседневная» и «экстремальная» мобильность. Под первой понимается положение групп, находившихся внутри социума, но испытывавших на себе различные виды ограничений и диск-

риминаций (нэпманы, «лишенцы», буржуазные спецы и др.), под второй — положение категорий и групп репрессированных и поставленных вне социума (спецпереселенцы, ссыльные, заключенные). Кроме того, определяется наличие двух форм маргинальности: дисперсная (рассредоточенная) и концентрированная («лишенцы» являлись носителями первой, спецпереселенцы — второй). Маргинальные группы разделены на социо-маргиналов («кулаки», нэпманы и др.), этно-маргиналов (депортированные этносы), конфесс-маргиналов (священники, сектанты)⁴⁸.

Из отдельных оригинальных изданий следует выделить те, где воспоминания бывших спецпереселенцев представлены авторами в комплексе с архивными документами⁴⁹, а также обширными аналитическими комментариями, как в подготовленной французскими исследователями, курирующими сайт «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», книге «Мир ГУЛАГа и спецпоселений: рассказывают свидетели из Центральной и Восточной Европы», где, по определению авторов, «наблюдения и гипотезы исследователей соседствуют с голосами свидетелей, фотографиями и разнообразными документами»⁵⁰.

К уникальным региональным изданиям относится Мартиролог «Покаяние», издаваемый в Республике Коми с 1998 года. Каждый том издания содержит, помимо списков репрессированных, научные статьи и документы, а также воспоминания бывших пострадавших. Научные статьи по истории спецпереселенцев — «Бывших кулаков», польских граждан на спецпоселениях и спецпереселенцев-немцев — представлены в нескольких томах⁵¹.

Малоизученным направлением является изучение репатриации граждан СССР в последние годы войны, а также послевоенный период и судьба репрессированных репатриантов и бывших военнопленных на спецпоселениях⁵². Первые работы по данной проблеме были опубликованы в 1990 г.⁵³, но широкого круга исследователей на сегодняшний день не сложилось. Интерес вызывает статья В.П. Наумова, который вводит в научный оборот новые данные и рассматривает особенности процесса репатриации и спецпереселения репатрируемых⁵⁴. Из работ, посвященных этому вопросу, следует выделить исследование Ю.М. Арзамаскина, который раскрывает деятельность органов государственной власти по репатриации, а также рассматривает проблему спецпереселенцев-«власовцев»⁵⁵, и работу П.М. Поляна, посвященную исследованию военнопленных, в том числе их репатриации⁵⁶. Также малоизученными на сегодняшний день остаются вопросы административного управления спецпоселков, социально-культурные аспекты принудительных миграций, участие спецпереселенцев в Великой Отечественной войне и другие⁵⁷. К новым современным подходам следует отнести исследования влияния принудительных миграций на урбанизационные процессы⁵⁸.

В целом следует отметить, что тема принудительных миграций на сегодняшний день широко и всесторонне представлена в научной литературе. На современном этапе можно выделить несколько основных направлений историографии: обобщающие работы, историографические исследования, история спецпереселенцев-раскулаченных, история депортаций и депортированных народов, проблема принудительного труда, репатриация и спецпоселение репатриированных, изучение социально-правового статуса спецпереселенцев. История насильственных переселений активно изучается с привлечением широких комплексов архивных документов, устных источников и других материалов.

Примечания

Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография». (№ ГР АААА-А17-117021310064-0).

1. ПОЛЯН П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М. 2001.
2. ВАРЕЙКЕС И.М. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж. 1930; ЕВДОКИМОВ А.Е. Развернутое наступление на кулака. М. 1930.

3. СИДОРОВ В.Л. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков. — Вопросы истории. 1964, № 11.
4. ФИНАРОВ А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР. М. 1963.
5. ТРАПЕЗНИКОВ С.П. Ленинизм и аграрный вопрос. М. 1976.
6. ТРИФОНОВ И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М. 1975.
7. ИВНИЦКИЙ Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. 1972.
8. Промышленные рабочие в Коми АССР. 1918—1970 гг. М. 1974.
9. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) — Социологические исследования. 1990; ЕГО ЖЕ. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы. — Там же. 1991, № 10; ЕГО ЖЕ. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект). — История СССР. 1991, № 5; ЕГО ЖЕ. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны. — Социологические исследования. 1992, № 2; ЕГО ЖЕ. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время. — Там же. 1992, № 5, 11; ЕГО ЖЕ. Судьба «кулацкой ссылки». — Отечественная история. 1994, № 1.
10. ВОЛОШИНА И.В. Переселенческая политика Советского государства в 1920—1930-е годы в отечественной историографии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. 2002; КИП ДЖ., ЛИТВИН А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М. 2009; ИГНАТОВА Н.М., МИХАЛЁВ Н.А. Принудительные переселения в первой половине 1940-х гг.: к отечественной историографии вопроса. В кн.: Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов I Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск. 2011, с. 205—212; КРОПАЧЁВ С.А., КРИНКО Е.Ф. Потери населения СССР в 1937—1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М. 2012.
11. КРИНКО Е.Ф., КРОПАЧЁВ С.А. Отечественная историография политических репрессий в СССР: формы и практики изучения. Доклад на пленарном заседании Международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17—19 октября 2013 г.). Сыктывкар-Воркута. 2013, с. 13.
12. МЕНЬКОВСКИЙ В.И., УЛЬ К., ШАБАСОВА М.А. Советский союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар. 2013.
13. МИХАЛЁВ Н.А. «Сталинский геноцид» (?): этнические депортации населения СССР 1930—1940-х гг. в оценках современной зарубежной историографии. — Уральский исторический вестник. 2017, № 4 (57).
14. ПОЛЯН П.Н. Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте. М. 2016, с. 5, 181.
15. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М. 2005.
16. МАЗУР Л.Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930—1950-е гг. — Документ. Архив. История. Современность: Сб. научных трудов. Екатеринбург. 2002, с. 208—176; БЕРДИНСКИХ В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. Киров. 2003; ШАШКОВ В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. Мурманск. 2004; БОРКОВА Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930—1950-е гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2005; ЗАНДАНОВА Л.В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930—1950-х гг. Сибирская ссылка. Иркутск. 2006, с. 130—141; ВАВУЛИНСКАЯ Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. Петрозаводск. 2013; КУЗЬМИНЫХ А.Л., СТАРОСТИН С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.). Вологда. 2014.
17. ГИНЦБЕРГ Л.И. Массовые депортации крестьян в 1930—1931 гг. и условия их существования в северных краях. — Отечественная история. 1988, № 2; ЗЕЛЕНИН И.Е. «Ликвидация кулачества как класса» (осень 1930—32 гг.) — История СССР. 1990, № 6; СЛАВКО Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930—1936. М. 1995; ИВНИЦКИЙ Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М. 1996; ЦАРАНОВ В.И. О ликвидации кулачества в Молдавии летом 1949 г. — Отечественная история. 1996, № 2; ШАШКОВ В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930—1954 гг. Мурманск. 1996; ЗАГОРОДНЮК Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск. 1999; ВЬЦЛАН М.А. Репрессии против крестьян. 30-е годы. В кн.: Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е гг.): сб. статей. М. 1999.
18. ФИЦПАТРИК Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М. 2001; КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в

- Западной Сибири в 1930-е годы. М. 2003; УПАДЫШЕВ Н.В. Спецпереселенцы в Северном крае. «Кулацкие» семьи в спецпоселках. — Вестник Поморского университета. 2006, № 1(9); МОШКИН В.В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1930—1933 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тобольск. 2008; ВИОЛА Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М. 2010.
19. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Репрессивное раскрестьянивание в 1930-е гг.: политика и практика. В кн.: История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург. 29 сентября — 2 октября 2010 г. М. 2011, с. 54.
 20. БУГАЙ Н.Ф. К вопросу о депортации народов в 30—40-е годы. — История СССР. 1989, № 6; ЕГО ЖЕ. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. — Вопросы истории. 1990, № 7; ЕГО ЖЕ. «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» Л. Берия — И. Сталину. — История СССР. 1991, № 1; ЕГО ЖЕ. Север в политике переселения народов. — Север. 1991, № 4; ЕГО ЖЕ. 40-е годы. «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...». — История СССР. 1991, № 2; ЕГО ЖЕ. Последствия депортаций народов: спецпереселенцы и выселенцы. — История СССР. 1992, № 1; ЕГО ЖЕ. И. Сталин — Л. Берия: «Их надо депортировать». — История СССР. 1992, № 11; ЕГО ЖЕ. 20—50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР. — Отечественная история. 1993, № 4; ЕГО ЖЕ. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию». М. 1995; БУГАЙ Н.Ф., ГОНОВ А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы) М. 1998.
 21. БУГАЙ Н.Ф. За что переселяли народы. — Агитатор. 1989, № 11.
 22. ПАРСАДАНОВА В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 годы. — Новая и новейшая история. 1989, № 2; ИБРАГИМБЕЙЛИ Х.М. Сказать правду о трагедии народов. — Политическое образование. 1989, № 4; ЗЕМСКОВ В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940—1950-х годах. — Отечественные архивы. 1993, № 1; ПАСАТ В. Депортации из Молдавии в 1941, 1949 гг. — Свободная мысль. 1993, № 3; ГИЗАТУЛЛИНА Л.Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939—1956 годах. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск. 2005; САРНОВА В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 2005.
 23. ВОРМСБЕХЕР Г.П. Немцы в СССР. — Знания. 1989, № 11; БУРГАРТ Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941—1956 гг. Депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск. 1997; БРУЛЬ В. Сравнительный анализ причин и последствий депортации российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь (1935—1965 гг.). В кн.: Немцы в России в контексте Отечественной истории, общие проблемы и региональные особенности. М. 1999; ЧЕБЫКИНА Т.В. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941—1945 гг.). В кн.: Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М. 1999; РОГАЧЁВ М.Б. Депортации польских граждан в Коми АССР (1940—1941 гг.). В кн.: Поляки в России: история ссылки и депортации. СПб. 1995; СТАРОСТИН С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области (1940—1946 годы). В кн.: Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Вологда. 2005, с. 218—229; ВАСИЛЬЧЕНКО Т.Е. Польские осадники и беженцы в Архангельской области в 1940—1941 гг. В кн.: История пенитенциарной системы России в XX веке. Вологда. 2007, с. 199—201; GERMAN A.A., ILARIONOVA T.S., PLEBE I.P. История немцев в России. М. 2005; ЧЕВАРДИН А.В. Польская ссылка в Свердловской области в 1940—1941 гг. В кн.: Документ. Архив. История. Современность. Сб. научн. тр. Вып. 6. Екатеринбург. 2006, с. 82—96; Немцы в Республике Коми и на Европейском Севере: история и культура. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Сыктывкар. 2007; ЗАНДАНОВА Л.В. МЕТЛИН С.А. Спецпереселение немцев Поволжья из Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941—1945 гг.) — Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск. 2009, с. 504—518; Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов. 26—28 августа 2011 г. М. 2011.
 24. БАШКУЕВ В.Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948—1954 гг.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2002; БОРЛАКОВА З.М. Депортация и репатриация карачаевского народа в 1943—1959 годах. — Отечественная история. 2005, № 1; ДЖУХА И.Г. Греческая операция НКВД. В кн.: Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне — неизвестные и малоизученные страницы. Краснодар.

- 2006, с. 88—98; СОН Ж.Г. Вопросы истории депортации корейского народа (1937 г.). В кн.: Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне — неизвестные и малоизученные страницы. Краснодар. 2006, с. 112—119; ИВАНОВ А.С. Принудительная миграция спецпереселенцев-калмыков на Югорскую землю в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). В кн.: История Сибири. Проблемы и перспективы. Сб. мат.-лов. региональной научной конференции. Новосибирск. 2006; АЛИЕВ А.А. Этнические репрессии. М. 2009; БЕГАЛИЕВ С.И. Прием и расселение в Киргизской ССР депортированных народов Северного Кавказа (чеченцев и ингушей) в годы Великой Отечественной войны. — Вестник КPCY. 2010, т. 10, № 8. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Begaliev%20S.I..pdf>.
25. НЕЙМАР К., НОРМАН М. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. М. 2005.
 26. Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. М. 2013.
 27. РЫБАКОВСКИЙ Л.Л. Миграционная политика, ее цели и пути осуществления. В кн.: Демографическая политика в СССР. М. 1983, с. 69—75.
 28. МАКСУДОВ С. Потери населения СССР в годы коллективизации. — Звенья: Ист. альманах. М. 1991; ЗЕМСКОВ В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. — Социологические исследования. 1991, № 2; Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М. 1994; АРАЛОВЕЦ Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии. — Отечественная история. 1995, № 1; ЖИРОМСКАЯ В.Б. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М. 1996; ИСУПОВ И.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск. 2000; ЖИРОМСКАЯ В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М. 2001; Население России в XX веке: исторические очерки. М. 2001; НАВАСАРДОВ А.С. Освоение Северо-Востока СССР в 1930-е гг. XX в.: историко-демографический аспект. Магадан. 2004; ГЛОТИК С.И., МИНАЕВ В.В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х гг. М. 2004.
 29. МИХАЛЁВ Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург. 2010, с. 156.
 30. ВАВУЛИНСКАЯ Л.И. Ук. соч., с. 62.
 31. КОРОТАЕВ В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы XX века. Архангельск. 2004, с. 115.
 32. ШАДТ А.А. Спецпоселение Российских немцев в Сибири (1941—1955 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 2000, с. 3, 27.
 33. ИВАНОВ А.С. Сталинская политика в отношении «наказанных народов» (1940—1950-е гг.): геноцид, ассимиляция, «политика населения»? — Вестник НВГУ. 2015, № 4, с. 3.
 34. ЕГО ЖЕ. «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943—1959 гг.). М. 2014, с. 187—188.
 35. ПОЛЯН П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М. 2001. URL: http://old.memo.ru/history/deport/polyan6.htm#_VPID_41.
 36. БИКМЕТОВ Р.С. Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930 — середине 1950-х годов. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово. 2000; ШЕВЫРИН С.А. Использование труда заключенных и спецпереселенцев в индустриальном развитии Пермского края (конец 1920-х — 1941 (до войны) годы). Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы II региональной научной конференции. Краснодар. 2004, с. 105—109; История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы Международной научной конференции. М. 28—29 октября 2011 г. М. 2013; МАМЕНКОВА Е.С. «Спецконтингент» НКВД СССР — дополнительный источник трудовых ресурсов Красноярского края (1941—1945 гг.). В кн.: Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск. 2011, вып. 6 (18), с. 545—553.
 37. КИП ДЖ., ЛИТВИН А. Ук. соч., с. 277—280.
 38. ГРЕГОРИ П. Политическая экономия сталинизма. М. 2008, с. 21, 39, 65.
 39. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М. 2005, с. 20.
 40. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М. 2010, с. 99.
 41. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М. 2008.
 42. ВИОЛА Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М. 2010, с. 126, 234.

43. КУРОЧКИН А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов. 1998; БАЗАРОВ О.Д., КУРАС Л.В. Мобилизованные немцы Поволжья в Бурятии. В кн.: Немцы и Сибирь: История и современность. Улан-Удэ. 1999, с. 83—86; БУГАЙ Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы). В кн.: Немецкий российский этнос: веки истории. М. 1994, с. 84—90; РЕМПЕЛЬ П. Депортации немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1942—1944 гг. В кн.: Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. М. 1996, с. 69—96; МАЛАМУД Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х — начале 1950-х гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург. 1998; ЖАНГУТТИН Б.О., КАЛЫБЕКОВА М.Ч. Спецпереселенцы Казахстана: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны. 1941—1945 гг. — Научно-практический журнал «Российские регионы: взгляд в будущее». 2015, № 2 (3). URL: <http://futureruss.ru/journal-archive/nomer-22015.html>.
44. ГОНЧАРОВ Г.А. Война и труд: стереотипы гражданской войны в организации трудовых отношений в СССР в 1941—1945 гг. В кн. Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей. М. 2001, с. 419—441; ГОНЧАРОВ Г.А. Численность и размещение «трудармейцев на Урале в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Промышленность Урала в XIX—XX веках. Сб. научных трудов. М. 2002, с. 243—273.
45. ШАДТ А.А. Ук. соч., с. 26.
46. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе. В кн.: Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М. 1996; СУСЛОВ А.Б. Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х годов: спецконтингент. — Вопросы истории. 2004, № 3; БЕЛКОВЕЦ Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1955 гг.: историко-правовое исследование. М. 2008; СОЛОМОН П. Советская юстиция при Сталине. М. 2008.
47. СУСЛОВ А.Б. Спецконтингент советского тоталитарного общества: некоторые особенности социального и правового статуса (на примере Пермской области). В кн.: Права человека в России: прошлое и настоящее. Пермь. 1999, с. 60.
48. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. (Сибирь 1920—1930-е годы). Новосибирск. 2007.
49. МАКШЕЕВ В.Н. Спецы. Исследование. Томск. 2007.
50. Мир ГУЛАГа и спецпоселений: рассказывают свидетели из Центральной и Восточной Европы. М. 2016, с. 6.
51. Покаяние: Мартиролог. Т. 1. Сыктывкар. 1998; Покаяние: Мартиролог. Т. 5. Сыктывкар. 2002; Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 1. Сыктывкар. 2001; Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар. 2001; Покаяние: Мартиролог. Т. 10. Ч. 1. Сыктывкар. 2013.
52. ВЕРТИЛЕЦКАЯ Е.В., МОТРЕВИЧ В.П. Репатрианты в Свердловской области в 1945—1947 гг. В кн.: Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург. 2004, с. 179—194; МУХИН М.Ю. Опыт обработки и анализа опросных листов граждан, репатрированных в 1945—1951 гг. В кн.: Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М. 1993.
53. ЗЕМСКОВ В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан (1944—1951 гг.) — История СССР. 1990, № 4; ЕГО ЖЕ. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.). — Социологические исследования. 1995, № 5—6; ПОЛЯН П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М. 1996.
54. НАУМОВ В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. — Новая и Новейшая история. 1996, № 2.
55. АРЗАМАСКИН Ю. Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944—1953 гг. М. 2001.
56. ПОЛЯН П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М. 2002.
57. ШАШКОВ В.Я. Развитие образования в спецпоселках ГУЛАГа. — Народное образование. 1999, № 2; СТАРОСТИН С.И. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930—1956 гг. В кн.: Историческое краеведение и архивы. Сб. статей. Вологда. 2003, с. 109—125.
58. ИВАНОВ А.С. Город как место спецпоселения. — Вопросы истории. 2018, № 1.

И.А.ХОРМАЧ. СССР в Лиге наций 1934—1939 гг. М.-СПб. Центр гуманитарных исследований. 2017. 432 с.

Доктор исторических наук Ирина Александровна Хормач — известный отечественный ученый, специализирующийся в области внешней политики СССР, автор более ста научных работ по этой тематике. Ее перу принадлежит нескольких интересных книг, посвященных развитию связей между СССР и Италией («Отношения между Советским государством и Италией. 1917—1924». М. 1993; «СССР — Италия. 1924—1939. Дипломатические и экономические отношения». М. 1995; «СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе, вторая половина 40-х — первая половина 60-х годов». I—II. М. 2005). В последнее десятилетие исследователь обратилась к изучению важнейшей темы о роли и месте СССР в системе международных отношений в межвоенный период, сделав упор на сотрудничестве страны Советов с Лигой наций. В 2001 г. она выпустила монографию «Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919—1934 гг.», а совсем недавно — рецензируемое издание.

Сразу подчеркну, что книга И.А. Хормач «СССР в Лиге наций 1934—1939 гг.» на самом деле по рассмотренным в ней вопросам гораздо шире заявленного названия. Главный лейтмотив в работе, безусловно, связан с деятельностью Лиги наций и ее основных государств-членов. Однако сквозь призму данного сюжета в ней представлены все ключевые проблемы истории европейских международных отношений с середины 1930-х гг. до начала второй мировой войны. Текст исследования красноречиво свидетельствует о том, что несмотря на предпринимаемые немалые усилия Лиги наций и отдельных стран по созданию системы коллективной безопасности в Европе, предотвратить складывание агрессивного реваншистского блока и новую войну не удалось. Причиной тому были не только серьезные противоречия, разделяющие СССР и страны Запада, но и оказавшиеся непреодолимыми разногласия между европейскими государствами.

Исследование автора написано исключительно на источниках. Ими стали прежде всего материалы двух московских архивов — Ар-

хива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Хормач использовала также опубликованные документы Министерств иностранных дел СССР, Великобритании, США и Лиги наций. Многие источники введены в научный оборот впервые.

Книга состоит из шести объемных глав, соответствующих важнейшим составляющим европейской международной политики (вступление СССР в Лигу наций; деятельность СССР в организации в середине 1930-х гг.; Итало-эфиопская война и отношение к ней СССР и Лиги наций; гражданская война в Испании; европейская политика накануне второй мировой войны; начало второй мировой войны). В монографии есть именной указатель, который помогает читателю ориентироваться в тексте. Наконец, в приложении приведены важнейшие фрагменты из Устава Лиги наций. Осветить в рецензии все проблемы, затронутые Хормач, невозможно. Поэтому стоит выделить те из них, которые кажутся наиболее значимыми и интересными.

Прежде всего, речь идет о вступлении СССР в Лигу наций в 1934 году. Этот исторический факт расценивается автором как совершенно естественный, вытекающий из событий предшествующего года: «20 октября 1933 г. Германия покинула Женевскую конференцию по разоружению, мотивируя свой шаг отсутствием равноправия в вопросе о вооружениях, а также заявила о выходе из Лиги наций» (с. 14). В такой сложной и даже тревожной ситуации руководство СССР приняло решение вступить в Лигу, чтобы вместе с другими мировыми державами бороться за безопасность на Европейском континенте. Непосредственным инициатором присоединения к организации Советского Союза выступила Франция, которую сразу поддержали другие государства. В результате 15 сентября 1934 г. от имени 30 членов Лиги СССР получил официальное приглашение и сразу дал на него положительный ответ. Хормач приходит к важнейшему выводу о том, что «после “полосы признаний” вступление в Лигу наций стало

второй важнейшей вехой на пути упрочения Советским Союзом своего положения на мировой арене. Оно оказалось той «точкой невозврата», пройдя которую советское государство получило окончательное признание в качестве одной из великих держав и обрело возможность решать важнейшие международные проблемы на самом высоком уровне — как постоянный член Совета Лиги. СССР перестал быть государством-изгоем, оторванным от других стран, все теснее сплачивавшихся перед лицом растущей агрессии нацифашизма... Решение советского правительства о вступлении в Лигу наций показало, что его геополитические интересы перевесили идеологические» (с. 411).

После вступления в Лигу наций руководство СССР сразу пошло на переговоры с государствами — членами организации о создании в Европе системы коллективной безопасности. Мало того, было совершенно необходимо вовлечь в эту систему и Германию. В формировании так называемого Восточного пакта («Восточного Локарно» о нерушимости восточных границ Германии, определенных Версалем) советское государство видело одну из важнейших целей своей внешней политики. Консультации о заключении такого соглашения были начаты советской стороной еще до вступления СССР в Лигу наций. В 1934 г. главным государством, с которым Советский Союз проводил постоянные совещания на эту тему, была Франция. От ее имени переговоры вел горячий сторонник Восточного пакта, министр иностранных дел страны Луи Барту. Зорко следила за ситуацией и Великобритания. В Восточный пакт планировалось включить СССР, Германию, Чехословакию, Польшу, Финляндию и государства Прибалтики. Однако из-за неразрешимых противоречий и территориальных споров между европейскими государствами консультации все время пробуксовывали, и в конечном итоге от заключения Восточного пакта пришлось отказаться.

Хормач посвятила Восточному пакту в своей книге небольшой раздел (с. 64—81). Тем не менее, основанный главным образом на материалах РГАСПИ, он очень информативен и красноречиво свидетельствует о постепенном «таянии ожиданий» СССР на создание в середине 1930-х гг. системы европейской кол-

лективной безопасности. Руководители СССР были твердо уверены, что «для обеспечения мира нужна... реальная гарантия в виде Восточного пакта с участием Германии и окрепшей Лиги наций» (с. 73). Они полагали, что «организация безопасности в Восточной Европе и наличие пакта о взаимопомощи имеют целью не изоляцию какого-либо государства, а создание гарантий равной безопасности для членов пакта» (с. 73—74). Однако Восточный пакт так и не был подписан. Германия уклонялась от переговоров, так как пакт, конечно, был ей не нужен. Она смогла перетянуть на свою сторону и Польшу. В дело пытались вмешаться Великобритания и Италия. В результате все усилия Франции и СССР оказались тщетными. Тогда стороны решили подписать в мае 1935 г. двусторонний пакт о взаимной помощи. В том же месяце СССР заключил подобный договор с Чехословакией. Как пишет автор, такие пакты «все же... содействовали сохранению мира в Европе, в общественном мнении которой было сильно стремление к умиротворению германских милитаристов, причем отчасти силами СССР» (с. 82). Тем не менее, от себя добавлю, что провал переговоров о создании Восточного пакта положил конец надеждам на создание реальной действенной системы коллективной безопасности в Европе. Думаю, что в Москве это тоже начинали понимать. И все же в СССР продолжали искать возможности урегулировать хотя бы в двустороннем порядке отношения с Германией, чтобы не дать этой стране окончательно встать на путь агрессора.

Тем временем в Европе четко обозначился второй агрессор. В его роли выступил руководитель Италии, фашист Бенито Муссолини, которому не давали покоя лавры императоров Древнего Рима. Диктатор мечтал превратить Италию в мощную колониальную державу. В октябре 1935 г. началась Итало-эфиопская война. Советские дипломаты сразу включились в работу Лиги наций по ограничению действий итальянского руководства. Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов проявил активность и дал понять, что Москва придерживается четкой политики отпора новому агрессору в лице Италии. Когда Лига наций встала на путь применения санкций против итальянского государства, нарком активно поддержал эту

идею. Он даже заявил в Лиге, что «вводимая система экономических санкций не является исчерпывающей» и подчеркнул, что «ограниченность санкций применительно к Италии не должна рассматриваться как прецедент в других случаях агрессии, когда можно будет принять более жесткие меры» (с. 107). Литвинов указал также на «недопустимость уклонения отдельных членов Лиги от участия в санкциях и отсутствие враждебности к Италии, как таковой. Если Лига хочет быть опорой мира, заявил нарком, ее санкции должны быть не добровольными, а всеобщими и обязательными: «там, где нет универсальности обязательств, там нет и Лиги наций для той роли, на которую она претендует» (там же). Именно такой позиции руководители СССР придерживались до самого конца Итало-эфиопской войны, но в Москве прекрасно понимали, что в этом конфликте каждое крупное европейское государство пытается действовать согласно собственным интересам. В январе 1936 г. В.М. Молотов прямо заявил, что «фашистская Италия выступила застрельщиком нового частичного передела мира и требует от других империалистов и от Лиги наций поддержки своих колониальных амбиций» (с. 119). Таким образом, констатирует Хормач, «угроза мировой войны нарастала, все больше захватывая Европу. Отношение держав к итало-эфиопской войне продемонстрировало их действительную политику. Между ними нет принципиальных разногласий относительно колониальных захватов, а различия в их позициях объяснялись разной степенью заинтересованности в усилении могущества Италии» (с. 119—120).

Следующая тема, затронутая в книге — гражданская война в Испании. По определению автора, она явилась «одним из наиболее крупных и опасных по своим последствиям событием 1936 г...., к которому было приковано внимание Лиги наций» (с. 183). Канва развития войны хорошо известна. Главная же заслуга автора состоит в том, что она четко прописала позицию СССР по этому сложному вопросу и показала ее эволюцию. Хорошо известно, что сразу после начала гражданской войны Советский Союз стал оказывать испанскому республиканскому правительству экономическую и военную помощь. Подобным же образом действовали Германия и Италия, по-

могая противоположной стороне — войскам мятежного генерала Франко. Однако после того как был создан Комитет по невмешательству в испанскую войну под эгидой Лиги наций и подписана декларация о невмешательстве, СССР решил присоединиться к этим акциям. Как указывает автор, «соглашаясь на проведение политики невмешательства в дела Испании, советское руководство понимало, что идет на серьезный компромисс. Республиканское правительство ожидало помощи Советского Союза, но он не мог позволить втянуть себя в войну и рассчитывал хотя бы с помощью такой договоренности добиться прекращения оказания поддержки Франко Германией и Италией. Москве приходилось отклонять многочисленные ходатайства о закупке оружия и посылке в Испанию военных советников и летчиков» (с. 190). Но надежды СССР не оправдались. «С каждым днем становилось все очевиднее, что соглашение о невмешательстве в испанские дела не действует. Помощь Германии и Италии постепенно становилась решающим фактором военного превосходства мятежников» (с. 197). И тогда Советский Союз, официально не порывая с политикой невмешательства, разработал план помощи республиканской Испании, предусматривавший «создание за границей фирм для закупки и отправки оружия в Испанию (на коммерческой основе). Было решено также организовать военные поставки непосредственно из СССР. Обсуждался вопрос об отправке в Испанию регулярных частей Красной армии, но было решено ограничиться военными советниками, категорически запретив им вмешиваться во внутренние дела республики» (с. 199). Подобные действия СССР, безусловно, помогли законному испанскому правительству, но после серьезных разногласий внутри него самого, молодая республика пала. Верх взяли мятежники, и Франко установил в стране диктатуру, которая продержалась несколько десятилетий.

На мой взгляд, очень важную и интересную информацию читатель может почерпнуть в последних разделах книги, посвященных совершенно очевидной смене курса Москвы по отношению к Лиге наций и вообще в международной политике. Автор датирует такой поворот 1939 годом. На самом же деле, скорее

всего, он произошел раньше, сразу после Мюнхенского соглашения, заключенного в самом конце 1938 г. Францией, Великобританией, Германией и Италией. Оно предусматривало отторжение от Чехословакии и присоединение к Германии Судетской области и, по существу, одобряло удовлетворение территориальных претензий к Чехословакии со стороны Венгрии и Польше. Что касается позиции СССР и его реакция, то об этом Хормач практически ничего не пишет, а Мюнхену посвящает только несколько абзацев. Думаю, что автор лишь упоминает о таком важном событии потому, что российские архивы «замалчивают» (не выдают исследователям соответствующих документов) реакцию Москвы на происшедшее в столице Баварии. Ведь именно после Мюнхена стало окончательно ясно, что европейские державы встали на путь заботы о собственной безопасности, а думать о коллективной перестали. Не был исключением и СССР. Следующий год уже наглядно свидетельствовал об этом. А Лига наций, если еще и не канула в Лету, то по крайней мере перестала выполнять свои прямые обязанности.

Явную смену международной политики Советского Союза Хормач датирует рубежом 1938 и 1939 гг. и представляет в книге, хоть и косвенный, материал, подтверждающий новую ситуацию. Приведем пространные, но очень интересные цитаты. «Под влиянием внутренних и внешних факторов, — указывает автор, — происходили коренные изменения во внешнеполитическом курсе СССР, шла переоценка его приоритетов. События, происходящие в стране отразились на деятельности наркомата иностранных дел и его личном составе — сотрудники наркомата «изымались» органами НКВД. К началу 1939 г. полпреды, советники, секретари, консулы, технический персонал большинства зарубежных представительств были отозваны на родину. Как правило, разрешение на обратный выезд они уже не получали. Было отказано в работе за пределами СССР и значительной части сотрудников аппарата НКВД. Многие были исключены из партии «в порядке бдительности» или отстранены от секретной работы. Квалифицированной смены ЦК партии не присылал» (с. 358).

Далее Хормач дает читателю еще более информативный материал: «3 января Литвинов

был вынужден обратиться к Сталину с письмом, в котором изложил проблемы возглавлявшегося им наркомата. Приведенные им факты впечатляли. Длительное время оставались вакантными места полпредов в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Пустовали вакансии девяти советников, 22 секретарей, 30 консулов и вице-консулов, 46 заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств. Некоторых полпредов невозможно было даже вызвать в Москву «во исполнение решения ЦК» ввиду отсутствия у них вообще работников (Афины). Ни в наркомате, ни на местах больше не было технического персонала. Со 2 января пришлось приостановить курьерскую службу из-за запрещения 12 курьерам выезжать за границу. Литвинов просил назначить комиссию для изучения ситуации с кадрами наркомата и поиска путей к изменению сложившейся катастрофической ситуации» (с. 358).

Последней неудавшейся попыткой спасти мир и остановить агрессоров стали советско-англо-французские переговоры, проходившие в Москве в мае-августе 1939 года. Их целью было заключение тройственного договора о взаимной помощи и военной конвенции. Переговоры шли медленно, трудно. Серьезные противоречия между тремя державами мешали прийти к согласию. Похоже, в успех консультаций никто и не верил. Но каждая держава упорно надеялась, что сможет остаться в стороне от надвигающейся войны. На переговорах Франция взяла на себя тяжелую миссию договориться с Польшей, чтобы та, в случае развязывания Германией войны, пропустила через свою территорию советские войска. Польские руководители не хотели давать на это согласие. В результате СССР тоже решил проводить исключительно собственную линию. Французская делегация еще находилась в Москве, когда 23 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп прибыл в столицу СССР и подписал с Молотовым известный пакт. «По свидетельствам советских полпредов, — подчеркивает автор книги, — советско-германский пакт произвел в Париже, Лондоне и других странах «самое тяжелое впечатление»... помимо его содержания всех ошеломило то, что все это

произошло без всякого предупреждения и в момент, когда в Москве велись военные переговоры. Единственное объяснение, которое было дано французскому послу, свелось к тому, что военные переговоры уперлись в отказ Польши пропустить войска» (с. 380). Через неделю началась вторая мировая война.

В заключение хочу еще раз обратить внимание читателей на то, что исследование Хор-

мач фундаментально по источниковой базе и кругу поднятых вопросов. Книга вносит большой вклад в отечественную историографию истории международных отношений и будет интересна всем, кого привлекает европейская история периода между двумя мировыми войнами.

М.Ц. АРЗАКАНЯН

А.Л. ХУДОБОРОДОВ, М.А. ЯШИНА. *Российское казачество на чужбине. 1920—1940-е гг.* Челябинск. «Край Ра». 2017. 359 с.

Рецензируемая книга посвящена одной из самых драматических и трагических страниц истории казачества — его жизни и деятельности в эмиграции в 1920—1945 годах. Авторы — известный уральский историк А.Л. Худобородов и его ученица М.А. Яшина — рассмотрели практически все основные аспекты этой темы — социальные, военные, исторические, культурные. Следует сразу отметить, что монографии присущи очевидные достоинства. Во-первых, это уважительное отношение к трудам своих предшественников — историков и эмигрантоведов, о чем свидетельствует глава, посвященная историографии темы. Во-вторых, умение работать с различными видами источников, критически их оценивать, выявлять их познавательные возможности. В-третьих, авторы отстаивают собственную точку зрения по многим дискуссионным вопросам изучаемой темы, что придает убедительность и аргументированность их выводам и обобщениям.

Авторы исходят из того факта, что революция 1917 г. и последовавшая за ней братоубийственная гражданская война раскололи все российское общество, в том числе и казачество. Наиболее непримиримая к власти советов часть белого казачества ушла за границу, став органической частью российской эмиграции. Основными центрами казачьего расселения стали Франция, Чехословакия, Югославия, Болгария, Китай, США, в меньшей мере казаки были представлены среди российской эмиграции первой волны в других странах. Авторы подчеркивают, что жизнь казачества была связана с решением целого

комплекса проблем. Первая из них — необходимость адаптации к традициям, обычаям, укладу жизни общества страны обитания. Процесс адаптации был сложным и длительным. Сложность состояла в том, что казаки были социально неоднородны, существовали и определенные сословные различия (офицеры, нередко дворянского звания, священнослужители, разночинцы и т. д.). Неоднородны были казаки и по национальному составу: русские, украиноязычные кубанцы, калмыки, татары и др., соответственно, различными были и религиозные конфессии (православие, буддизм, ислам).

Авторы считают, что несмотря на все эти различия казаки за границей очень быстро поняли, что только через самоорганизацию, взаимопомощь можно выстоять и выжить в непривычных жизненных условиях. Отмечаются такие черты их жизнедеятельности, как дисциплина, организованность, самоотверженность в тяжелых жизненных обстоятельствах. На чужбине удалось восстановить деятельность войсковых атаманов и новых правительств, были созданы так называемые станицы, хутора, казачьи союзы и другие объединения и организации казаков (земляне, благотворительные, студенческие, культурно-просветительные и др.). В успешной адаптации казаков к условиям жизни на чужбине значительная роль принадлежала общеэмигрантским организациям: благотворительным, Земгору, Российскому обществу Красного Креста, православной церкви.

Адаптация к новым условиям жизни, усвоение языка, обычаев и традиций страны

пробытия, отмечают авторы, неизбежно приводили к угрозе ассимиляции, потери русской и казачьей самобытности. Поэтому зарубежное казачество стремилось бережно сохранить обычаи, традиции своего сословия, народные песни, произведения русской отечественной классики, церковной (православной) музыки. Участие казаков в развитии науки и культуры русского зарубежья проявилось также в научных достижениях ученых — выходцев из казачьего сословия, в творчестве казачьих писателей и поэтов И.И. Колесова, Н. Келина, Н. Туророверова, А. Ачаира, М.В. Волковой и других, в деятельности Донской исторической комиссии, Донского казачьего архива, Общества изучения казачества. Эмигрантские работы по истории казачества не всегда отличались высоким профессионализмом, научной доказательностью, аргументированностью, нередко положения и выводы этих работ определялись политическими симпатиями и пристрастиями их авторов (особенно это характерно для монархистов и самостийников). И все же это интересная часть отечественной историографии (особенно труды С.Г. Пушкарёва, С.Г. Сватикова рассмотренные в книге), которая не оценена в должной мере до сих пор.

Очень важно то обстоятельство, что авторы книги анализируют широкий спектр политических настроений и оформление разных политических течений и организаций в рядах казачьей эмиграции. Казаков объединяло характерное для всей белой эмиграции категорическое неприятие политического режима в СССР, ярый антикоммунизм. Советский Союз они рассматривали не как самостоятельное государство, а как российскую территорию, «оккупированную III Интернационалом». Основные политические течения и организации казачьего зарубежья действовали несколько обособленно и автономно от ведущих политических центров русской эмиграции, а большинство политически активных казаков-эмигрантов не состояло в российских политических партиях. Почти все политические вопросы рассматривались в казачьих организациях с точки зрения интересов своего казачьего сословия. Дифференциация в казачьей эмиграции и выделение политических течений зависели от позиций по двум глав-

ным вопросам: отношение к формам правления и государственного устройства, и, в том числе, взаимоотношениям казачьих краев и Центральной власти. Авторы тщательно анализируют деление зарубежного казачества на три основных политических течения. К первому относились монархисты: П. Краснонов и его сторонники, казаки в составе РОВС во главе с Абоарамовым и И.Г. Акулининым, казачий центральный союз младороссов во главе с Г.И. Чапчиковым, а также казаки в составе Национального комитета. Это течение выступало за сохранение унитарного государства — Российской монархии, с соблюдением льгот и привилегий для казачьего сословия. Второе, умеренно-демократическое течение было представлено Донским атаманом Л.П. Богавским и его сторонниками, Казачьим союзом в Париже, Объединенным Советом Дона, Кубани и Терека, «Демократическим объединением» во главе с В.А. Харламовым и Союзом сохранения казачества во главе с С.В. Маракувым (в Чехословакии). Это течение выступало за сохранение единой и неделимой России, но с гарантией определенной автономии и самостоятельности для казачьих краев, выраженной в конституции (по типу конституции «Всевеликого Войска Донского» 1918 года).

Авторы считают, что особое положение между монархистами и умеренно-демократическим крылом в эмиграции занимали Казачьи организации в Шанхае и Харбине. По многим вопросам они примыкали к умеренно-демократическому течению, стремились установить более тесное сотрудничество и взаимодействие с Объединенным Советом Дона, Кубани и Терека, но по отдельным вопросам, например, необходимости вооруженной борьбы с советской властью, сплочения всей белой эмиграции вокруг великого князя Николая Николаевича казачьи объединения тяготели к РОВСу и врангелевцам. Среди них было много «непредрешенцев»-монархистов и сторонников военной диктатуры.

Монархистам и умеренному крылу противостояло радикально-демократическое антимонархическое течение. Его представляли Союз возрождения казачества во главе с Б.Н. Улановым и В.Т. Васильевым, Союз вольного казачества, Совет вольного казачества, Литературная казачья семья и др. Первоначаль-

но это течение выступало за создание в России федеративной республики, в состав которой казачьи земли должны войти как отдельные штаты со своими законодательными и государственно-административными органами. В дальнейшем в этом течении стали преобладать сторонники вольно-казачьего движения, выступавшие за отделение казачьих краев от России и создание самостоятельно-го квазигосударства «Казакия».

Авторы отмечают, что тяжелейшее материальное, бесправное положение казаков на чужбине в 1921—1922 гг., тоска по родине, близким заставили часть казаков пойти на признание советской власти и возвратиться в Россию (репатриация). Но в монографии явно недостаточно внимания уделено этому вопросу.

В книге подчеркивается, что для нескольких тысяч казаков-эмигрантов военная деятельность в 1920—1930 гг. была основным источником доходов и средств к существованию (служба во Французском Иностранном легионе, в корпусе пограничной стражи в Югославии, в вооруженных силах Китая, в составе Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса по охране международного селтльмента в Шанхае). Часть казаков (прежде всего офицеры-монархисты) вошла в состав Русского Общевоинского союза. А наиболее непримиримые к большевизму и к советской власти казаки активно участвовали в подрывной, диверсионной деятельности против СССР, в белом партизанском движении (особым районом китайско-советской границы).

Принципиально важен вывод о том, что в конце 1930-х — начале 1940-х гг. многие эмигрантские казачьи организации сделали «роковой шаг, вступив на путь прямого военного сотрудничества с германскими и японскими оккупационными властями». Мотивы этого сотрудничества были разными: одни действовали добровольно, по собственной инициативе (например, в составе вермахта на Восточном фронте в качестве переводчиков, членов полицейско-карательных отрядов в тылу германских войск, а также записывались в Русский охранный корпус на Балканах или в 15-й кавалерийский казачий корпус Гельмута фон Панвица), другие сотрудничали с оккупантами в

результате насильственной мобилизации и под угрозой репрессий (например, участие в вооруженных отрядах в Маньчжурии — Хайларский казачий отряд И.Л. Пешкова, Захинганский казачий корпус А.П. Бакшеева). Это военное сотрудничество с оккупантами для большинства казаков-эмигрантов закончилось трагически: они либо погибли в ходе военных действий, либо в 1945 г. были арестованы советской военной контрразведкой и понесли наказание как пособники германского и японского милитаризма.

Отмечается, что в рядах эмиграции были и такие казаки, кто открыто стоял на патриотических позициях и активно участвовал в борьбе с гитлеровским режимом, но их было немного.

В целом для монографии характерен выработанный позитивный подход к анализу истории белой эмиграции, в том числе казачьей. Авторы постоянно подчеркивают, что в сложных условиях проявились лучшие черты казачества — его сплоченность, стремление к консолидации, взаимопомощь, любовь к России, к малой Родине — казачьим краям, сохранение обычаев, традиций, других элементов сословной казачьей культуры. Авторы не идеализируют казачью эмиграцию, справедливо отмечая присущие ей недостатки, ошибки, утопичность многих взглядов и программ, особенно представителей вольно-казачьего движения. В то же время в книге нет стереотипов советской историографии, для которой был типичен односторонний подход, что вело к изображению белой эмиграции как сплошной черносотенной массы, переживавшей исключительно агонию и крах. Достоинством книги является освещение места и роли казачьего зарубежья в событиях второй мировой войны, когда основной массе казаков-эмигрантов не удалось занять достойного места в великом противоборстве СССР и стран антигитлеровской коалиции с силами фашизма.

В целом данная монография — весомый вклад в исследование истории российского казачества в зарубежье, как части русской эмиграции.

С.А. КИСЛИЦЫН

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **S.V. Voroshilova**, **E.P. Tatarinova**. Women's suffrage in the Russian empire. Historical profiles: **V.V. Yarygin**. James Blaine. **Historical publicistic**: **Z.E. Dzhioeva**. Etymology and structural features of the anthroponyms of the Mongols of Genghis Khan. Contributions: **Y.V. Karpenkina**. Soviet citizens in Western Belorussia in 1939—1941; **S.Yu. Kargapoltsev**, **I.Yu. Lapina**. Northern extremity of the Kazan street of St. Petersburg in research practice; **E.B. Barinova**. Ethnopolitical relations in Central Asia in the pre-Mongol period. Debatable issues: **A.S. Ischenko**. The myth about Vladimir Monomakh in the mirror of Ukrainian historical memory. History and fates: **A.E. Kotov**. Mikhail Yuzefovich — ideologist of the Russian political pre-modern. For teacher of history: **P.A. Iskenderov**. World War II in modern context. People. Events. Facts: **Y.S. Nikiforov**. An attempt of Yaroslavl to press Ivanovo in management of the Upper Volga economic council; **V.A. Poliakov**. To the question of the number of the twenty-five-thousanders on the Lower Volga in 1930; **R.S. Abdumajidov**, **Sh.M. Khapizov**. Relations of the Jar Republic and the Kakhetian Kingdom at the end of the XVII — first quarter of the XVIII century. Historiography. **N.M. Ignatova**. Historiography of forced migrations. **Reviews on books**: **I.A. Hormach**. USSR in the League of Nations 1934—1939 (by M.Ts. Arzakanyan); **A.L. Khudoborodov**, **M.A. Yashina**. The Russian Cossacks in a foreign land. 1920—1940 (by S.A. Kislitsyn).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, Э.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 6, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 870. Заказ 213-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**